

Мефодий Ильич Колесов

История Колымского края

Часть I. Досоветский период (1642-1917 гг.)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	2
Глава 1. Открытие Колымы русскими землепроходцами	5
1. Открытие русскими землепроходцами северо-востока Якутии	5
2. Административно-территориальное деление. Управление Колымским краем.....	12
Глава 2. Население Колымы и его соц.-правовое положение	22
1. Расселение народов, их образ жизни. Хозяйство и общественный строй	22
2. Русское население Колымы	44
3. Поселения якутов.....	48
Глава 3. Экономическое положение Колымского округа.....	57
1. Занятия населения	57
2. Пути сообщения и транспорт	78
3. Торговля	87
4. Экономическая экспансия иностранных государств	94
Глава 4. Колымская ссылка.....	97
1. Узники Колымы с XVII до 30-х гг. XIX в.	97
2. Декабристы в Колымской ссылке	100
3. Ссылка в 80-х гг. XIX в	101
4. Колымская ссылка 1890—1900-х гг.....	111
5. Столкновения марксистов с народниками.....	118
6. Библиотека политссыльных	120
7. Жертвы Колымской ссылки	122
8. Борьба политссыльных.....	130
9. Ссылка 1906-1917 гг.....	133
10. Деятельность политссыльных	135
Глава 5. Культура	141
1. Материальная культура	141
2. Духовная культура	146
3. Верование.....	151

4. Просвещение	157
5. Здравоохранение.....	164
6. Исследование и изучение Колымского края при участии местных жителей	171
Глава 6. Февральская революция	179
Заключение	182
Приложения	185
Список литературы	192

***350-летию открытия Колымы
русскими землепроходцами и
мореходами посвящается.
Автор***

ВВЕДЕНИЕ

В XVII в. русские землепроходцы, продвигаясь на восток, открыли Ленский край и основали Якутский острог. В 1632 г. Якутия добровольно вошла в состав Российского государства.

Из Якутского острога русские землепроходцы и мореходы, преодолевая трудности, открывали новые места на северо-востоке. В 1642-1643 гг., были открыты реки Алазея, Колыма, а затем вся прилегающая к ним территория. Колымский край вошёл в состав Якутского уезда. К приходу русских по обширным просторам края, кочевали юкагиры, эвены, эвенки и чукчи.

От устья Алазеи до Чаунской губы Колымский край омывается Северным Ледовитым океаном, на северо-востоке — рекой Чаун до её верховья; далее к востоку, юго-востоку и югу ограничивается Становым хребтом, служащим водоразделом рек, впадающих с одной стороны в Северный Ледовитый океан, с другой — в Берингово и Охотское моря. К западу край отделяется от Верхоянского округа хребтом Томус-Хая, затем Алазейскими горами и рекой Алазеей до впадения её в Северный Ледовитый океан [1].

По территории края протекают реки: Колыма, Алазея, Большая Бараниха, Большая Чукочьа, Большая Куропаточная и Чаун. Из них Колыма является наиболее крупной и судоходной, в неё впадают до 35 рек и речек. Среди них справа по течению: Буянда, Балыгычан, Сугой, Коркодон, Берёзовка, Омолон, Большой и Малый Анюй; слева: Эмтегей, Среднекан, Сеймчан, Табылынджа, Поповка, Зырянка, Ожогина, Седедема и другие [2].

Край является обширным озёрным районом. Только в одном бассейне Алазеи насчитывается свыше 24 тыс. озёр. Озера преимущественно невелики, но имеются и крупные, достигающие 60-100 км в окружности [3, 4]. На территории края имеются и горные области: Момско-Черская, Юкагирская, Анюйская и Колымская [5].

На Западе лежит обширная Колымская низменность, называемая ещё Халерчинской тундрой, что в переводе означает «ровная тундра»; она занимает бассейны Алазеи, Большого Чукочья и левобережье нижнего течения Колымы.

На территории края находятся две природные зоны; тундра и леса. Большая часть территории расположена за Полярным кругом. Климат в целом суровый, резко континентальный, что отражается на растительности.

Почвенный покров в тундре развивается в условиях близкого залегания к поверхности вечной мерзлоты. Растут кустарники, кустарнички, многолетние травы, мхи, лишайники и др. В речных долинах и невысоких предгорьях растут лиственничные, лишайниковые и ерниковые заболоченные редколесья. В зоне лесов растут северо-таёжные леса. В северной полосе деревья растут редко. К югу характер лиственничного редколесья заметно меняется, увеличивается их густота. Растёт тополь, берёза, лиственница (даурская лиственница имеет высоту 10-12 м при диаметре 15-25 см), кустарниковые, мохово-лишайниковые северо-таёжные редколесья и прочие растения [6, 7].

Расположение края определяет основные черты его животного мира.

Некогда главными богатствами Колымы считались звери из отряда хищных: соболь, песец, лисица красная, лисица-огнёвка, горно-стай. Из отряда парнокопытных — лось и дикий северный олень. Также водятся бурый медведь, волк, белка, заяц-беляк, снежный баран. Из перелётных птиц: лебеди, гуси, разные утки, чайки, кулики и другие, водятся тундровые куропатки, тетерев, глухарь, рябчик. В озёрах и реках много видов лососеобразных рыб [8].

Прошло почти три с половиной столетия со времени открытия Колымского края и его вхождения в состав Российского государства. За это время произошло много изменений в крае и в жизни его народов. Под влиянием русского населения произошли прогрессивные изменения в их материальной и духовной культуре. В укреплении и дальнейшем развитии дружественных отношений между народами

Колымского края и русским народом большую роль сыграли политические ссыльные.

Была ликвидирована вековая изолированность народов Колымы. Произошло развитие товаро-денежных отношений. Усилилась миграция населения. В край проникли якуты-скотоводы, чукчи-оленьеводы, эвенки и другие народы. Произошли изменения в структуре хозяйственного строя населения.

С XVIII и до начала XX в. здесь побывали многочисленные экспедиции, которые исследовали и описали побережье северной части Колымского края и устье Колымы. Были собраны интересные географические и геологические материалы о строении северной области края; обширные этнографические материалы о коренном населении Колымы. Но большая часть края оставалась почти не исследованной. В его недрах, лесах и водах скрывались колоссальные природные богатства.

Царизм этот край считал самым подходящим местом для ссылки; край считался «тюрьмой без решёток» и «белоснежной усыпальницей». Но он ошибся. Советская власть была установлена в Колымском округе только в 1920 г. Но в результате развернувшейся при поддержке иностранных государств гражданской войны окончательное её установление произошло в 1923 г.

По указанию В.И. Ленина была оказана помощь продуктами и необходимыми товарами голодающему населению округа. Согласно Ленинской национальной политике преобразовалась жизнь малых народностей. Минуя капиталистический путь, они встали на путь социалистического развития. За короткое время были достигнуты огромные социальные успехи. Край вошёл в единый хозяйственный организм страны, его несметные природные богатства стали служить интересам страны — идёт активная добыча золота, олова, вольфрама, молибдена, угля и других полезных ископаемых. Получило заметное развитие сельское хозяйство. Выросли города, рабочие посёлки и села. Заработали первая плавучая электростанция «Северное сияние 0-1», атомная электростанция и первая на вечной мерзлоте Колымская ГЭС-1.

За прошедшие три с половиной века народы Колымского края прошли сложный, противоречивый путь исторического развития. Путь этот интересен по содержанию, представляет оригинальный опыт освоения вместе с русским народом сурового, северного края.

Этот опыт может быть использован в современных условиях интенсивного промышленного освоения края,

Глава 1

ОТКРЫТИЕ КОЛЫМЫ РУССКИМИ ЗЕМЛЕПРОХОДЦАМИ

1. ОТКРЫТИЕ РУССКИМИ ЗЕМЛЕПРОХОДЦАМИ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЯКУТИИ

В XVII в. отважные русские землепроходцы — служилые люди, находившиеся на государственной службе, и предприимчивые купцы-промышленники — все дальше проникая на восток, открыли новые земли. К востоку от Енисея они шли двумя путями — северным (через Мангазею) и южным (через Енисейск). В Енисейске в 1619 г. эвенкийский князец Илтик впервые сообщил воеводам о «великой реке Лене». В 1621 г. в Мангазее о якутах на Лене служилые люди получили сведения от эвенков-буляшей. В 1620 г. состоялось открытие р. Лены. Тогда же были приняты меры по закреплению этого сказочного богатого края. Для этого по указанию енисейского воеводы в 1629 г. был отправлен отряд во главе с тобольским служилым человеком Антоном Добрынским. Отряд зиму 1630 г. провёл на «якольской земле», впервые собрал с её жителей ясак (обычно ценной пушниной) и продолжал разведывание новых районов края. Одновременно из Енисейска выступил отряд атамана Ивана Галкина, который спустился по Лене, дошёл до Алдана и собрал ясак с местного населения. Весной 1632 г. П. Бекетов — стрелецкий сотник — во главе маленького отряда спустился по Лене вниз и остановился на земле бетунских якутов. Отряду Бекетова также удалось собрать с «якутских князцов» ясак. Для дальнейшего укрепления своего положения Бекетов в 1632 г. на правом берегу Лены основал деревянное укрепление «Ленский острожок». Эта дата считается датой вхождения Якутии в состав Российского государства [1-3].

В суровых климатических условиях края, несмотря на огромные трудности, землепроходцы продолжали открывать новые места. В 1632 г. за Полярным кругом они открыли «жиганскую землицу» и основали зимовье — важный опорный пункт, откуда отправлялись дальше морским путём через «студёное море» [4].

В эти же годы была открыта через Верхоянский хребет сухопутная дорога к «заморским рекам». Этим путём с Лены достигали «коньми»

(на лошадях) за пять недель верховьев Яны, а с Яны, вдоль её притоков через хребет Тай-Хаяннас, примерно за три-четыре недели выходили на р. Индигирку. С Индигирки на нартах приблизительно за такое же время достигали Алазеи, оттуда за десять дней верховьев Колымы, Первым воспользовался такой сухопутной дорогой служилый человек Селиван Харитонов в 1635-36 гг. Зимним путём на конях он прошёл до Яны и там поставил зимовье.

В 1636 г. Яну посетил другой енисейский казак Постник Иванов. Летом 1637 г. он с 27-ю людьми пошёл на конях «на Индигирскую реку в юкагирскую землю». Через четыре недели, придя на Индигирку, объясачил кочевавшие там юкагирские роды и, собрав с них ясак, поставил зимовье, впоследствии названное Зашиверское. В это же время на Яне, Индигирке и вдоль берегов Ледовитого океана находился другой красноярский казак Иван Ерастов.

На Индигирке побывал и землепроходец Дмитрий Зырян, который летом 1641 г. поставил на ней зимовье Олюбенское.

Землепроходцы Иван Ерастов, Федька Чюкичев, Тренька Алексеев и другие от олюбенских князцов Морле и Бурулги разузнали о новой реке Алазее, на которой жили «многие алазейские юкагирские люди», которые ясаку «николе не давали и служилых людей оне не видали» [5].

Служилые люди писали царю об открытии реки Алазеи, сообщали, что там много людей, в том числе приехавшие с тундры чукчи, которым они говорили о «царском величестве», о том, чтобы они «были послушны и покорны и учинились» царской власти и выполняли требование об оплате ясака. Но юкагиры и чукчи не подчинились «в твоём, государева ясаке отказали и по обе стороны Алазейской реки обошли и учили нас, холопей твоих, оне, алазеи, с обеих сторон стрелять...».

Однако юкагиры и чукчи отступили, а отряд Зыряна, дойдя до «лесных мест, поставил зимовье с косым острожком». Появление зимовья вызвало волнение среди юкагиров и к зимовью подъехал «лутчей алазейский шаман» по имени Олюганей и пустился в разговор «почто де Вы поставили острожек на моей земле и у меня де Вы не докладывались, да де Вы у нас ясаку просите». Олюганей схватили и «посадили его в аманаты». Попытки юкагиров освободить его не увенчались успехом. От них был собран первый ясак — 180 соболей [6].

Вскоре после открытия Алазеи с Колымы приехали юкагиры и сообщили землепроходцам, что «де с Алазеи реки на Ковыму реку аргишем переезжают на оленях в три дни», русских людей у них не было, а их юкагиров «бесчисленно», много соболей, всякого зверя и рыбы [7]. Но Зырян не решился с малой группой казаков пойти на Колыму.

О Колыме в это время было известно другому землепроходцу Михаилу Стадухину — пинежскому купцу и племяннику московского купца В. Гусельникова. Он пришёл на Лену в 1630 г. из Енисейска, а за ним его братья Герасим и Тарас. На Лене жили его сыновья: Яков занимался лесным промыслом и торговлей, а Нефед проходил государствену службу на Мае. Стадухин был хорошим организатором многочисленных походов и обладал немалой отвагой. В 1633 г. он ходил на Вилую, в 1641 г. вместе с земляком Семёном Дежнёвым — на Оймякон, был и на Моме. Весной 1642 г. Стадухин покинул Оймякон и с верховья Индигирки спустился на коче вместе с С. Дежнёвым и морем достиг Алазеи [8].

Перезимовав на Алазее, летом 1643 г. объединённый отряд во главе со Стадухиным и Зыряном на коче отправился на Колыму. Отряд состоял из 11 человек, куда входили: С. Дежнёв, Фофанов, Шестаков, Гаврилов, Артемьев, Прокофьев, Немчин, Фёдоров и Коновалов. В отряд были взяты и алазейские аманаты. С устья Алазеи отряд на Колыму шёл две недели: «морем шли две недели и пришед на Ковыму реку, по Ковыме шли вверх двенадцать день». На Колыме отряд встретил сопротивление юкагиров. Стадухин писал, что он вел борьбу «не щадя головы и жалея крови» и что он «поймал в аманаты юкагирских лучших трёх мужиков» и был ранен он стрелой в грудь [9].

Для сбора ясака были построены первые зимовья в 1643 г. в Среднеколымске и 1644 г. в Нижнеколымске, приказчиком которых стал М. Стадухин, а Алазейским зимовьем руководил И. Белян.

Так Колыма стала частью территории Якутского уезда, вошедшей в состав Российского государства.

С открытием Колымы был проложен морской путь между Леной и Колымой. В 1643 г. для доставки соболиной казны в Якутск отправились с Алазеи Ф. Чикачёв и Т. Алексеев, но из-за ветра и позднего времени зазимовали в Жиганске. Большое оживлённое движение по этому морскому пути из Якутска на Колыму и обратно началось с 1645 г.

Осенью 1645 г. М. Стадухин, оставив за себя приказчиком С. Дежнёва, вместе с Д. Зыряном и служилыми людьми на коче приехавшего купца А. Вороны выехали в Якутский острог, но из-за начала ледостава на Лене зазимовали в Жиганске [10].

По приезде в Якутский острог, Стадухин доложил в приказной избе В. Пушкину, К. Супоневу, что «Колыма де река велика, есть с Лены реки, идти в море также, что и Лена... а по той де Колыме реке живут иноземцы колымские мужики свой род оленные и пешие сидячие многие люди, и язык у них свой». Далее он говорил, что восточнее р. Колымы есть река Чюхче и по её берегам «живут иноземцы свой же род, словут чюхчи... оленные сидячие ж...». В море имеется остров, куда чукчи «с той речки зимой переезжают на оленях на тот остров одним днём, и на том же острове они побивают морской зверь морж и к себе привозят моржовые головы со всеми зубами». Промышленные люди ему рассказывали, что у чукчей видели сделанные оленные сани из моржового зуба. В тундре, где живут чукчи, нет соболя. Самый хороший чёрный соболь имеется по всей Колыме. Восточнее Колымы находится река «Погыча» (Чаун), «до ней от Колымы парусным погудьем бежать сутки три и болши, и та де река большая ж и соболинная ж, и иноземцев де по ней много ж, а язык у них свой же». При этом Стадухин считал, что служилые люди немногочисленны и поэтому практически не могут установить контроль над иноземцами. Он просил, чтобы «на те реки послать своих государевых служилых людей немалых, и на тех де реках будет государев ясачный сбор большой и государеве казне будет прибыль великая», потому что для оплаты ясака будут поступать «соболи все добрые черные и зверь коренной, да лисицы все красивые да песцы» [11].

Воспользовавшись выездом М. Стадухина и служилых людей, юкагирский князь Аллай, собрав более 500 человек, совершил нападение на Нижнеколымский острог, о чём С. Дежнёв писал: «Аллай приходил к острожку приступом и обсадил нас в острожке». При рукопашном бое в острожке «многие юкагиры к нам сильно вломились». Только после убийства князя Аллая и других юкагиров «они, убоясь смерти, отошли прочь от острожку». В этом сражении С. Дежнёв был ранен в голову «стрелою железнцею», но со своими товарищами выдержал натиск юкагиров [12].

Якутские воеводы принимали меры по укреплению дальних зимовий; ежегодно направляли новые партии служилых людей, казаков и промышленников. Д. Зырян был назначен приказчиком на зимовья

Колымы, ему поручалось продолжить проникновение в новые места Колымского края и обеспечить поступление ясака [13].

В 1646 г. новый приказчик Алазейского зимовья Фёдор Чюкичев построил на Алазее новое зимовье близ речки Рассохи [14]. Юкагиры на Алазее отказывались от уплаты ясака, не подчиняясь царским служилым людям. В 1651 г. казачий десятник П. Мокрошубов писал якутскому воеводе, что в 1650 г. юкагиры на «Алазее государю изменили и служивым в ясачном зимовье, а на промыслах промышленных людей убили человек с 15» [15].

Против этих «государственных изменников» из Якутска был отправлен отряд под начальством Второго Катаева в составе 48-ми служилых и промышленных людей. Они осадили юкагиров в их острожке, штурмом взяли его и вынудили их вступить в переговоры, после чего юкагиры выдали аманатов и согласились платить ясак [16]. В дальнейшем подобных выступлений со стороны юкагиров не было, но отдельные нападения на служилых и промышленных людей на Алазее и Колыме случались.

Под руководством Д. Зыряна служилые и промышленные люди продолжали продвижение на земли бассейна Колымы и находили новые реки и места, где жили юкагиры, эвены и эвенки. От них они получили сведения, что за горным хребтом к востоку от Анюя течёт река Анадырь; были слухи о реке Чаун, сведения о более южных районах и реках, впадающих в Охотское море. Стало известно, что истоки Колымы находятся поблизости от верховьев рек Охты, Тауя и Ини.

В том же году якутский воевода В. Пушкин в наказной памяти приказчику В. Власьеву указывал, что в верховьях Колымы и по её притокам живут многие неясачные иноземцы с оленями и без оленей, «...А Колыма де река велика, Индигирки реки больши, а Лены реки меньши». Население края нуждалось в простейших вещах цивилизации: топорах, ножах, якутских охотничьих ружьях, стрелах железных, котлах маленьких [17]. Несмотря на то, что «...служилых людей на Колыме реке мало», Власьев продолжал поиски новых мест и в верхних притоках Колымы нашёл новые роды юкагиров, эвенов и эвенков. В 1647 г. на реке, названной Ясачная, было построено Верхнеколымское зимовье. Поиски новых мест продолжались.

Ясачные сборщики были малочисленными в последующие годы. В 1650 г. якутский воевода писал царю о недостаточности служилых людей в Якутском остроге для отправления на северные реки, в том числе на Алазею и Колыму. В письме говорилось, что «по распросу

служилых людей» необходимо было направить на Колыму 20, а на Алазею 10 человек, ибо в обоих пунктах всего было 17 человек. В 1651. г. были направлены на Колыму 9 и на Алазею 5 служилых людей [18, 19]. По данным 1670-х гг. в Алазейском зимовье числилось 10 человек, в трёх зимовьях Колымы — 20 служилых [20, 21, 22].

С открытием морского пути ежегодно на Колыме увеличивалось число приезжающих промышленников, купцов и приказчиков богатых торговых людей. Происходило выкачивание богатств Колымы и, в первую очередь, ценной пушнины, которая стала играть большую роль в укреплении экономической мощи России. В 1647 г. было доставлено в Якутский острог на пяти кочах 6985 колымских соболей, оценённых в 8979 руб., а в последующие годы количество вывозимых соболей возросло [23].

Скоро Колыма стала опорным пунктом новых открытий морских островов, движения промышленников, отрядов казаков и экспедиций, идущих на поиск новых земель на востоке, а также въезда и выезда купеческих мореходных судов.

По предписанию якутского воеводы приказчики Колымы и Алазеи отправляли из устьев рек служилых людей для поиска новых островов. Так были открыты Медвежьи острова, где нашли переселившихся из Алазейской тундры чукчей. В начале 1700 г. казак С. Пермяков сообщил о Новосибирских островах. В 1712 г. отряд С. Вагина достиг Ляховских островов, входящих в южную группу Новосибирских островов.

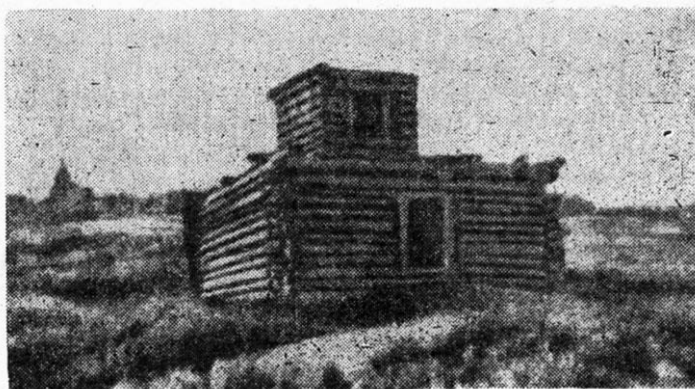

Рис. 3. Старинная казачья крепость

Из устья Колымы отправлялись отряды и экспедиции на восток и совершались новые географические открытия. В 1646 г. промышленники под руководством Исаака Игнатьева почти первыми достигли Чаунской губы и обменяли свои товары у местного населения на моржовую кость. Об этом прослышали другие служилые и промышленные люди.

В 1647 г. экспедиция в составе 50-ти человек на 4 кочах под руководством С. Дежнёва отправилась на поиски реки Анадырь. Но лёд преградил им путь и экспедиция вернулась обратно. В следующем 1648 г. 20 июня экспедиция на 6 кочах в составе 90 человек под ру-

ководством А. Фёдорова, Г. Анкудинова, С. Дежнёва отправилась в повторный поход. Из 90 человек на Анадырь с Дежнёвым прибыло только 24, часть погибла в бурях, другая убита чукчами, а остальные были рассеяны по краю. В 1652 г. С. Дежнёв, вернувшись в Якутск, сообщил об открытии пролива, отделяющего Азию от Америки. Впоследствии Дежнёв совершил другие крупные географические открытия.

Из Нижнеколымска, после экспедиции Дежнёва, отправлялись и другие экспедиции. Среди них была экспедиция колымских промышленников под руководством брата М. Стадухина Тараса Стадухина. В 1648 г. сухим путем из Нижнеколымска в Анадырь отправлялись партии промышленников [24, 25, 26].

В 1647 г. М. Стадухин был назначен приказчиком в Анадырь. Отсюда он совершал походы, обследовал путь с Анадыря на реку Пенжин и открыл подступы к Камчатке. В 1659 г. отважный землепроходец вернулся в Якутск и оттуда был послан в Москву с соболиной казной. Царём он был произведён в казачьи атаманы. В последующие 1664-1665 гг. Стадухин служил на Алазее, а в 1665 г. был переведён на Колыму, но в пути попал в засаду и погиб [27, 28].

В результате хищнического истребления на Колыме в конце XVII в. почти полностью исчез соболь. Служилые люди за ясак стали брать менее ценную красную лисицу и другую пушнину, но и их становилось все меньше. Терялся источник выколачивания ценной пушнины, поэтому на восток отправлялись все новые экспедиции. Но проникновение в новые, богатые пушниной, места затруднялось воинственностью коряков и чукчей, уклоняющихся от уплаты ясака. Походы и мирные переговоры с чукчами продолжались до 60-х гг. XVIII в. [29].

Вхождение Колымского края в состав Российского государства привело к тому, что его народы оказались под властью местной администрации, страдая под экономическим и политическим гнетом царизма. Внесение в казну ясака служило внешним выражением подданства, и оно оставалось основной формой эксплуатации народов до 1917 г.

С другой стороны, вхождение Колымского края в состав Российского государства имело важное прогрессивное значение, Народы Колымы навсегда вышли из вековой изолированности и застоя первобытного образа жизни. Вопреки реакционной политике царизма, простые русские люди установили дружественные отношения с

народами Колымы; они не проявляли высокомерия, презрения и вражды к ним. Благодаря этому, народы Колымского края начали перенимать условия русского быта и их хозяйственную деятельность. Так, они получили от русских новые охотничьи приспособления: ловушки, западни, огнестрельное кремнёвое оружие. Усовершенствовали рыболовство новейшими средствами ловли рыбы. Ввели денежную систему, способствующую развитию торговли и внутреннего рынка. С развитием торговли появилось разнообразие продуктов, улучшилось питание народа за счёт хлеба, чая, соли и других продуктов. Изменился облик жилых строений. В домашний обиход вошли новые предметы. Появилась одежда из хлопчатобумажной ткани, сукна, шерсти и другие товары. Происходило ускорение распада родовой общины народов Приколымья.

Вхождение Колымы в состав Российского государства предотвратило порабощение её территории и народов иностранными захватчиками.

2. АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ДЕЛЕНИЕ. УПРАВЛЕНИЕ КОЛЫМСКИМ КРАЕМ

После открытия и вхождения в состав Российского государства Колыма находилась в ведении Якутского уезда. Административными её центрами были постоянные ясачные зимовья: Алазейское, Среднеколымское, Нижнеколымское и Верхнеколымское. Временными ясачными зимовьями на реке Омолон были: Смоленское с 1684 по 1692 гг. и Чондонское с 1657 по 1668 гг. [30].

Зимовьями (впоследствии некоторые зимовья были переименованы в остроги) управляли приказчики, непосредственно подчинённые якутскому воеводе. Постепенно увеличивался штат административных и служилых людей. Так, в первой половине XVIII в. Алазейским острогом управлял приказчик и в его подчинении находились: канцелярский служащий-подьячий, переводчик-толмач, целовальник и 25 служилых людей, большинство из которых были женаты на юкагирках и жили безвыездно. Около острога и по Алазее кочевали юкагиры и 50 человек из них платили ясак. Для гарантии оплаты ясака по-прежнему брали от них аманатов. Ясак платили соболями и лисицами. Но соболей там почти не стало, да и лисиц было мало, поэтому юкагиры стали их брать от приезжающих торговых людей в обмен на оленей, рыбу и мясо. В остроге, кроме сбора ясака и содер-

жания аманатов, готовили проезжающим в дальние места, в том числе в Камчатские остроги, сушёную рыбу — других продуктов не было.

Среднеколымский острог был административным центром всех Колымских зимовий. Колымскому приказчику подчинялись толмачи, подьячие, целовальники и 50 разных служилых людей. Кроме них насчитывалось 500 казаков, священников и других служилых людей, живущих в зимовьях [31].

Колымский приказчик с помощью казачьего гарнизона и служилых людей выполнял главную задачу — собирал ясак и другие натуральные повинности с местных жителей, а с русских промышленных людей брал десятину, т. е. десятую часть добычи пушнины или рыбы кость — клыки моржей. Он должен был блюсти «тишину» и порядок на вверенной ему территории.

В январе 1775 г., согласно законоположению «О новом разделении Иркутской губернии на провинции, воеводства и комиссарства», образовалась Якутская провинция, которую возглавил провинциальный воевода. В Колымском крае было организовано Среднеколымское комиссарство. В его состав входили Алазейское, Нижне-, Средне-, Верхнеколымские остроги. Во главе его стоял комиссар из обер-офицерских чинов.

Такое административное устройство Среднеколымского комиссарства было недолгим. В 1783 г. был издан указ «О составлении Иркутской губернии из четырёх областей», по которому Якутская область была подчинена

Иркутской губернии. Вместо Среднеколымского комиссарства был организован Зашиверский уезд, в подчинении которого находился Колымский край [32, 33].

«Зашиверск, — писал руководитель экспедиции Ф. П. Врангель, — был прежде деревней и состоял из нескольких только юрт, но в 1786 г. ...указом императрицы Екатерины назначен уездным городом» [34].

Зашиверск вскоре превратился в более крупный город, где было 30 домов. Здесь же велась бойкая торговля. Но уже в начале 1800 г. Зашиверск был переведён в так называемый заштатный город. В 1805 г. снова было образовано Среднеколымское комиссарство и упразднён комиссариат в Зашиверске.

В 1820 г. в Зашиверске началась эпидемия оспы, в результате которой живых людей в городе осталось только в пяти домах [35].

Согласно административной реформе Сперанского, в 1822 г. вновь была учреждена Якутская область. Вместо комиссарства был создан Среднеколымский округ второго разряда во главе с исправником. Скоро образовалось окружное управление. В подчинении окружного управления и исправника находилось все население.

После реформы Сперанского 1822 г. возник Колымский улус, занимавший громадную территорию округа, куда были приписаны все якуты. В Колымском округе было 11 наслегов, 19 эвенских, юкагирских, эвенкийских родов.

На Алазее и Колыме окончательно исчезли деления на остроги и зимовья. Во главе улуса стояла улусная управа, состоящая из высшего должностного лица улуса — головы, двух выборных членов и писаря. Наслегом руководило родовое управление, возглавляемое наследным старостой. Слово «староста» использовалось вместо старого слова «князец». Понятие «род» отличалось от первобытного рода и означало низовое административное деление якутов, как часть наслега. В наслеге были роды, во главе которых, стояли старшины, входившие в родовое управление. Название «наслег» возникло в 1770 г. от слова «ночлег» [36].

По данным 1901—1902 гг., в 10 наслегах было 279 населённых мест [37]. Основными центрами управления Колымским округом и местами жительства были г. Среднеколымск и посёлки Нижнеколымск и Верхнеколымск.

СРЕДНЕКОЛЫМСК

Среднеколымск, как ясачное зимовье, был основан русскими казаками в 1643 г. в среднем течении Колымы. Он и был центром сбора ясака с окружающего населения.

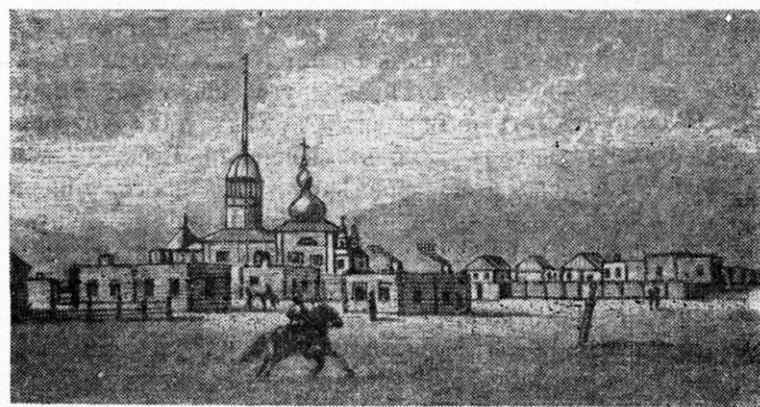

Рис. 1. Среднеколымск в XVII в.

Он и был центром сбора ясака с окружающего населения.

В первой половине XVII в. Среднеколымское зимовье называлось Собачий острог, а затем Ярмонга. О Среднеколымском зимовье обер-

секретарь Сената И. К. Кириллов писал: «...Армонга Колымская, в котором церковь одна, разстоянием то зимовье от Верхнего Колымского вниз водою две недели. Кочуют юкагирского народа лучников

(обложенных ясаком — *М.К.*) человек со 100». Далее он писал, что Ярмонга была приписана к Якутску и, в свою очередь, находилась в ведении Иркутской провинции Сибирской губернии [38]. В 1764 г. в остроге была церковь, 7 обывательских домов, всего проживало 60 человек.

В конце XVIII в. флотский лейтенант Г. Сарычев писал: «Среднеколымск расположен на левом берегу Колымы, Огорожен он деревянным забором, внутри оного церковь, а около его несколько домов. Сей острог назывался прежде Ярмонка, по причине собиравшихся в ней для торгу всех окрестных жителей, — как то: тунгусов, якутов, юкагиров. С якутскими купцами и казаками меняли они на мелочные товары и табак, кожи разных зверей — лисиц, выдр, росомах, горностаев, белок, более же всего соболей, которых по Колыме ловилось чрезвычайно много, так что годовой пошлины собиралось в казну до девяносто сороков¹ соболей, полагая одного с десяти, почему и называлась это десятинная подать. Теперь соболинных промыслов не стало потому, что соболей по Колыме совсем нет, отчего рушилась и Ярмонка» [39].

Среднеколымск был расположен на открытом месте и окружён с юго-востока и севера кочковыми болотами, поросшими тальником. С левой стороны в реку Колыму впадала речка Анкудин, получившая название от фамилии одного из основателей города казака Анкудинова, который погиб во льдах Ледовитого океана, находясь в экспедиции С. Дежнёва. Впоследствии речка Анкудин стала делить город на левую и правую стороны.

С 1775 г. по 1786 г. Среднеколымск стал центром Среднеколымского комиссарства, а с 1786 г. находился в составе Зашиверского уезда. В 1803 г. Среднеколымск был объявлен городом и снова стал центром Колымского комиссарства, затем Колымского уезда и с 1822 г. центром Колымского округа. Тогда в городе была церковь, одно казённое здание, хлебный магазин и 12 обывательских домов. Численность жителей 223 человека, среди них 17 чиновников, 7 человек духовного звания и 119 мещан [40].

Постепенно город строился, возводились казённые здания и обывательские дома, увеличилась и численность жителей. В 1875 г. по данным однодневной статистической переписи (16 декабря 1875 г.), в городе проживало 303 человека, среди них потомственных дворян

---

¹ *Сорок* — старинная единица счета, равная 40. Девяносто сороков значит 3600 шкурок соболя. — *М.К.*

6, дворян личных и чиновников 20, духовенства 11, купцов 10, мещан 63, казаков служилых 147, казаков отставных 11, крестьян 1, разночинцев 12, якутов 11, по-литссылных 11 человек. Герба, плана и грамоты город не имел.

В городе были казённый хлебный и запасной рыбный магазины; церковь; 4 казённых, 54 личных дома, из них 5 юрт [41].

В 1883 г. Колымское окружное полицейское управление в донесении якутскому губернатору сообщало о наводнении, причинившем жителям города большие убытки, и высказало мнение о перенесении города за Анкудин, более высокое место. На это донесение якутский губернатор ответил: «С моей стороны не встречается никаких препятствий желающим жителям г. Среднеколымска, потерпевшим от наводнения, с мая месяца с. г. строиться за Анкудином, моё согласие есть окончательное». Это решение было сообщено 28 октября 1883 г. на общем собрании жителей города, где домовладельцы приняли решение о перенесении 30 домов, расходы на которые составляли 9155 руб. [42].

Из-за частых наводнений город имел незавидный вид, о чем чиновник особых поручений Ф. Егоров писал: «Строение города незавидное, только три или четыре двора можно встретить с заборами и довольно приличных, остальные дома без заборов, в виде жалких лачужек и прочие якутские юрты. В прибрежной части существует только одна улица, где три порядочных двора, а остальные домики разбросаны». Говоря о причинах наводнений, он писал, что город находится «в пяти верстах, на самой середине реки находится Шатунинский остров, около которого река неглубока, от чего в Колымске случаются частые наводнения и разоряют жителей. При весеннем разливе сжимает на сказанный остров весь лёд реки Колымы и им же загораживает Шатунинскую протоку, от чего вся вода вливается в речку Анкудин и Юкагирскую и моментально затопляется вся западная часть города...» [43]. При наводнениях страдала, прежде всего, городская беднота.

По переписи 1897 г. в городе было 255 мужчин, 283 женщины, всего 538 человек, в том числе русских 337, якутов 193 и прочих 8 человек. Грамотность населения составляла 20,6% [44].

В конце XIX в. Среднеколымск посетил путешественник А. Оксенов, оставивший следующее описание города: «На полярном круге лежит небольшое селение, состоящее из нескольких десятков бедных домиков. В центре этого селения стоит маленькая деревянная церковь,

возвышаясь своею колокольней над окружающими её хижинами. Это селение — один из центров управления инородцами и представляет собою окружной (уездный) город Якутской области Среднеколымск. Этот город, центр обширного края, имеет в настоящее время около 500 человек населения, с полсотни плохих домов и церковь». В городе находилось окружное полицейское управление, состоящее из исправника и его помощника, казачьей команды численностью в 20 человек. Он был торговым пунктом для населения окрестности. По наблюдениям Оксенова «общий вид Среднеколымска с его бедными немногими домиками, с незначительным населением, ...с угрюмой северной природой, производит на посетителя в высшей степени тяжёлое впечатление» [45].

Общеизвестно, что города считались, прежде всего, центрами ремесла и торговли. В Среднеколымске не было никаких ремесленников, за исключением одного печника, жившего в середине XIX в. Все жители занимались рыболовством, охотой, скотоводством. По мнению проф. Г. Башарина, понятие город для Среднеколымска носило к этому периоду условный характер [46].

Жизнь города оживляли купцы, ежегодно проезжавшие через город на Анюйскую чукотскую ярмарку и обратно. Они продавали его жителям продовольственные и промышленные товары, покупали у них пушнину, мамонтовые кости и другие товары. С начала XIX в. некоторая часть жителей города начала заниматься огородничеством и выращивать овощи.

Экономической отсталости всего округа и его центра — города соответствовала и культурная отсталость. Первая школа здесь была открыта лишь в середине XIX в. Первый медицинский работник в округ прибыл в начале 1800 г.

С первой половины XVIII в. до Февральской революции 1917 г. Среднеколымск, как и весь округ, был местом ссылки политически неблагонадёжных. Под их влиянием происходили важнейшие исторические события. В организованной ими библиотеке можно было встретить книги классиков русской литературы, книги по философии, политической экономии, сочинения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, а также Г. В. Плеханова и других. В библиотеку поступало много газет, в том числе «Искра» и «Пролетарий». Было много книг, журналов и газет на польском языке.

Политические ссыльные вели активный образ жизни. Они обсуждали свои вопросы, организовывали дискуссии, например, марксист-

сты и народники. Иногда дело доходило до того, что политссылные оказывали вооружённый протест против тяжести режима ссылки и грубого отношения представителей царского самодержавия в округе. Находясь в Среднеколымске, политссылные занимались также научной работой и художественным творчеством.

НИЖНЕКОЛЫМСК

В 1644 г. М. Стадухин на северном рукаве р. Колымы основал Нижнеколымское зимовье, впоследствии названное Собачьим острогом. В остроге была церковь и несколько юрт.

Нижнеколымский острог был центром служилых людей по сбору ясака с местного населения на обширной территории рек Колымы, Омолона, Большого и Малого Анюя вместе с прилегающей к ним тундрой и лесотундрой.

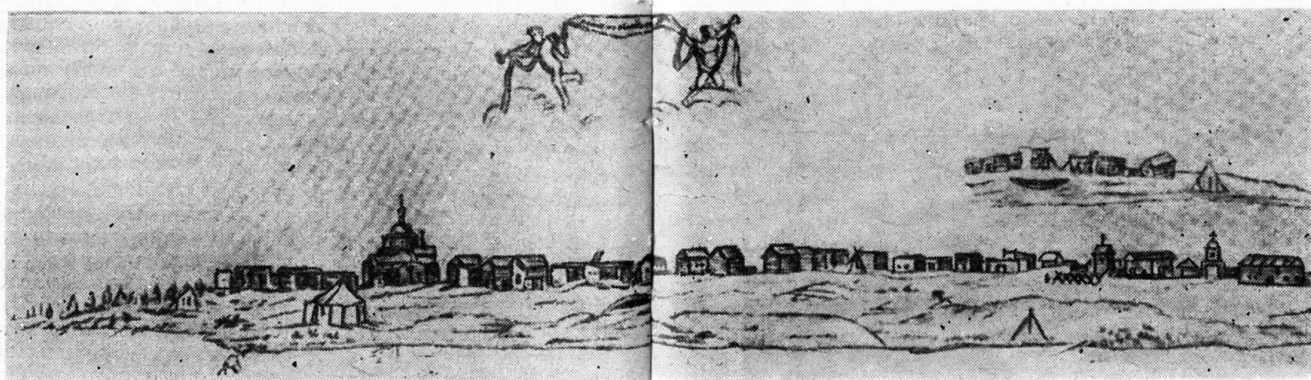

Рис. 2. Вид Нижнеколымского острога в XVII в.

Сюда же прибывали кочей служилые люди, купцы и промышленники. В 1647 г. в Нижнеколымске состоялась первая Колымская ярмарка, затем ставшая центром торговли до закрытия морского плавания. Тогда в XVII в. Нижнеколымский острог был густо населён.

Нижнеколымский острог являлся опорным пунктом русских мореходов, землепроходцев, промышленников, купцов и экспедиций, следовавших к северо-востоку. Отсюда мореходы выезжали в Северный Ледовитый океан на поиски новых островов и богатств. Постепенно Нижнеколымск, как удобное место Заполярья, становился местом выезда экспедиций для изучения побережья морей и Северного Ледовитого океана. Благодаря их усилиям заполнялись географические карты Севера.

В конце XVII в., после закрытия каботажного сообщения между Леной и Колымой, прекратила своё существование ярмарка в Нижнеколымске. Население острога постепенно уменьшалось.

В 1741 г., когда на небольшом парусно-гребном мореходном судне боте «Иркутск» прибыла экспедиция Д. Лаптева, некогда довольно населённый острог был в запустении. В нем сохранились лишь десятки плохоньких рубленых избушек. Для команды экспедиции были построены три избы. Экспедиция описала берег от устья Лены до Большого Баранова камня.

По указанию Д. Лаптева в Нижнеколымске были выстроены шесть судов для команды в 90 человек. По заданию Сената и Адмиралтейств-коллегий Д. Лаптев составил карту и описание реки Анадыря и условия судоходства по ней. Также он определил, что морские суда могут подниматься вверх по Анадырю на 200 км.

Во второй половине XVIII в. Нижнеколымский острог из-за постоянной затопляемости был перенесён на левый берег Колымы, откуда на противоположной стороне можно было видеть устья двух рек — Малого и Большого Анюя. Перенесённый на новое место, острог был обнесён деревянным забором, по его углам были выстроены четыре маленькие, остроконечные башни. Внутри ограды находился большой дом для канцелярии и несколько сараев. Около острога была построена церковь и жилые дома [47, 48, 49].

В середине XVIII в., когда майор Павлуцкий и Шестаков начали походы с целью покорения чукчей, Нижнеколымский острог являлся крепостью для гарнизона казаков. В 1746 г., после оставления Анадырской крепости, туда были отправлены казаки, а в 1769 г. большая часть гарнизона крепости была отозвана. С тех пор отпала необходимость считать Нижнеколымск крепостью и скоро острог стал называться зимовьем.

С 1775 г., согласно законоположению «О новом разделении Иркут-

ской губернии на провинции, воеводства и комиссарства» Нижнеколымское зимовье вошло в состав Среднеколымского комиссарства. С 1822 г., по реформе Сперанского, зимовье стало называться селением Колымского округа. Нижнеколымск, как и Среднеколымск, с первой половины XVIII в. был местом

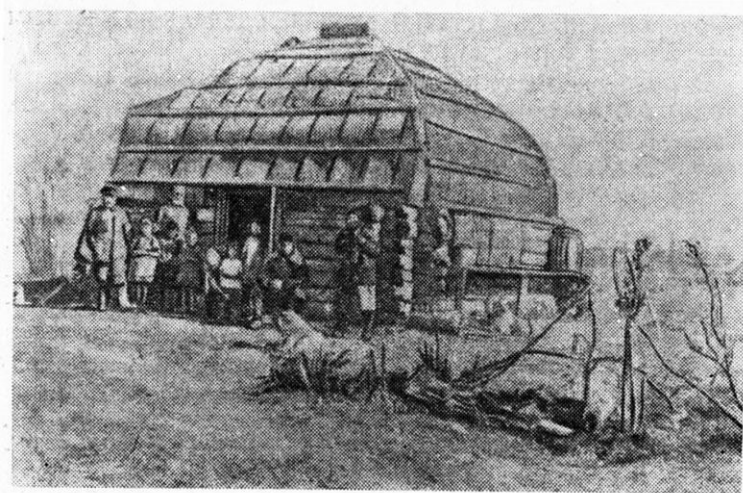

Рис. 6. Юрта русских поселенцев в низовьях Колымы

ссылки врагов самодержавия.

Нижеколымск и после того, как его перенесли, оказался на низком месте, поэтому ежегодно затоплялся при весенних разливах Колымы. Жители зимовья спасались на крышах домов. Было не более 30 старых полуразвалившихся домов, вернее, лачуг. Они были покрыты дёрном и древесной корой. В окна вместо стёкол летом вмазывали бумагу или налимью кожу, а иногда слюду, зимой вставляли ледяные пластины. Кроме личных домов и церкви, были хлебный и рыбный магазины, пороховой подвал и соляная стойка. Были в запасе хлеб, рыба, порох и соль.

Среди населения не было грамотных, не было школы. Начальники и священники не думали об образовании народа. Дети с утра до вечера играли и гоняли собак. Почту получали три раза в год, читать было некому, не было газет, журналов и книг. Жители любили вечеринки, на которых забавлялись играми, пением и русской пляской. Играли на скрипках, балалайках и самодельных инструментах [50].

В 1830 г. была открыта казачья школа. Медицинских работников не было и их заменяли колдуны. Окружной лекарь приезжал во время эпидемии, но не всегда.

Во второй половине XIX в. в Нижеколымске, как писал путешественник А. Оксенов, были «десятки убогих избушек, вмещающих в себе около сотни душ населения». Последние проживали под управлением казака, носящего звание «частного командира» и имеющего в своей команде всего 6 казаков. Было несколько человек купеческих приказчиков. Работала церковь, в которой число прихожан в 1855 г. достигало до 2 тыс. человек, в их числе преобладали «иноземцы» [51].

В начале XX в. в Нижеколымске было около 30 домов, в которых проживали от 150 до 200 человек. Летом почти все разъезжались по заимкам и в селении оставались полицейский чиновник, поп и несколько обывателей. Население сильно уменьшилось после двух эпидемий оспы в 80-х гг. XIX столетия [52].

ВЕРХНЕКОЛЫМСК

В 1647 г. на берегу Ясачной, впадающей в Колыму, на узкой полосе сухой земли между берегом и болотом было построено Верхнеколымское зимовье. Служилые люди здесь собирали ясак от живших в верховьях Колымы юкагиров, небольшого числа эвенов и с конца

XVII в. — от переселившихся на левобережье Колымы якутов (между Верхнеколымском и Среднеколымском).

В 20-х годах XVIII в. И. Кириллов писал: «... Верхнее Колымское, разстоянием от Алазейского сухим зимним путем чрез озера и болота на оленях три недели. Кочуют народы юкагиры, ламутки и якуты сошлые из якуцких мест, лучников около 100 человек» [53].

В первой половине XVIII в. в зимовье стало много казаков, и оно стало острогом; иногда его называли крепостью. Казаки, кроме сбора ясака, занимались доставкой грузов от верховья Колымы до Нижнеколымска.

В 1786 г. в остроге расположилась экспедиция капитана Биллингса. Для него была отведена лучшая изба, а гидрограф Г. Сарычев вместе со штабс-лекарем и шкипером поместились в юрте. Для нижних чинов построили юрту, а также пекарню и кузницу.

Экспедиция строила суда для морского плавания. В конце мая 1787 г. суда «Ясашка» и «Палас» снялись с якоря и отправились по реке к выходу в море.

По описанию Г. Сарычева, тогда в Верхнеколымском остроге была часовня, пять изб, три юрты и обнесённый деревянным забором двор, в середине которого стояла чёрная изба и несколько амбаров. По открытии реки в острог на плотах приплывали юкагиры и, пока река не входила в свои берега после разлива, со здешними казаками у них было празднество и гуляние, обмен пушных зверей на нужные им вещи и табак [54].

В 1775 г. Верхнеколымский острог вошёл в состав Среднеколымского комиссарства, а с образованием Колымского округа острог был упразднён и руководство им было передано среднеколымской администрации. В верхнеколымской части округа были образованы 1-й Байдунский и 4-й Мятюжский наслеги. Верхнеколымск назывался селом.

С XIX в. Верхнеколымск считался подходящим местом для ссыльных, начиная с декабристов и кончая марксистами.

Путешественник конца XIX в. А. Оксенов писал: «Верхнеколымск — это покосившаяся церковка, немногим отличающаяся от обыкновенной избы-сруба, а рядом с нею избышка священника, дьячка и купеческого приказчика. И только, — здесь даже властей никаких нет. В прежнее время это селение (бывший острог) было складочным местом провианта для Анадырского острога и Нижнеколымска...» [55].

В 1892 г, в Верхнеколымске перезимовал начальник экспедиции Петербургской Академии наук по исследованию рек Колымы, Индигирки и Яны геолог И. Д. Черский. Он писал: «Почерневшая, хотя и не старая, деревянная церковь, развалины древней часовни, семь юртообразных домиков без крыш и. оград, со слюдяными или ситцевыми окошками, неправильно расставленных вдоль берега, — вот все, что мы увидели, обогнув последний мыс реки. Пейзаж этот украшен был уже пожелтевшим лесом, поросшим по окрестной низменности, и оживлялся десятком волкообразных ездовых собак, флегматически расхаживавших по берегу». Здесь была «аристократия», куда входили внештатный священник, псаломщик (служитель) церкви, внештатный псаломщик, ссыльный причт (певчий церкви), их возглавлял приказчик якутского купца [56].

В начале 1900 г. Верхнеколымск был небольшим селом со старой деревянной церковью, домом священника и псаломщика и полутором десятков разбросанных в беспорядке якутских юрт. От прежнего острога, т. е. крепости, не осталось никаких следов. Здесь находились ссыльные скопцы [57].

Глава 2

НАСЕЛЕНИЕ КОЛЫМЫ И ЕГО СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

1. РАССЕЛЕНИЕ НАРОДОВ, ИХ ОБРАЗ ЖИЗНИ. ХОЗЯЙСТВО И ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ

Ко времени вхождения Колымского края в состав Российского государства на огромной его территории жили юкагиры, эвены, эвенки, чукчи. В XVII в. в документах их называли «иноземцами»; с XVIII в. они стали называться «иноверцами»; после принятия православия — «инородцами».

Хозяйственной деятельностью народов являлось освоение природных богатств растительного и животного мира. Орудиями труда были примитивные орудия лова и охоты — лук и стрелы с костяными и кремнёвыми наконечниками. Продуктами питания являлись мясо оленей, убитых зверей и птиц, рыба, корни дикорастущих растений. С хозяйственными занятиями народностей был связан их преимущественно кочевой образ жизни. Их экономический уклад от-

носился к патриархальному, т.е. в значительной степени натуральному хозяйству [1].

В XVII—XVIII вв. у народностей тундровой и лесотундровой части Колымского края главным источником существования являлась охота на дикого оленя. Рыболовством чукчи почти не занимались, а у юкагиров, эвенов и эвенков оно имело подсобное значение. Для организации труда характерным было разделение по полу и возрасту. Мужчины занимались в основном охотой, оленеводством, рыболовством, а женщины обрабатывали шкуры, изготавливали одежду, заготавливали продукты, осуществляли передвижки жилищ и ухаживали за детьми. Между народностями Колымы возникали обменные товарные отношения.

В XIX в. вопросы управления народностями Севера определялись «Уставом об управлении инородцев Сибири», принятым в 1822 г. Согласно уставу «инородцы» были разбиты на три разряда: оседлые, кочевые и бродячие. Якуты, эвенки и эвены, юкагиры были отнесены к разряду кочевых, а чукчи — бродячих. Оседлых в округе не было.

Общественно-экономические отношения народов имели своеобразный характер. Патриархально-натуральное хозяйство постепенно вовлекалось в более развитый хозяйственный строй, оказалось под влиянием общероссийского исторического процесса. Появлялась частная собственность на оленей, орудия охоты и рыболовства, транспорт и инвентарь. Классовые отношения только зарождались.

На основе имущественного неравенства появился эксплуататорский слой из числа оленеводов; формировался особый слой из торговых посредников. Часть населения вела самостоятельное хозяйство, однако под влиянием ясачной политики из её среды выделилась обедневшая часть, попавшая в кабалу к богатым [2, 3].

ЮКАГИРЫ

К приходу русских более крупными среди малочисленных народов Якутского уезда были юкагиры (одулы). Об их численности осталось много преданий. В одном из них говорилось: «Юкагирских огней было так много, как звезды на небосклоне в ясную ночь, Перелётные птицы исчезали в дыму юкагирских очагов и северное сияние было отражением их многочисленных костров» [4]. Однако данные XVII в. не подтверждают этих преданий: их было всего 4500—5000 человек.

Рис. 4. Две молодые девушки-юкагирки с р. Ясачной

Юкагиры распадались на племена; роды состояли из группы людей, состоящих из семей и лиц, связанных кровными узами. На Алазее жили алайцы, на Колыме — омоки, когимцы и лавренцы. По мнению учёного Б. Долгих, название когиме связано с рекой Колымой, а название алай — с Алазеей. В 1650 г. юкагиров было на Алазее 580, на Колыме и её притоках — 1080 человек [5].

В 1893 г. В.И. Иохельсон, изучая малочисленные юкагирские группы, находившиеся на просторах Колымского края, писал, что «фигурирующий в преданиях народ под названием омоков несомненно предки нынешних юкагиров. Это вполне доказывается данными юкагирского языка, теперешними названиями юкагирских родов и присутствием древних надземных могил, известных в народе под именем омокских, или омоцких, по рекам издревне обитаемых юкагирами. По-юкагирски омо значит — род и племя» [6].

В 1820-х гг. начальник известной Колымской экспедиции Ф.П. Врангель (возглавивший её со своим спутником мичманом Ф.Ф. Матюшкиным) составил этнографическое описание населения Колымского края. Врангель, называя юкагиров омоками, писал: «Одно лишь тёмное предание сохранилось в народе, что на берегах Колымы было прежде огней у омоков более, нежели звёзд на ясном небе» [7].

Общественный строй юкагиров был патриархально-родовым, но сохранялись пережитки материнского рода, такие как матрилокальный брак, т.е. муж переходил на жительство в дом жены и работал за неё в её роде.

Мужчины занимались охотой; в случаях враждебных

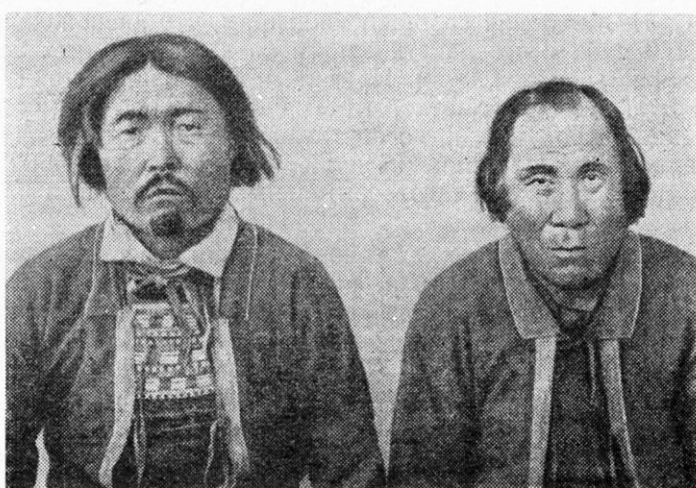

Рис. 5. Юкагиры с р. Ясачной Спиридонов и Шалугин

столкновений с другими народами они защищали своих сородичей. Старшим в роде был старик, который назначал кочёвку и место для стоянки, руководил охотой и борьбой с враждующими соседями. Женщины занимались разбором, перевозкой и установкой на указанном месте урасов (конусообразного переносного жилища, покрытого оленьими шкурами). Они занимались весной и летом вялением мяса, рыбы и сбором ягод, воспитывали детей. Юноши готовились стать воинами [8].

Материальная культура юкагиров была отсталой. Они пользовались каменными топорами, костяными стрелами, ножами из рёберных костей.

После XVII в. под влиянием ясачной политики царизма сократилась численность юкагиров; из-за периодических эпидемий болезней исчезли некоторые их племена и роды; часть юкагиров, пытаясь освободиться от ясака, уходила в другие места [9].

В XVII— первой половине XVIII в. у юкагиров участились враждебные столкновения между племенами и родами, между эвенами, эвенками, юкагирами и чукчами, обычно из-за охотничьих угодий. Вражде способствовало проникновение служилых людей на Алазею и Колыму, в результате чего участились случаи переселения юкагирских родов, а перемещение людей приводило нередко к вооружённым столкновениям. Так, индигирские горные юкагиры Шоромбойского рода нападали на алазейских тундровых юкагиров. Колымские юкагиры нападали в 1678-79 гг. на зашиверских эвенов. Врагами юкагиров были чукчи в Нижнеколымске, коряки и эвены — в верховьях Колымы.

В 1656 г. служилые люди с помощью юкагира Тимкуя захватили в плен предводителя чукчей Миту. С тех пор чукчи нападали на юкагиров Колымы и Алазеи в 1662, 1572, 1673-74, 1676 и других годах. Об этом якутский воевода Матвей Кровков в 1687 г. докладывал в Москву [10, 11].

Во второй половине XVII в. юкагирам стали мстить восточные соседи — коряки за то, что они были провожатыми отрядов служилых людей, пытавшихся проникнуть к ним. С 1663 г. коряки группами в 40—50 человек появлялись в Верхнеколымском зимовье и угоняли юкагирских оленей. В XVIII в., по свидетельству Г. Сарычева, Верхнеколымское зимовье было «многолюдным», прежде всего, большим числом юкагиров. Но после распространения в XVII—XVIII вв. эпидемий оспы и других болезней многие юкагиры умерли, чем восполь-

зовались коряки и эвены, притесняя юкагиров в промыслах. Многие юкагиры в результате вооружённых стычек были истреблены, оставшиеся поселились близ острога, надеясь на защиту русских [12].

Им трудно было платить ясак. Несмотря на строгие предписания «блюсти тишину и порядок», служилые люди разбойничали в селениях юкагиров. Так, приказчик К. Дунай забирал насильно жён, сестёр, дочерей, племянниц у тех, кто не мог расплатиться за ясак соболями, потом обменивал их у промышленных людей на соболей. Некоторые группы обкладывались ясаком дважды или трижды, у них забирали новых аманатов, которых держали в зимовьях под охраной, а их семьи, родственники оставались без продуктов и защиты.

Большую смертность среди юкагиров навлекли эпидемии оспы, которые вспыхивали в 1657, 1659, 1660, 1669, 1691, 1692 гг. В 1691–92 гг. только по двум зимовьям Колымы умерло 1000 человек [13, 14]. Приказчик М. Мухоплев рассказал в Якутске, что в 1692 г. на Колыме в Нижнем зимовье от эпидемии умерло ясачных юкагиров 200, в Среднем — 100, а жён и детей — человек 700 [15].

Хозяйство юкагиров было довольно сложным. Большинство алазейских юкагиров постоянно занималось преимущественно транспортным оленеводством. В 1895—1896 гг. В.И. Йохельсон среди этих юкагиров провёл перепись и установил, что на одну семью приходилось лишь по 10—20 оленей. Они издавна вели кочевой образ жизни. Летом с ружьём и луком охотились на водоплавающую дичь; линных гусей и уток ловили сетями, плетями, руками, били палками, травили собаками. В начале зимы откочёвывали в лесотундру, а в декабре приезжали в селение Четырёх на Алазее, сдавали пушнину в ясак, брали порох, товары, табак.

Часть юкагиров Нижней Колымы — безоленные юкагиры — вели оседлый образ жизни, охотясь на гусей и уток загоном на озере Сенкель, что расположено в Западной тундре. Алазейские и нижнеколымские юкагиры и другие племена промыслили диких оленей всего два раза в году — во время переправы их через реки.

В конце XVIII в. чукчи с большим числом стада домашних оленей продвигались на запад и вытесняли диких, что повлекло за собой большую беду для племён юкагиров, живших промыслом дикого оленя. Об этом В.Г. Богораз писал: «Чукотские стада домашнего оленя двинулись на запад, вытесняя диких оленей, которые до того невозбранно паслись на моховищах этого обширного района... В то же самое время охотничьи племена чуванцев, юкагиров и ламутов, жив-

шие промыслом дикого оленя, попросту вымерли с голоду. Немногие остатки ушли на реку Колыму и стали рыболовами» [16]. Особенно страдало население от голода весной, когда кончались запасы продуктов, Ф. П. Врангель отмечал; «Тунгусы и юкагиры толпами переходят с тундры и с Анюя в русские поселения на Колыму искать спасения от голодной смерти. Бледные, бессильные бродят они, как тени, и бросаются с жадностью на трупы убитых или павших оленей, кости, шкуру, ремни, на все, что только может сколько-нибудь служить к утолению мучительной потребности в пище. Но и здесь видят они мало отрады» [17].

Юкагиры племени когиме, находившиеся в верховье Колымы, занимались рыболовством на реках и охотой на диких оленей и лосей, которых было особенно много на Коркодоне. До прихода русских они мало занимались добычей пушнины. Но для оплаты ясака юкагиры много времени уделяли охотничьему промыслу.

По описанию В. Йохельсона, юкагиры Верхнеколымска зимой расходились по всем притокам и до ледохода занимались охотой. Впереди на лыжах отправлялись мужчины, за ним — главный охотник, а затем другие члены семьи. Оставшиеся женщины занимались разборкой урасов, собирали вещи, сажали детей, больных и отправлялись по следу охотников. Нагруженные нарты тянули сами женщины и девушки вместе с собаками. Доехав до назначенного места, ставили урасы и ждали охотников.

После вскрытия реки со всех её притоков спускались все юкагирские роды на больших плотах, ветках (лёгких лодках, сделанных всего из трёх досок), а в конце июня собирались на общеплеменные торжества в известные места, называемые Шахадзиба или Годоржал. Здесь они проводили время в песнях, плясках, играх, состязаниях; шаманы приносили, жертвы духам, охотники рассказывали о промысле, воины о подвигах, а молодые не пропускали время пользоваться молодостью.

Если был неудачный промысел оленей и лосей, юкагиры голодали и род не спускался с речки, многие умирали и болели, а матери убивали своих детей. Место Шахадзиба было малолюдным [18].

В начале XIX в. в Верхнеколымске было три рода юкагиров: Нартцынский (на Коркодоне), Рыбниковский и Ушканский (на Ясачной). По данным второй ясачной комиссии (1830 г.), в результате жестоких голоданий резко сократилась численность юкагиров в этих ро-

дах, в результате чего роды были объединены: Рыбниковский объединился с Омолонским, а Нартицынский — с Ушканским родом [19].

В конце XIX в, юкагиры реки Ясачной занимались рыболовством, охотой на животных и пушных зверей. Сохатых добывали редко, в результате их массового истребления. Сами юкагиры рассказывали, что один раз «весной они убили столько лосей, что не были в состоянии вывезти мясо на реку и оно сгнило в поле, заражая воздух на далёкое расстояние. На следующий год ни одного лося не стало».

Соболей в округе тоже не стало и, как и другие народности, юкагиры стали выплачивать ясак деньгами. Чтобы его оплатить, закупить продукты, табак, чай, они добывали белок, лисиц, росомх и других зверей.

С установлением товарно-денежных отношений вместо лука появилась винтовка, из конопли и конских волос стали делать сети, покупали невод и другие снасти. По опыту русских зимой стали жить в землянках или срубленных домах, питались рыбой и оленьим мясом.

По старому обычаю, летом, перед Петровым днём, юкагиры спускались с речек в местность Прорва и приезжали к Верхнеколымску. Они вносили ясак, священник исполнял свою службу, торговцы выменивали пушнину, население продавало карбасы, сделанные из тополя. С приходом юкагиров жизнь оживлялась, строились урасы, устраивалось веселье с танцами и песнями. Осенью и после ледостава занимались ловлей рыбы, а в октябре — ноябре отправлялись на охоту. В холодные месяцы они жили дома, а с февраля начинали кочевать по протокам несколькими семьями [20].

Юкагиры, жившие на реке Коркодоне, весной отправлялись вверх по ней охотиться на оленей, а в начале лета спускались в устье реки, где ловили пресноводную рыбу ленок, хариус и чукучан.

В 1896 г. В.И. Йохельсон в Коркодоне оказал помощь голодным юкагирам. Впоследствии он вспоминал: «Трудно забыть вид голодного человека — с засохшими губами, воспалёнными глазами и блуждающим взором. Собаки бродили голодные, представленные самим себе». Йохельсон купил от прибывших гижигинских эвенов двух оленей и поделился мясом с юкагирами. На его предложение сделать пожертвование оленями в пользу голодающих юкагиров, сразу последовало согласие — два человека дали по два оленя, остальные по одному, несмотря на то, что в их хозяйстве было только 15-20 оленей.

В Коркодоне голод был частым явлением. Юкагиры рассказывали, что гижигинские эвены вторгались на их территорию для промысла белок до срока охоты. Первыми приходили бедные охотники, затем богатые с табунами оленей. Сюда же приходили несколькими стойбищами коряки. Они зимой разгоняли белок, а весной — диких оленей. Богатые меняли оленей на белок: за жирного оленя — 50, за тощего — 40, за двухгодовалого — 30 белок [21]. Часто голодали и юкагиры реки Ясачной, особенно когда не было рыбы в реке.

Голодным выдался 1901 г. и нелемские юкагиры Ушканского рода известили администрацию округа: «Вследствие неулова рыбы в настоящем году пришли к неминуемой смерти от голода...» и просили срочно оказать помощь. Администрация воспользовалась поездкой в Верхнеколымск находившегося в ссылке врача С.И. Мицкевича и поручила ему поехать в Нелемное для «принятия мер для некоторой продовольственной помощи юкагирам», снабдив его деньгами.

С.И. Мицкевич сообщил юкагирам, что казной дано им 100 руб., и что на эти деньги он купил им трёх лошадей и 15 пудов муки. Но юкагиры заявили, что для 120 душ этого не хватит, чтобы перекочевать на место весеннего промысла и, посоветовавшись, попросили пять лошадей. С. И. Мицкевич купил им пять лошадей на деньги, собранные благотворительными обществами для прокажённых [22].

В результате тяжёлых условий жизни, массовых эпидемий оспы, кори, гриппа, распространения других заразных болезней и частого голода население Колымского края постоянно бедствовало. Колымский исправник в отчёте за 1888 г. писал: «Бедствия во всех видах — это как бы присущая принадлежность Колымского округа. Суровая природа не избаловала местного жителя; он довольствуется очень малым в пище и неприхотлив в выборе её; он привык стыннуть в трескучем морозе; ему нипочём бродить по колено в холодных осенних водах реки Колымы, чтобы только добыть из неё несколько рыб; жилище его мрачно и темно; часто походит оно на нищенскую нору... И взамен всех этих страданий, что получает он? Невольно задаёшься вопросом, чем и для чего живёт этот несчастный человек? Нравственных потребностей у него нет никаких. Идеал, к которому он стремится всеми силами своей души, это не быть голодным, чем бы то ни было наполнить свой желудок, но даже этот идеал для него недостижим. Житель Колымского округа не знает отрады!» [23].

Беспросветная нужда, бедствия жизни уменьшали численность юкагиров. Другой причиной этого было их слияние с другими наци-

ями, смешанное бракосочетание. По данным переписи 1897 г. в Колымском округе было 544 юкагира [24]; они представляли собой ряд групп, смешанных с русскими, якутами и эвенками. В.Г. Богораз писал, что группа нижнеколымских русских, кроме собственно русских, включает в себя четыре обруселых юкагирских племени [25]. На территории нижнеколымского русского мещанского общества жили обрусевшие члены Амотских и 1-го Омолонского родов. В начале XVIII в. на Алазею с нижней Лены пришли эвенки из Бетильского рода, которые женились на юкагирках 1-го и 2-го Алазейского родов [26, 27]. К началу XX в. собственно юкагиров Нижней Колымы почти не осталось.

К концу XIX и началу XX вв. народность составляла остатки перемешавшихся племён и родов. Основной их экономической единицей была территориальная группа — стойбище как у оленных, так и у неоленных юкагиров. В их семейно-брачных отношениях имели место пережитки материнского рода. В Верхнеколымске юкагирский брак был матрилокален, т.е. муж поселялся в семье родителей жены, но наследование шло по отцовской линии. У тундровых же юкагиров брак был патрилокален.

Несмотря на общий низкий уровень развития экономики, у юкагиров существовало имущественное неравенство, что было особенно заметно у тундровых (оленных) юкагиров. Если раньше среднее хозяйство имело по 10-20 оленей, то наиболее богатые — 100-150, бедные же по 2-3 оленя (к началу XX в. юкагир Николай Курилов имел около 1000 голов оленей). Среди юкагиров-оленоводоов появились кумаланы, т.е. лица, не располагавшие никаким имуществом. Они жили и кормились у состоятельных хозяев и работали бесплатно. Это была эксплуатация человека человеком, богатыми неимущих [28, 29].

На рубеже XIX-XX вв. у коркодонских юкагиров было два зимних посёлка: Ачуон-ангиль (устье Россохи), там проживало 13 человек, и Харходон-ангиль (устье Коркодона) с населением 6 человек. Зимний посёлок ясачных юкагиров назывался Нунгадан-ангиль (устье Нелемной) [30].

Голод у верхнеколымских юкагиров и у безоленных эвенов был частым явлением и, естественно, их численность сокращалась. Они плохо приспособлялись к менявшимся условиям жизни — не приобретали домашних животных, приручая к дому только собак. При голодовках юкагиры подкочёвывали к якутам и эвенкам, прося помо-

щи. Другие народности, как оленные эвены, находились в лучших условиях. Эвен, например, сидя верхом на олене, мог выследить и добыть зверя, а в случае неудачной охоты, голодания у них оставались домашние олени.

Уполномоченный внутренних дел С. А. Бутурлин в 1905 г., находясь в экспедиции по снабжению продовольствием Колымского и Охотского краёв, узнав о голоде в Верхнеколымске, писал: «Ряд плохих по улову рыбы годов, общий упадок пушного промысла, при полном отсутствии мер к оказанию им (юкагирам и эвенам. — М. К.) помощи лишил их прямо возможности существования. меховое платье они пораспродали якутам, остались в голой ровдуге (коже), в которой и сытому человеку здешней весной, когда в середине апреля мороз ещё достигает -30° , промыслять без риска замёрзнуть — трудно!»! Голодающие обратились к среднеколымскому заседателю с просьбой оказать им помощь. Юкагирам было выдано 1200 омулей, 37 пудов мяса и 18 пудов муки [31]. Такое тяжёлое положение юкагиров продолжалось до Советской власти.

По переписи 1917 г. в Колымском округе было пять юкагирских родов численностью 599 человек (288 мужчин, 311 женщин). Из них в Ушканском роде — 58 мужчин, 53 женщины, всего 111 человек; в 1-м Омолонском — 85 мужчин, 80 женщин, всего 165 человек; во 2-м Омолонском — 62 мужчины, 56 женщин, всего 118 человек; в Алазейском — 37 мужчин, 34 женщины, всего 71 человек и во 2-м Кункугурском — 69 мужчин, 65 женщин, всего 134 человека [32].

ЭВЕНКИ (ТУНГУСЫ) И ЭВЕНЫ (ЛАМУТЫ)

Раньше эвенков называли тунгусами, а эвенов — ламутами, они были связаны между собой родственными узами. Издавна кочевали они на территории Колымского края в Восточной и Западной тундре, а также в верховьях реки Колымы и её притоках. К приходу русских они находились в стадии патриархальной родовой общины. Но единого родового хозяйства не было, каждый род занимал отдельную территорию. Между ними существовало имущественное неравенство и только богатые пользовались властью и авторитетом. Произошёл распад родовых связей.

Во главе родов стояли вожди (князцы) из числа богатых, были и родовые собрания, которые объединяли патриархальные семьи.

Вождь имел связи с другими родами и с русскими приказчиками и с последующими руководителями Колымского края. У эвенков и эвенов были племена, во главе которых стояли племенные вожди. Роды, входившие в племя, были связаны между собой родственными отношениями — браками, оказывали друг другу взаимную помощь. Ведя кочевой образ жизни, они то прибывали, то убывали из Колымского края.

В начале XVIII в. на Алазею пришли оленные эвенки Бетильского рода с нижней Лены [33].

С XVII и до второй половины XVIII в. между эвенками и эвенами происходили частые военные столкновения, перераставшие в межродовые и межплеменные войны [34].

В XVII—XVIII вв., после расселения русских и якутов по бассейнам рек Алазеи и Колымы, началась миграция пушных и мясных зверей в таёжные и горные места. Вслед за ними передвигались эвенки и эвены-охотники. Эвенки и эвены, жившие на Алазее и в верховьях Колымы, тесно соприкасались с юкагирами, а затем с прибывшими якутами и между ними заключались браки.

Основным занятием эвенков и эвенов было содержание небольших стад оленей транспортного назначения, охота и рыболовство. Жившие в тундровой полосе два раза в год охотились на дикого оленя. Рыболовством занимались по необходимости при кочёвке по рекам и озёрам. Охотились на водоплавающую дичь, куропаток и пушных зверей. Верхнеколымские эвены охотились, как и юкагиры, на пушных зверей, диких оленей, лосей и рыбачили на реках. В результате торгово-обменных связей с русскими эвенки и эвены получили более совершенные орудия производства, огнестрельное оружие. Улучшилась охота.

Как и другие народы Колымы, они платили ясак со всего рода под аманатов. Как писал служилый десятник Михаил Колесов в 1662 г., в Верхнеколымском зимовье он взял в аманаты «лутчего ламутцкого тунгуса именем Иркынея и ясак с тех ламутских иноземцев в том Ковымском и Верхнековым зимовье... под аманатов збирается по 40 соболей» [35].

Во второй половине XVII и первой половине XVIII вв. строгой нормы обложения ясаком не было, взимали от одного до пяти соболей. На содержание одного аманата отпускалось 15 руб.

В 1769 г. Первая ясачная комиссия упразднила взятие в залог аманатов и установила для каждого рода твёрдый ясак. Можно было вы-

плачивать ясак не только соболями, но и другим зверем или деньгами и за правильный платёж ясака «ясажными княсками и старшинами в казну ясака давать им, в силу именной ея императорского величества инструкций и правительствующего Сената указа, подарки цветным сукном и добрым табаком, чем они взять пожелают» [36].

Так как основным занятием эвенков, эвенов, а также юкагиров оставалась охота, был установлен высокий ясак. Кроме ясака они платили подушный сбор на содержание учреждений области, дорог, транспортных лошадей и т. д. Общая сумма подушных сборов в 4—5, а иногда в 10 раз превышала обычную сумму ясака.

С конца XVII в. резко сократилась охота на диких оленей и лосей, пушных зверей. В результате грабительских поборов и разных сборов жизнь эвенков и эвенов стала очень трудной. В XVIII—начале XIX вв. участились голодные годы.

В этот период происходило массовое вовлечение эвенков и эвенов в христианство. Крещённые получали от священников билеты, по которым освобождались от уплаты ясака на три года, по истечении которых служилые люди отбирали от новокрещённых билеты и снова требовали платить ясак. К оплате узаконенной повинности добавились поборы попов и сборы на строительство и содержание церквей.

Согласно распоряжению из Якутска 1818 г., ясачные эвенкийских и эвенских родов были разбиты на «классы». Состоявшие в I классе платили ясак 1 руб. 50 коп., подушный сбор 2 руб. 94 коп., прочие сборы 4 руб. 79½ коп., всего 9 руб. 23½ коп. Причисленные ко II классу плательщики вносили за ясак 50 коп., подушный сбор 2 руб. 94 коп., прочие сборы 3 руб. 25½ коп., всего 6 руб. 69½ коп. Представители III класса выплачивали только подушные 2 руб. 94 коп. К IV классу причислялись бедные и умершие [37].

С 1822 г., согласно принятому «Уставу об управлении инородцев Сибири», эвенки и эвены были причислены к разряду «бродячих», освобождены от всех сборов, кроме ясака. Но для получения от них большего дохода, были установлены повышенные нормы оклада ясака. Так, в 1828 г. комиссия для составления окладных ясачных книг Восточной Сибири определила для каждого «бродячего» рода (с 18 до 50 лет), чтобы ясак вносился ежегодно вперёд: от Кункугурусского эвенского рода звериных шкур 35 на сумму 145 руб. 25 коп., деньгами 2 руб., всего 147 руб. 25 коп. (от каждого плательщика причиталось по 4 руб. 75 коп.); от Каменского эвенского рода звериных

шкур 116 (белых песцов) на сумму 481 руб. 40 коп., деньгами 3 руб. 60 коп., всего 485 руб. (с каждого по 5 руб.); от 2-го Дельянского эвенского рода соболиных шкур на сумму 165 руб. (с каждого по 5 руб. 50 коп.) [38]. От такого грабежа эвенки и эвены откочёвывали на запад в Зашиверское и Верхоянское управления и на восток на Камчатку. В XVIII—первой половине XIX вв. в жизни эвенков и эвенов произошли изменения — в родовых коллективах появилось имущественное неравенство. Некоторые князцы и старшины Алазейского, 2-го Дельянского, Уегонского родов стали собственниками крупных стад оленей и вели меновую торговлю.

Спутник экспедиции Врангеля доктор А.Э. Кибер писал, что в начале XIX в. беднейшие эвены жили по правому берегу реки Большого Анюя. Другие же проводили лето и зиму со своими стадами ручных оленей в горах, в образе жизни похожие на эвенков, обитавших между Колымой и Индигиркой. Анюйские эвены питались от промысла зверей и рыбы. Совместно с другими жителями рек Большого и Малого Анюя они охотились на диких оленей, а в начале весны на птиц: лебедей, гусей, уток, но добывали их в малом количестве [39].

С исчезновением диких зверей охотничьи племена эвенов, как и юкагиры, вымерли с голоду. Оставшиеся в живых ушли на реку Колыму и стали рыболовами [40]. Некоторые племена эвенков и эвенов подкочёвывали к якутским и русским селениям. Сильно пострадала их численность от эпидемий оспы, кори и других болезней. Эпидемия оспы 1872—1873 гг. наполовину сократила население Колымского округа.

По переписи 1897 г. эвенко-юкагиров и эвенов насчитывалось 1082 человека: 214 эвенко-юкагиров Бетильского и Алазейского родов, кочующих по Большой и Западной тундре; 201 человек 1-го Дельянского рода, кочующих между Колымой и Алазеей; 155 человек 2-го Дельянского рода, кочующих по реке Березовке; 250 эвенов Уегонского рода, кочующих по верховью Анюя и другим местам; 207 эвенов Каменского рода, кочующих по верховьям рек Омолона и Олая, и 55 эвенов 2-го Каменского рода, кочующих по реке Шандрин [41].

Об эвенках и эвенах писали многие путешественники и участники экспедиций. Доктор Кибер между различными народами Севера особенно выделял эвенков «как добродушных, чистых детей природы, откровенных, весёлых, гостеприимных в высочайшей степени, сохра-

няющих редкую верность и преданность. Как кочующий народ, живут они в юртах, которые изнутри тепло обшиты оленьими кожами, посредине имеют очаг, весьма высоки, и неуютны; как мужчины, так и женщины, страстно любят табак. Тунгусы превосходно стреляют из луков; ещё недавно один князец их так прострелил белого медведя, что он на месте пал мёртвый. Такое же отличное искусство показывают они в шахматной игре, которую обыгрывают даже наторевших европейцев» [42].

Исправник Колымского округа Г. Майдель в 1868-70 гг. писал об эвенах: «Ламут и по сих пор такой же сын пустыни, каким он был в старое время, точь-в-точь как тунгуз» [43].

Во второй половине XIX в. у тундровых эвенков и эвенов происходило значительное развитие оленеводства. В 1866 г. у них насчитывалось 20590 оленей, т. е. на одного человека в среднем приходилось 7,39 головы [44]. На эвенков значительно повлияла скотоводческая культура якутов; в конце XVIII—начале XIX вв. у бетильских эвенков было 24 головы рогатого скота, 69 лошадей [45]. Постепенно они оседали и разводили рогатый скот и коней, тем самым увеличивалось число эвенков-скотоводов.

Большую роль в экономике эвенков и эвенов играли торговые связи. Бетильские и алазейские роды в декабре съезжались в селение Четырех на реке Алазее для оплаты ясака и закупки впрок табака, пороха и других товаров. На Чукотскую ярмарку на Анюй приезжали также нижнеколымские и алазейские эвенки и эвены. Ярмарочная торговля открывалась после сбора подати за право торговли и завершения торжественного богослужения. Обмен товарами был весьма выгоден для купцов. За незначительное количество чая, табака купцы выменивали у местных жителей годовой промысел пушных зверей, преимущественно песцов, спаивая эвенков водкой. За стакан водки те отдавали весь запас мехов, а за второй отдавали даже свой последний санаях (верхнее платье) [46].

С годами сокращалась добыча пушнины, что приводило к незначительному повышению её цены. Купцы в этих условиях повышали цены своих товаров. Так, в 1893 г. кирпичный чай, стоивший 2 руб. в постоянной торговле, обменивался чукчам и эвенкам за 30 и 35 белок [47]. При такой дороговизне товаров население не могло покупать необходимые им вещи.

Отсталое хозяйство все больше беднело от массовых падежей оленей, а помощи ни от кого не было. С. И. Мицкевич, после поездки в

1899 г. по округу, писал, что эвены «занимаются оленеводством и охотой. Больших стад оленей я здесь не встретил. Ламуты жаловались, что живут бедно, что было за последние годы много падежей оленей. Живут они в урасах-шалашах, покрытых корой или оленьей кожей. Посреди урасы горит костёр, от которого в урасе дымно; поэтому ламуты часто болеют воспалением слизистой оболочки глаз (конъюнктивит)» [48].

Политссылный К.Ф. Рожновский, работая в экспедиции С.А. Бутурлина, в 1905 г. исследовал население Алазейской части Колымского округа. В отчёте он указывал, что население края переживает экономический упадок. Прежде всего бросалась в глаза их общая нищета, из года в год они страдают от голода, 221 человек эвенков и эвенов не имеют постоянного жительства, в упадке оленеводство, уменьшился промысел пушных зверей, оскудел рыбный промысел на реке и озёрах. Возросли подати и внутренние повинности, они платят ясак за себя и за вымерших по составленным спискам переписи 1897 г. [49].

Крупнейший знаток Крайнего Севера С.А. Бутурлин сделал подробное экономическое описание жизни юкагиров, эвенов и отчасти алазейских эвенков. Он писал об их честности и деликатности, особо в денежных делах, о жестоких поборах-ясаках: «Инородцы платят его за себя и за мёртвые души» [50].

Эвенки-олeneводы находились в более лучших условиях. В начале XX в. богатого эвенкийского голову А. Курилова именовали «королём тундры», он имел 3000 оленей, его сородичи: К Третьяков — 1200, Н. Третьяков — 1000, В. Курилов — 500 оленей. Богатый чукча-олeneвод Валергин из-за притеснения вынужден был со стадами оленей уйти в Восточную тундру. Но в связи с эпизоотиями, голоданием оленей, набегами волков и другими причинами происходил падеж оленей [51].

К началу XX в. у эвенков и эвенов сохранились патриархально-родовые отношения. На родовых собраниях избирали старосту, который собирал ясак и сдавал его властям Колымского округа.

По переписи 1917 г. в Колымском округе проживало: эвенков 1-го Бетильского рода — мужчин 131, женщин 119, всего 250; эвенов 1-го Каменского рода — мужчин 91, женщин 82, всего 173; 1-го Дельянского рода — мужчин 141, женщин 127, всего 268; 2-го Дельянского рода — мужчин 89, женщин 81, всего 170; 2-го Каменского рода — мужчин 75, женщин 68, всего 143; Чеганского рода — мужчин 136,

женщин 123, всего 259, Всего эвенков и эвенов насчитывалось 1263 человека [52].

ЧУКЧИ

Впервые русские служилые люди встретились с чукчами в 1642 г. на реке Алазее, о чём сообщали воеводе: «А живут те чюхчие промеж Алазейскою и Колымой реками на тундре, сказывают их человек с 400 и больше» [53]. Предводителями чукчей в 1649 г. был Лун и Тык, а в 1650-х гг. — Мита. Центрами их кочёвок были реки Большая и Малая Чукочьа, Большая Куропашечья и Коньковая виски.

Чукчи, мирно живя с юкагирами, отказывались от уплаты ясака служилым людям. В 1656 г. служилые люди с помощью юкагира Тимкуя захватили в аманаты предводителя чукчей Миту. Иван Ерастов сообщил об этом якутскому воеводе [54].

Отношения между чукчами и юкагирами были испорчены. Участились нападения чукчей на юкагиров и служилых людей. В 1687 г. якутский воевода Матвей Кровков докладывал в Москву, что около Нижнеколымского зимовья живёт много неясачных чукчей, которые убивают служилых людей при рыболовстве и постоянно притесняют и убивают ясачных юкагиров [55]. После одного из многочисленных столкновений с казаками чукчам пришлось дать ясак и уйти на восток.

В XVII в. общественной ячейкой чукчей была большая патриархальная семья с групповым браком и многожёнством. У них начала появляться частная собственность на оленей, но господствовала общинная собственность на пастбища и охотничьи угодья. Во главе семьи стоял старший мужчина или «старшина», как называли русские [56]. Царское правительство пыталось привлечь чукчей к оплате ясака и прекратить их набеги на ясачных юкагиров. Но чукчи отказывались от оплаты ясака, оказывали сопротивление и не давали аманатов. Для покорения чукчей, приведения их в русское подданство и привлечения к оплате ясака в 1720 г. был направлен отряд Павлуцкого. Казаки нижнеколымского гарнизона и другие под руководством Павлуцкого, а затем Шестакова, принимали участие во многих походах к чукчам. Но подчинить чукчей военной силой не удалось.

Анадырский острог, служивший пунктом сношений с чукчами в 1764 г., был упразднён, и команда его была переведена в Нижнеколымск. Вражда к русским постепенно пошла на убыль, чукчи вступи-

ли в торговые отношения с ними, не сразу, но стали расселяться в сторону Колымы. Взаимный товарообмен помогал встречам и взаимоотношениям. Учитывая это, местная администрация расширила продажу товаров на Гижигинской и Анадырской ярмарках и перешла к новым, мирным методам привлечения к оплате ясака. Платившие ясак чукчи, в зависимости от количества и качества вносимой пушны, одаривались подарками [57].

Для массового привлечения чукчей к торговле, товарообмену и оплате ясака в 1775 г. на речке Ангarka (приток Большого Анюя), была построена Ангарская крепостца, где под охраной казаков происходила ежегодная ярмарка меновой торговли с ними и другими народностями. Позже она была перенесена на остров реки Малый Анюй и названа Островной. Во время весеннего разлива 1848 г. река снесла часть острова, и ярмарка была перенесена на живописный возвышенный левый берег Малого Анюя в Анюйскую крепость [58].

Чукчи покупали у русских и стали пользоваться в быту железными орудиями труда, огнестрельным оружием, железными котлами, глиняной посудой, тканями, сахаром, чаем и прочим.

Начиная с 1820-го г., пользуясь улучшением отношений с русскими, оленные чукчи, побуждаемые размножением своих стад, постепенно заселяли земли к западу от прежней границы, вначале между берегом моря и реками Анюй, Большая Бараниха, затем вдоль границы верховья реки Олой с притоками. В 1859 г. чукчи уже жили в Большой тундре [59]. В 1866 г. якутский губернатор подтвердил разрешение чукчам постоянно кочевать в Большой тундре между Колымой и Индигиркой, Постепенно оттесняя исконных жителей этой территории эвенов, чукчи отчасти поселились с ними и заняли кромку лесов севера Колымского округа, что привело к значительному изменению их хозяйства. По сравнению с другими народами Колымы, чукчи были экономически развитыми и не страдали от голода.

Основной экономической единицей у оленных чукчей являлось стойбище из двух, трёх и реже пяти семей. Иногда стойбище, кроме своей семьи, объединяло родственные семьи и становилось родственной группой. Стойбище охотно брало в свои семьи ламутских, тунгусских и русских женщин, дорого платя за них.

Женщина у чукчей была обременена работой — готовила пищу, шила одежды, устанавливала чукотский шатёр (чум), занималась доставкой дров из леса и помогала мужчинам стеречь стадо. Де-

тей в семьях имели много, маленьких детей любили, а с 10 лет их держали строго, кормили плохо, с 15 лет отправляли охранять стада. Отец отправлялся к стаду в непогожие дни и во время обилия комаров. Молодые из бедной семьи помогали богатым охранять и пасти стада, получая за это еду, одежду и реже подарки живыми оленями [60].

Жилище чукчей представляло собой большой шатёр многоугольной формы, крытый мехом наружу полотнищами из оленьих шкур, с костром посреди него. Вокруг шатра стояли сани (нарты) с хозяйственными принадлежностями. Небольшие четырёхугольные меховые палатки укреплялись у задней стенки шатра. Это было жилое помещение, где чукчи ели, пили и спали. Жилище, несмотря на громоздкость, было удобным для перевозки.

С конца XIX в. чукчи в домашнем обиходе использовали металлические котлы, чайники, железные ножи, ружья и другие принадлежности. Одновременно пользовались мотыгами, костяными лопатами, каменными молотками, первобытными приспособлениями для добывания огня, костяными и каменными стрелами и другими орудиями труда [61].

До первой половины XIX в. в общине чукчей были старосты, старшины, голова (руководитель), преемник головы и тойон — начальник оленных чукчей [62].

В 1850-х гг. сын богатого садовладельца оленей тойон А.Н. Амравгургин после смерти отца увеличил доставшихся ему в наследство стада, улучшил кормовые угодья, переехав с богатыми родственниками и сородичами из Чаунской губы на территорию Большого Анюя [63]. В 1858 г. русским правительством тойон А.Н. Амравгургин был признан эремом, т.е. главным начальником и владельцем чукотского народа.

В 1859 г. эрем А.Н. Амравгургин был вызван в Петербург к царю присягнуть на подданство. По пути следования он был хорошо принят иркутским генерал-губернатором и подписал акт о подданстве всего чукотского народа русскому царю. Цель была достигнута и дальше отправлять его не было смысла. С текстом присяги на подданство русскому царю (на русском и чукотском языках), Амравгургин вернулся домой.

В присяге было написано: «Я Уверяю именем Бога Создателя, что Великому, настоящему доброму ЦАРЮ всей России АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ, ЕГО ЦАРСКОЙ Власти... хочу быть верным, послуш-

ным, добрым, жить под ЕГО ЦАРСКОЙ Властью и вместе все мои домашние. В чужую землю ходить не буду, с неприятелями ЕГО ЦАРСКОЙ Власти не буду дружен. Все, что ЕГО ЦАРСКОЙ Власти принадлежит, по моему уму, как я силен, предостерегать, защищать, жизни щадить не буду; хочу помогать во всем ЕГО ЦАРСКОЙ Власти. Узнаю вредное что-нибудь, худое что ЦАРЮ, донесу, не допущу; тайну какую дадут, хранить буду. Хочу все так делать, как мне Бог поможет. Целую Евангелие, Крест моего Создателя. Аминь».

Амравгургин собирал и платил ясак, принимал миссионеров и полицейских, во всем помогал закреплению царской власти на местах. За преданность и усердие, за добросовестное управление чукчами Амравгургин в 1870 г. был награждён золотой медалью «За усердие» на Аннинской ленте для ношения её на шее. Его сын Афанасий Амравгургин, перекочевавший на Анюй, а затем на Омолон, удостоился серебряной медали на Станиславской ленте. Этот «почётный» сын главного эрема А.Н. Амравгургин с 1883 г., после смерти отца, тоже стал именоваться эремом [64].

Для изучения чукотского края и дальнейшего урегулирования отношений между чукчами и местными властями, в 1868—1870 гг. работала Северо-Восточная экспедиция под руководством колымского исправника Г.Л. Майделя. В составе экспедиции были: астроном К. Нейман, топограф И. Афанасьев, фельдшер Н. Антонович, переводчик-юкагир Е. Лыгчин и три казака. Майдель, помимо всего, занимался изучением географии, ботаники, зоологии и этнографии края. Он характеризовал чукчей как народ миролюбивый и добродушный, видел ухудшение экономического положения прибрежных чукчей с тех пор, как американцы начали заниматься промыслом моржей и тюленей у самого берега. Эрем А.Н. Амравгургин рассказывал Майделю, что анюйские чукчи из-за увеличения поголовья оленей и недостаточного места их выпаса, облюбовали территорию тундры между реками Алазеей и Колымой [65]. По данным экспедиции, в 1868 г. в Колымском округе насчитывалось 3000 чукчей [66]. Г.А. Майделю удалось обложить ясаком оленных чукчей, переселившихся в 1860-х гг. в Большую тундру к западу от Колымы.

Для ухода за крупными стадами оленей богатые чукчи-оленоводы держали у себя несколько семей батраков и бедняков. Как писал исследователь быта и культуры чукчей В.Г. Богораз, «самой симпатичной чертой характера оленных чукоч является их трудолюбие, особенно по отношению к оленным стадам, которым они выделяются

среди всех соседей и благодаря которому стада их размножаются даже при неблагоприятных условиях».

В 1884 г. эпидемия оспы охватила места кочевий чукчей-оленеводов — низовья Индигирки. От этой страшной беды многие чукчи бежали на Колыму, в результате чего зимой 1884—1885 гг. вспыхнула и распространилась эпидемия оспы и там. Умерло около половины чукчей, кочевавших между Алазеей и Колымой, примерно треть населения округа. Оставшиеся без пастухов олени стада в большинстве разбежались [67]. Эпидемия вновь разразилась в 1888—1889 гг. По переписи 1897 г. в Колымском округе чукчей было 1602 человека. Из них в Большой и Западной тундре жили 399 и к востоку от Колымы 1203 человека [68].

Оленные чукчи были экономически более развитыми, несмотря на массу неблагоприятных условий: эпизоотия, разбегание оленей в летние месяцы под влиянием укусов комаров, оводов и мух, нападение волков и другие причины. В 1844 г. вместе с эпидемией оспы начался голод — оскудел рыбный промысел. Голод начался в Нижнеколымске, затем — в Среднеколымске, Верхнеколымске, у якутов западной части округа. На просьбу колымского исправника продать оленей для оказания помощи голодающим отозвались старосты Иван Поганю и Пётр Араро, которые продали 200 оленей для Нижнеколымска, в течение двух недель обеспечивая мясом приезжающих русских, юкагиров, якутов. Кроме этого, Араро пожертвовал жителям Среднеколымска 100 оленей и столько же продал, взяв за каждого от 2 руб. 50 коп. до 3 руб. 50 коп. Их поддержали другие старосты: В. Коврат и А. Эттыгин. Из Среднеколымска с большой благодарностью им были отправлены вместо денег чай, табак и другие необходимые товары [69]. Такую помощь голодающим в округе чукчи оказывали и в последующие годы.

Чукчи помогали также перевозить казённые продукты и товары, так, например, А. Амравгургин доставил из Гижиги до Среднеколымска 1200 пудов продуктов на 300 оленьих санках с оплатой 5 штук кирпичного чая за каждые санки. Цена 1500 штук чая стоила 20 железных котлов весом по 8 пудов, 20 якутских топоров и 5 якутских малопульных кремневых винтовок [70].

Долгое время русские священники старались приобщить чукчей к христианству. В 1743 г. была построена Анадырская церковь, затем часовни на ярмарках и других местах, где и проводилось крещение. Как приманку для других, крещёным давали табак, сахар, изделия из

железа и прочее. Большую роль в деле крещения чукчей сыграла Анюйская ярмарка. В 1904 г. она была перенесена в село Пантелеиху, в 30 км к востоку от Нижнеколымска, так как на прежнюю ярмарку чукчи перестали ездить.

Чукчи издавна торговали с американскими китоловами на берегах Ледовитого океана и Берингова пролива, а также в Гижиге, куда доставлялись американские товары.

В конце XIX—начале XX в. ослабла роль эрема в общественном управлении чукчами. Часть чукчей числилась формально русскими подданными, но была обложена ясаком. Фактически же большинство чукчей, живших к востоку, пользовались полной независимостью [71, 72]. В 1908 г. в Колымский округ приезжал якутский губернатор И. Крафт для знакомства с чукчами, их условиями жизни и принятием мер по сбору ясака, а также проведения реформы их общественного устройства. По возвращении в Якутск И. Крафт в письме министру внутренних дел П. А. Столыпину подробно описал местожительство чукчей, их образ жизни, занятия, значение оленеводства для питания, одежды и транспорта, перечислил необходимые чукчам изделия, орудия, продукты и товары, отметил развитое чувство гордости и независимости чукчей, привёл следующий пример. В Колымске (Среднеколымске — *М. К.*) похоронили чукотского тойона, считавшего себя царём чукотского народа. В торжественных случаях он надевал головной убор, сделанный наподобие короны. Принимая русских, осведомлялся о здоровье русского царя и спрашивал: «Как поживает мой брат Николай?» Этот тойон пользовался большим влиянием на чукчей и Крафт думал, что в сознании чукчей родилась идея своей особой государственности. «Нельзя поручиться, — писал И. Крафт, — что в будущем не появится новый претендент на мнимый чукотский престол и не создаст осложнений, пользуясь малочисленностью русской администрации на Севере».

В заключение Крафт писал: «Наш Северо-Восток, считая в том числе Чукотский полуостров и Колымский край, нуждается в прочном нашем влиянии как экономическом, так и политическом. Те слабые силы, которыми представлена наша администрация и торговый элемент в этих местах, совершенно недостаточны. Нужна сильная полномочная власть в лице губернатора Камчатской области с включением в последнюю и Колымского края. Необходимо пароходство, обслуживающее все побережье от портов Тихого океана до устьев таких больших рек, впадающих в Ледовитый океан, как Колыма, Инди-

гирка, Яна и Лена. Необходимо устройство факторий, эксплуатации морских, рыбных и звериных промыслов и заселение с этой целью побережья переселенцами из поморов Архангельской губернии.

Что же касается чукчей, то правовое положение их должно быть установлено законом твёрдо и определённо. Следует теперь же издать хотя бы временные правила об управлении инородцев, состоящих в «особенных» разрядах; отменив все архаические правила о платежах ясака по желанию...» [73].

По указу П. А. Столыпина иркутский губернатор дал распоряжение якутскому губернатору о введении общественного управления и суда среди чукчей, выполнение чего было поручено колымской полиции. Попытка выполнить эти указания была проведена на Пантелеихской ярмарке в 1910 г., куда съехались 95 чукчей, эвены и местное население, но не имела успеха, чукчи обнаружили «полное непонимание принципа порядка управления, указанного в законе, все доводы в пользу общественного управления оказались неприемлемыми, вследствие крайнего неразвития чукчей и недоверия к русским...».

Якутское областное управление обратилось к священнику Синявину, более года проживающему среди чукчей, с просьбой дать подробные сведения о них. Синявин писал, что чукчи народ скромный, гостеприимный, никакой неприязни к русским у них нет. Многие из них проживают у русских рабочих в Походске, разговаривают по-русски. Он полагал, что недалеко то время, когда они сами осознают необходимость общественного управления. Большой помехой он считал разобщённость чукчей. Каждое семейство кочует отдельно со своими стадами. Промысловик один уходит на промысел на долгое время. Время для посещений друг друга и большего сближения — весна, время отёла в стадах. Проступков, подлежащих суду, нет, а если что случается — разрешается старейшими начальниками. Синявин считал вредным для дела какое-либо насилие по отношению к чукчам и присутствие среди них казаков [74].

В начале XX в. численность чукчей в Колымском округе уменьшилась, уменьшились и их стада. Из Западной тундры на восток переселились несколько богатых чукчей-оленоводо с большими стадами оленей. По переписи 1917 г. в Колымском округе насчитывалось 826 чукчей [75].

2. РУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КОЛЫМЫ

Первооткрывателями Колымы были русские землепроходцы и мореходы. Пройденный ими морской путь с 1645 г. стал оживлённой дорогой между Леной и Колымой.

Для торгово-промышленного освоения и заселения Колымского края ежегодно, в летнюю навигацию, по морским просторам отправлялись суда из портов Колы (Кольского полуострова), Архангельска, Мангазеи до Пены, а оттуда до Колымы. Вместе с купцами прибывали казаки, служилые люди, нередко и их семьи и, в подавляющем большинстве, промышленные люди. В 1647 г. их на Колыме было 396 человек [76], преимущественно выходцев из крепостных крестьян. С годами число их увеличивалось, иногда прибывали партии в 300—400 человек.

В процессе освоения Колымы промышленники сближались с местным населением. Колымчане передавали им свой опыт охоты, рыбной ловли, езды на оленях и собаках. Общение с русскими, использование железных изделий труда уже в XVII в. способствовало значительному хозяйственному и общественному освоению края. Прибытие промышленников и служилых людей продолжалось до середины 80-х гг. XVII в. [77].

В XVII—XVIII вв. подавляющее большинство русского населения проживало в низовьях Колымы, по рекам Большого и Малого Анюя и Омолону; русские казаки содержались в Алазейском и Колымских зимовьях. Большинство казаков нижнеколымского гарнизона с начала XVIII в. переместилось на Чукотку.

В.Г. Богораз считал, что по списку 1762 г. на территории Нижнеколымска числилось русского населения 638 мужчин и 236 женщин, в том числе 5 офицеров, 10 дворовых людей, 290 разночинцев и промышленников, 250 казаков. До 1890-х гг. число этого населения сократилось наполовину из-за эпидемий оспы, других болезней и голода.

В XVIII в. на Колыму начали прибывать ссыльные как по уголовным, так и государственным преступлениям. Среди них находились такие государственные деятели, как граф Головкин и барон Менгден [78]. В основном русское население состояло из служилых людей местного гарнизона, а также из отставных нижних чинов, их жён и детей. Колыма тогда была границей русских владений.

В конце XVIII—первой четверти XIX в. казачье население края сосредоточилось в Среднеколымске, в Колымском и Алазейском зимовьях [79]. С 1812 г. правительство прекратило снабжение казаков провиантом, кроме той её части, которая была оставлена на действительной службе. Все остальные составляли особую станицу под командой сотника, подчинённую исправнику Среднеколымска, и обязаны были по первому его требованию являться на службу. В 1862 г. казаков, находящихся на действительной службе в Среднеколымске, вместе с семьями было 86 мужчин и 81 женщина; отставных нижних чинов — 4 мужчин и 3 женщины; в других местах округа на действительной службе числились 5 мужчин и 1 женщина, отставных нижних чинов — 134 мужчины и 134 женщины [80].

В конце XIX в. колымские казаки, находившиеся на действительной службе, входили в команду Якутского казачьего полка и числились в системе Министерства внутренних дел.

В 1908 г. якутский губернатор И. Крафт произвёл в Среднеколымске анкетное обследование экономического положения команды казаков. В команде было 33 казака, из них семейных 32; в семьях насчитывалось 77 мужчин и 74 женщины, всего 151 человек. Из 33 казаков грамотных было 23, малограмотных 5, неграмотных 5. Занимались казачьей службой 24, руководством 2, письмоводством 1, рыболовством 5, торговлей 1 человек. Десять казаков имели наёмных работников. В 30 хозяйствах было 50 домов, 9 юрт и 28 амбаров. Некоторые казаки занимались скотоводством, 29 казаков имели покосные наделы, из них 8 сдавали покосы в аренду. В 13 хозяйствах крупного рогатого скота было 28 голов и 10 голов молодняка; в 12 хозяйствах — 12 лошадей и 2 жеребёнка. Орудия производства были у 31 семьи, они имели 35 неводов, 362 сети и 38 лодок. Мука выдавалась всем лицам мужского пола казачьего сословия, начиная с новорождённых. Остатки муки продавали по местным ценам, более 7 руб. за пуд.

В 1908 г. была перепись казаков нижнеколымской части колымской команды. Здесь имелось 28 казачьих хозяйств, в них было мужчин 71, женщин 68 человек. Основным занятием их являлось рыболовство. Они жили на заимках Оливино, Быстрое, Чёрный мыс, Ермолово, Каретово, Черноусово, селении Походское и в Нижнеколымском заштатном городе, имели 23 невода и 26 карбасов. В 1907 г. было добыто 3067 пудов рыбы. В некоторых хозяйствах было 25 голов рога-

того скота, 11 лошадей и 165 собак. Экономика нижнеколымских казаков была намного слабее [81].

В конце XVIII—первой половине XIX в. в бассейне Колымы появились русские крестьяне; по данным 1812 г. здесь было 18, а в 1856 г. около 120 человек. Они использовались администрацией для добычи пушнины и мамонтовой кости. Крестьяне не имели рогатого скота. Приобретая ездовых оленей и собак, они добывали для себя диких оленей, птиц, рыбу, а пушнина, мамонтовая кость шли преимущественно в казну и на обмен [82].

В 1850-х гг. в 20 населённых пунктах — казачьих станицах, расположенных ниже и выше Нижнеколымска, на притоках Малого и Большого Анюя, проживало около 750 русских. Среди них были крестьяне, мещане и казаки: в Нижнеколымске — 192, Черноусове — 113, Походском — 107, Каретове — 56, Кабачкове — 43, Ермолоче — 42 человека. На реке Большой Анюй — 12, Две виски — 17, на Малом Анюе в Крепосце — 5 и по Омолону в Деревне — 15 человек. Русские проживали здесь совместно с юкагирами и анюйскими якутами, часты были смешанные браки. Они многое заимствовали в одежде, образе жизни аборигенов, но заметно отличались от них крепким телосложением.

В 1870 г. в Среднеколымске проживало 499 человек, в том числе 26 дворян, 15 лиц духовного звания, 288 казаков, 146 купцов и мещан. В 1895 г. числилось 737 человек: русских казаков 317, мещан 145, купцов 26, чиновников и служителей церкви 36. С 1895 по 1910 гг. численность русского населения сократилось на 16%, причиной этого явились эпидемии разных болезней [83].

Русские крестьяне и мещане организовывали свои общества. В 1850 г. в Нижнеколымском крестьянском обществе состояло 150 человек, из них мужчин 71 [84], но в последующие годы происходило их численное уменьшение и к 1884 г. осталось всего 71 человек. В то же самое время увеличилась численность мещанского общества, так как крестьян стали причислять к мещанам. В 1850 г. мещан в Среднеколымске было 88, а в Нижнеколымске — 156 человек [85, 86]. В 1897 г. мещан было 167 мужчин и 143 женщины [87].

Жители Нижнеколымска весной часто голодали и вынуждены были брать в магазине продукты в кредит, обязуясь вернуть их в будущем году натурой. Главным занятием русских было рыболовство, питались они рыбой круглый год, часто без дефицитной здесь соли. Зимой ели мороженую рыбу — строганину.

Русское население мало разводило конный и рогатый скот. По данным 1906 г., в округе русские имели 109 лошадей, 99 голов рогатого скота, 112 ездовых оленей и 627 ездовых собак [88]. С середины XIX в. от Нижнеколымска до верховья Колымы русские занялись огородничеством. В 1848—1849 гг. впервые стали выращивать зерновые культуры в Среднеколымске, а затем в 1870—1900 гг. в верховьях Колымы — Родчево и Верхнеколымске, с 1850 по 1910 гг. — в Сеймчане [89]. Основным транспортом населения были собаки. В 1870 г. исправник Колымского округа Майдель, учитывая большой расход рыбы на питание собак, писал, что в Нижнеколымске живёт не менее 3000 человек, существование которых зависит от рыбной ловли; насчитывалось более тысячи упряжных собак, которые кормились исключительно рыбой [90].

Нижнеколымский священник А. Трифанов существенной причиной голода населения считал содержание собак, так как на десять собак требовалось в год до 20 тыс. сельдей [91].

Общая численность русского населения Колымского края не увеличивалась, а уменьшалась. Причиной этого были болезни, эпидемии оспы. Почти регулярно, четыре раза в году, «чёрная смерть» косила людей, самая страшная из них была в 1884-85 гг., истребившая более 1/3 населения Нижнеколымска. Некоторые деревни вымерли до последнего человека [92].

По переписи 1897 г. русских было 1120 человек. В якутских наслегах жило 117 русских, четыре обрусевших юкагирских рода с численностью 85 человек и обрусевший якутский род из 77 человек. Они утратили родной язык, ассимилировались с русскими, находились в брачном общении с ними и считали себя русскими [93, 94].

По образу жизни и языку русские Колымы не были едины. Среднеколымские преимущественно были горожанами, а ниже- и верхнеколымские — сельскими жителями и это определяло различие их хозяйственной деятельности. Язык русских Колымы был с окающим наречием и, как считал Богораз, по своему словарному составу был близок к областному наречию Архангельской и Олонецкой губерний. Нижнеколымчане сильно картавили, что до такой степени изменяло речь, что приезжие люди с трудом их понимали. Среднеколымские говорили по-русски с якутским акцентом и все хорошо говорили по-якутски.

С.И. Мицкевич, возвращаясь в 1903 г. из ссылки, сделал в Восточно-Сибирском отделении Географического общества Иркутска до-

клад о четырёхгодичной работе в Колымском крае, где подробно описал жизнь населения Колымы. Русское население он делил по жительству на две части. Первая — 570 человек — живёт в Среднеколымске и по заимкам на реке Колыме, выше и ниже города. Средневецы, говорил он, живут за счёт рыбной ловли, но большинство имеет скот, вообще это — аристократия Колымского края, наиболее зажиточная часть населения. Казаки получают от казны паек: полгода мукой, а полгода деньгами из расчёта 6 руб. за пуд; дети мужского пола до 7 лет — 35 фунтов муки и 5 фунтов крупы в месяц. На эти деньги казаки выписывают из Владивостока нужные товары, орудия рыболовства и охоты, которые им обходятся гораздо дешевле, чем при покупке у купцов. Все это даёт возможность жить казакам более или менее зажиточно. Мещане получают хорошие деньги за содержание станций, занимаются перевозкой купеческой клади, разводят скот и ведут торговлю.

Другая часть русского населения живёт вблизи Нижнеколымска и состоит из казаков, мещан, одного рода обрусевших якутов и нескольких родов обрусевших юкагиров. Все нижнеколымчане имеют резко выраженные особенности говора. Они занимаются исключительно рыболовством и пушным промыслом, разводят транспортных собак. Лишь немногие из мещан, торговцев и духовенства, переселившиеся из Среднеколымска, держат коров и лошадей [95].

3. ПОСЕЛЕНИЯ ЯКУТОВ

Ко времени прихода русских землепроходцев якутов в Колымском крае не было. В XVII в. основная масса якутов жила по берегам среднего течения Лены, в низовьях Вилюя и верховьях Яны. Якуты подразделялись на племена и родовые группы. На левом берегу Лены к

северу от Якутска жили якуты из племени намцы, соседи с юга — кангаласцы, на противоположном берегу Лены — мегинцы, по протоке Алдана — борогонцы. Наиболее многочисленными были мегинцы, кангаласцы, борогонцы [96].

В документах того времени значились и такие племена, как

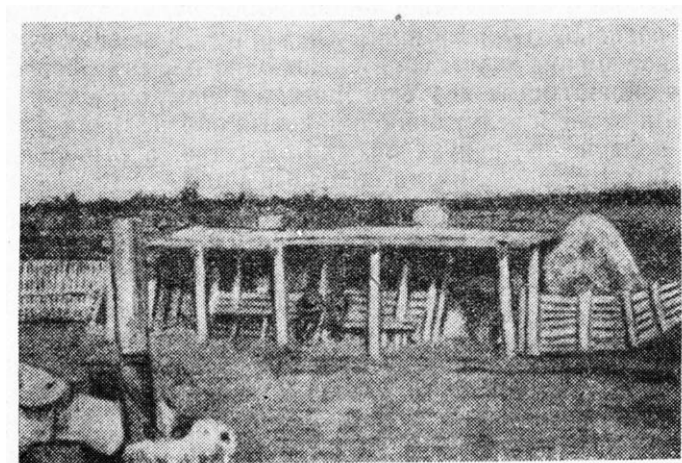

Рис. 7. Якутская юрта

мятуйское, байдунское, коринское, юсальское, туматское и другие [97], их называли «волости», независимые друг от друга. У якутов эксплуататорскую верхушку представляли тойоны. В своих обширных хозяйствах они использовали труд разорившихся, потерявших своё хозяйство обедневших соплеменников. Мелкие тойоны имели 2-3, а богатые — 15-20 бедняков. Особо трудным было положение женщин, исполнявших самые тяжёлые работы по дому и хозяйству. Юрта, в которой жил бедняк с семьёй, иногда далеко от хозяина, и инвентарь, которым он пользовался, тойон считал своим имуществом. Невыносимый гнёт тойонов, ясачный гнёт побуждал якутов к бегству на восток до Колымы [98]. За ними перемещались и богатые якуты. Так появились якуты на Колыме.

О колымских якутах упоминалось 10 января 1666 г. в письме якутского воеводы Голенищева-Кутузова приказчику колымских зимовий Семёну Аврамову [99]. Массовое переселение якутов на Колыму началось во второй половине XVII в.

Первая запись о якутах в книге ясачных людей Среднеколымского зимовья относится к 1704 г: «...из Бетюнской волости Дебекей Ондросов, ясаку на нем взято против отписи лисица красная». В 1712 г. в нижнеколымских списках значилось 4 верхоянских якута. В окладных книгах зимовий встречались записи о перемещении других якутов в бассейн реки Колымы. Так, в 1720-1721 г. Сетей и Этчей «сошли на Ковыму з домом». Помимо их направились «з домом» на Колыму Тобук, Бучугур, Оерго, Латы и другие. Среди якутов, расселившихся на Колыме, были жители из Мятюжской (Мятуйской), Байдунской, Успецкой, Батагайской и других волостей.

В 1738 г. в Среднеколымском зимовье 200 якутов платили ясак, а в Алазейском зимовье — 20 [100]. Постепенно со стадами коров и лошадей якуты занимали территории с лугами и пастбищами на Алазее, левобережье Колымы. В 1787 г. Г. А. Сарычев обнаружил якутов вблизи Верхнеколымска «...якуты поселились в здешних местах не очень давно и перешли с реки Индигирки, как в Верхний, так и в Средний колымские остроги» [101].

В XVIII и XIX вв. якуты поселились на огромной западной территории Колымского округа. В 1822 г. в округе уже был улус, состоящий из 10 наслегов. Жители, принадлежащие одному улусу, назывались родовичами. Всего было тогда 1034 якута [102].

Факты показывают, что якуты-переселенцы принесли с собой и пережитки первобытнообщинного строя, которые сохранялись у них

до конца XVIII в. В наслегах существовали «отцовские роды» — ага уустара, «материнские роды» — ийэ уустара. Роды, составляющие наслег, фактически представляли собой группу людей, объединённых по территориальному признаку для раскладки податей и повинностей, и распределения земли.

В семьях якутов главенствовал мужчина, у тойонов главенство подкреплялось экономической и правовой властью — они вмешивались в семейную жизнь населения улуса. Культурная жизнь якутов была в зачаточном состоянии. В XVIII в. началось приобщение якутов к христианской религии и их массовые крещения. Но наряду с христианством громадное влияние на якутов оказывали шаманы. При полной безграмотности народа были широко распространены различные суеверия, идолопоклонение, вера в духов, загробную жизнь, всюду царило всесилие шаманов.

Одежда якутов изготавливалась из шкур коров, лошадей, оленей и в очень малом количестве также из фабричного материала. Домашняя утварь состояла из деревянных тарелок, ложек, мисок, разной берестяной посуды и частично посуды фабричного производства [103]. Они жили в своих традиционных юртах. Юрта состояла из четырёх столбов, врытых в землю, на вершине которых устанавливали раму. К ней с уклоном друг к другу торчком приставляли тонкие листовенные бревна. Поверху укладывали такие же бревна, образующие потолок. На пол в лучшем случае настилали тонкие круглые жерди, а чаще пол был земляным. Снаружи стены обмазывали глиной и навозом, на потолок насыпали землю. Отапливали юрту комельком, представляющим собой круглую прямую трубу, широким концом упирающуюся внизу в деревянный сруб, заполненный землёй, а узким концом выходящим наружу и слегка возвышающимся над крышей; передняя часть этой трубы была срезана у основания и похожа на полукруглую дверь. Комелёк изготавливали из тонких жердей и обмазывали внутри толстым слоем глины. При топке длинные тонкие поленья устанавливали в комельке вертикально и упирали в земляное основание, а верхняя часть поленьев соприкасалась с поверхностью задней стенки. Труба закрывалась сверху юрты крышкой из коровьей или оленьей шкуры. Кроватью служили узкие нары-оронь, закрытые спереди и идущие вдоль стены, по мере надобности они также были диванами или стульями. Некоторые юрты перегораживались жердями на две части: в одной жили люди, а в другой нахо-

дился скот. Оконные отверстия летом затягивали налимьей или щу-
чьей кожей, иногда бычьим пузырём, а зимой вставляли льдины.

Якуты закреплялись на территории, пригодной для ведения хо-
зяйства, преимущественно по берегам многочисленных озёр и рек.
Занимались они скотоводством, рыболовством, охотой, а некоторая
часть — транспортным оленеводством. При обилии пастбищ и без-
людья в скотоводстве преобладало коневодство. Лошади содер-
жались для транспорта и питания; рогатый скот был малочислен, да
и тот во второй половине XIX в. скосила сибирская язва. Однако, ко-
личество рогатого скота по сравнению с конским, постепенно увели-
чивалось. Ведение скотоводства опиралось на сенокосное хозяйство,
поэтому вопросы землепользования приобретали большое значение.
Правом на покосную землю пользовались только совершеннолетние
мужчины, землёй пользовались по принципу уравнительности — пе-
ределы проводились ежегодно по урожаю [104].

Характер местности и хозяйственного уклада не позволял якутам
жить большими группами. Небольшие аласы около озёр среди тайги,
узкие долины речек могли вместить незначительное количество
скотоводов. Зиму якуты проводили в усадьбах, так называемых «зим-
никах», а лето — в «летниках».

Ф. П. Врангель писал о летовье Сылгы-Этарг (Сылгыытар. — М. К.),
что там жил богатый якут со всеми своими домочадцами, стадами
рогатого скота и конскими табунами. На ночь стада загоняли в заго-
ны. Имелось изобилие свежей мясной пищи, спокойствие духа. Там
он встретил 82-летнего якута Лаптева, который ещё в 1739 г. бывал
на берегах Колымы. Жена его была русская, он читал, писал и разго-
варивал по-русски. Из разговора с ним Врангель узнал, что якуты не
коренные обитатели Колымы, они «проложили путь на Колыму как
последователи Ермака». Он пришёл к выводу о том, что колымские
якуты составляют одно племя с живущими в окрестностях Якутска.
Язык, жилище, одежда у них одна и та же и ведут они одинаковый
образ жизни. Главное занятие их, считал он, скотоводство, а рыбо-
ловная ловля и охота — занятия побочные [105].

С умножением поголовья рогатого скота увеличились работы по
заготовке сена. Траву косили железной косой-горбушей на короткой
кривой рукоятке, русская же коса-литовка получила распростране-
ние только в конце XIX в.

Восточный склон Алазейского хребта изобиловал железными ру-
дами. Из них якуты допотопным образом выплавляли железо и са-

мым примитивным способом выделывали топоры, косы, ножи и другие необходимые орудия труда [106].

Общественные отношения якутов в конце XVIII — первой половине XIX вв. были патриархально-феодальными. Существовала частная собственность на скот; в середине XIX в. в наслегах Колымского улуса, как и в центральных улусах, бытовала классовая система распределения земли [107]. По описанию колымского исправника Г. Майделя, общественная жизнь здешних якутов протекала в рамках наслега под руководством старосты, «отца наслега». Сохранял свои позиции и род, руководимый старшиной. Староста — фактический глава наслега, получал порох и свинец, ежегодно выдаваемый наслегу, собирал и платил ясак, пользовался полицейской и судебной властью и назначал телесное наказание. Он отвечал за исполнение правительственных поручений. Он же весной каждого года производил передел сенокосных угодий. Родовые старшины и наследные старосты состояли под начальством улусного управления, состоящего из головы, членов, писаря-делопроизводителя и посредника между старостой и Колымским окружным управлением [108].

В конце XIX в. В.И. Йохельсон описал Эгинский и 3-й Байдунский наслеги, расположенные между реками Большая Чукочья и Алазея. Главным занятием их жителей было рыболовство, но в ограниченном количестве они разводили конный и рогатый скот. В каждом хозяйстве имелись ездовые собаки, а олени только у 2—3 хозяев. Северные границы наслегов были расположены на границе лесов, соприкасаясь с территорией тундровых бродячих родов.

3-й Мятисский наслег был расположен к северо-западу от Среднеколымска. Урочище Уолбут было местожительством головы Колымского улуса. Якуты этого наслега больше других имели смешанные семьи с русскими. У них было развитое скотоводство. Часть населения занималась исключительно рыболовством.

Два других наслега, 4-й Мятисский и 1-й Байдунский, были расположены в Верхнеколымской части округа. Центром было урочище Родчево, где два раза в год происходили общие собрания наслегов. Здесь скотоводство было развито лучше, чем в наслегах северо-западной части округа. Но рыбы в озёрах было мало, поэтому как промысел рыболовства не существовало.

Самым западным в округе считался 1-й Кангаласский наслег, богатый скотом. Якуты освоили урочище Карактах, расположенное в 130

верстах к северу между Алазеей и её притоком Рассохой и урочище Басытах в 180 верстах от Карактаха к западу [109].

Условия жизни населения Колымского края описывали в своих книгах многие политссылные, путешественники и приезжие русские люди. Политссылный Эгинского наслега села Сень-келе писал о якутах, что рыболовство являлось для них главным занятием, но ненадёжным, так как ловля рыбы не всегда была удачной. За короткое северное лето заготавливали сено на зиму для коров, их обычно держали зимою в юртах, что было чисто якутской привычкой. Только наиболее богатые якуты держали скот отдельно; коров очень ценили и без крайней нужды не забивали на мясо; лошади служили средством передвижения, хотя конина употреблялась в пищу. Кроме скотоводства якуты занимались охотой на пушных зверей, а весной — на диких оленей, лосей, дичь.

У якутов глубоко укоренилось гостеприимство. Почти никто не брал с собой в дорогу продукты, ибо тот, к которому приходили, обижался, если у приезжего было своё, или он предлагал деньги за угощение. С другой стороны, сохранялся обычай получения гостинцев (чая, табака, продуктов и т. д.) хозяевами семей, к которым ездили в гости.

Мужчина в семье был плотником, столяром, кузнецом, рыболовом, сам плёл сети, косил сено, заготавливал дрова, ловил птиц и охотился на зверей. Женщина же была кухаркой, швеёй, колола дрова, топила печь, ухаживала за коровами, сгребала заготовленное сено, наблюдала за целостью сетей зимой и другое. Якуты были лишены инициативы, активности и веселья. В юртах было мало смеха, молодёжь не знала игр. Торжественные моменты жизни не сопровождались чувством счастья и красоты. Не было слышно шумных игр детей, их смеха. Якуты два раза в год собирались на наслежные муняхи (собрания). Мунях был вроде праздника для живущего уединённо человека [110].

Экономическое положение якутов Колымского округа было тяжёлым. Зимние промыслы охотников оскудевали вследствие значительного сокращения численности пушного зверя. Летне-осенние запасы продуктов истощались быстро и обычно к весне люди начинали голодать.

Путешественник А.В. Оксенов в 1880 г. писал;

«К инородцам, населяющим в настоящее время округ, принадлежат, во-первых, якуты, составляющие преобладающую массу наро-

донаселения... Экономическое положение этих якутов плачевно. Вследствие значительного уменьшения промыслов звериного и рыболовного, к тому же ещё при обыкновенной в Сибири эксплуатации русских купцов, спаивающих якутов водкой, среди последних развилась нищета. А между тем улусные повинности растут в обратной пропорции к средствам существования. Поэтому голодовки среди якутов случаются все чаще и чаще, что смертность среди них увеличивается, что число якутов, выносящих на себе, вследствие бедности остальных, ясачную и улусную повинности, все уменьшается» [111].

Кроме прямого ясачного гнёта, якутам приходилось нести бесконечное бремя содержания уголовно-ссыльных, которых они называли «хайлахами». С этой категорией ссыльных связаны многие негативные явления в жизни якутского населения.

На 1 января 1887 г. в Колымском улусе было 27 ссыльнопоселенцев с семьями, всего 74 человека и 8 детей, родители которых умерли до 1887 г. Все они находились на пропитании якутов. Родоначальники улуса представили в полицейское управление округа «приговор» (протокол собрания — *М. К.*), где писали, что, несмотря на значительное уменьшение численности населения, ежегодно продолжали расти повинности; кроме того, они содержали 237 душ своих «родовичей», находящихся в бедственном положении. Родоначальники просили высшее начальство хоть на время приостановить высылку новых поселенцев. Местные власти поддержали «приговор», но Якутское полицейское управление в просьбе отказало, ссылаясь на то, что «в Колымском улусе состоит в настоящее время ссыльных всего 18 человек, тогда как остальные округа области переполнены ссыльными, кроме того, в Колымский округ посылаются ссыльные по закону...» [112].

Политссыльный И. Шкловский писал, что поселенцы, кроме всего прочего, являлись носителями преступлений. В крае первобытных нравов «хайлахи» принесли много недоброго — кражи, убийства и другие пороки. Шкловский приводит такой факт. В 1891 г. в якутскую деревню Кресты из 9 домов, где проживали якуты, был поселён некто Титов, который сразу начал терроризировать жителей, потребовав полное хозяйство: юрту, невод, сети и собачью упряжку из 12 собак, женщину, в противном случае грозил сжечь всю деревню. Ему все дали. Стоимость имущества по тем ценам была 300 руб. Титов потребовал также, чтобы ему ловили рыбу, так как он «не привык в России ноги квасить», давали чай и мясо. Он отнимал юколу и нель-

му, кормил ими своих собак. Летом он приехал в Среднеколымск и продал свой невод, а у якутов потребовал новый. Население деревни не выдержало этого разбоя и отправило делегацию в Среднеколымск с просьбой убрать из деревни Титова [113].

Якутский губернатор в 1903 г. обратился с письмом в Министерство внутренних дел, отмечая, что «с давнего времени в области установилась практика незаконного устройства части ссыльных по наслегам и кочевьям якутов. Поселяясь среди якутов, ссыльные вносили в их среду болезни, разврат и самое развращающее влияние. Якуты дают им по очереди помещение, продовольствие и какую-нибудь рваную одежду. Иногда ссыльные требуют от якутского общества жён и уступая назойливости, якуты отдают вдов. Такое насильственное сожителство ссыльных и якутов оканчивается или уплатою ссыльному «срыва» (получение с якутов денег — *М. К.*) или какой-нибудь драмою». Дальше губернатор писал: «Со своей стороны я нахожу, что такое положение вещей — как незаконное и прямо жестокое для обеих сторон, ссыльных и якутов — должно быть немедленно прекращено. Если отдалённый север Сибири должен служить местом ссылки, то последняя никоим образом не должна ложиться тяжёлой натуральною повинностью для местного населения» [114]. Но содержание уголовно-ссыльных продолжалось и в последующие годы. Якуты выполняли и другие повинности: почтовую «гоньбу», устройство дорог, содержание улусного и наследного писарей, расходы по письму и счетоводству, содержание церковных старост и так далее.

Тяжёлым бременем ложилась на якутов неэквивалентная торговля. Чтобы иметь какие-то деньги, якутам приходилось дёшево продавать мясо-молочные продукты, пушнину, рыбу, коровьи шкуры, сыромятки для ремней и подошв, сары (обувь) из конской шкуры и прочее. На вырученные деньги покупали у купцов по дорогим ценам чай, табак и товары первой необходимости,

В 1901 г. в Колымском улусе было 11 наслегов с населением 3148 человек. В 279 местах проживания в среднем проживало от 10 до 12 человек. Было несколько рубленых домов и 851 юрта [115].

С.И. Мицкевич, за время работы врачом округа, объехал много селений, знакомясь с бытом населения, оказывая ему медицинскую помощь, борясь с болезнями людей. По его описанию якуты, жившие к западу от Колымы, занимались скотоводством, рыбной ловлей и охотой. Большинство населения составляли середняки и бедняки.

Зажиточных якутов, имеющих большое число голов скота, было мало [116]. Продукты скотоводства служили важным элементом питания. Корова пользовалась большим спросом, но была мала в весе (7—8 пудов), не могла накормить молоком большую семью. Лошадей, находившихся на подножном корму, разводили преимущественно на мясо. Из-за отсутствия соли пойманную летом рыбу складывали в неглубокие ямы, а к зиме рыба начинала тухнуть, покрываясь вонючей пеной. При варке вонь чувствовалась за несколько шагов от юрты, и сидеть в это время в ней человеку было крайне тяжело. Муку, как большое лакомство, ели только зажиточные якуты. Табак курили поголовно все мужчины, женщины и дети с раннего возраста. Нередко можно было видеть, когда кормящие грудью женщины давали детям то грудь, то трубку вместо соски. После продажи пушнины покупали кирпичный чай, реже водку, т. к. она дорого стоила.

Скот держали в хлевах, стоящих отдельно от юрт, но коровы телились в юртах, где люди жили с телятами и больным скотом. Пол был земляной, грязный, с неприятным запахом. В этой части округа якуты страдали от проказы и трахомы, немало, было слепых и с другими дефектами зрения.

В начале XX в. у якутов главным источником питания оставалась рыба, а подспорьем к ней служили продукты скотоводства. В результате неудачного лова рыбы приходилось пускать на мясо свой скот. Кроме этого, периодически возникали эпизоотии сибирской язвы. Все это вело к уменьшению количества скота. В 1901 г. в улусе насчитывалось 2182 лошади, 2324 головы рогатого скота [117].

С 1911 г. Северным морским путём пароходы стали ежегодно доставлять грузы в устье реки Колымы. Во все наследи поступали продукты и товары по сниженным ценам, поэтому экономическое положение улусного населения значительно улучшилось. С употреблением в пищу мучных и других привозных продуктов значительно уменьшился забой скота на питание. Большое значение имел привоз новых орудий охоты и рыболовства. Якуты, имея ружья, боеприпасы, рыболовные снасти, стали успешнее охотиться и добывать рыбу. Увеличился рыночный товарооборот с меновой торговлей, ускорилось развитие скотоводства, оленеводства и коневодства. Стало заметнее сказываться влияние передовой русской культуры на культурное и политическое развитие якутов, чему способствовали, в первую очередь, политические ссыльные.

По данным переписи 1917 г. в Колымском улусе было 11 населегов с численностью населения: 1-й Байдунский — 342, 2-й Байдунский — 242, 3-й Байдунский — 120, 1-й Мятюжский — 124, 2-й Мятюжский — 333, 3-й Мятюжский — 474, 4-й Мятюжский — 312, 1-й Кангаласский — 608, 2-й Кангаласский — 170, Борогонский — 135, Эгинский — 65 человек. Всего в Колымском улусе насчитывалось 2925 человек [118].

В 1905 г. руководитель экспедиции С. А. Бутурлин, обращая внимание на тяжёлое экономическое положение народностей Колымы, считал, что надо «не только охранять население Колымского края от окончательного разорения и вымирания», но и дать ему «средства самостоятельно бороться за существование», «более полно и всесторонне» использовать естественные богатства этого обширного края и использовать не хищнически, а разумно и экономично, «в общегосударственных интересах». Для этого предстояло освоить Северный морской путь.

Глава 3

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КОЛЫМСКОГО ОКРУГА

1. ЗАНЯТИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Малые народы Колымского края вели комплексное хозяйство, сочетавшее в себе рыболовство, оленеводство, охоту и частично скотоводство.

РЫБОЛОВСТВО являлось главным занятием якутов, русских и другой оседлой части населения, основой их существования. Кочующим малым народностям оно служило важным подспорным промыслом.

Рыбу ловили в Колыме, Алазее, их притоках и многочисленных озёрах. В реках и озёрах водилось до 40 видов рыб, среди них ценные лососёвые, осетровые: чир, муксун, омуль, осётр, нельма, ряпушка (сельдь), шокур, пелядь, налим, щука, чебак, чукучан, окунь и другие.

Орудиями труда были речные и озёрные сети; невод, сделанный из конопли или конских волос; мережа — рыболовная сеть, натянутая на обручи; морда — снасть, сплетённая из ивовых прутьев в виде цилиндра, оканчивающаяся конусом; крючки из кости или дерева;

позднее появились железные крючки, а также другие приспособления.

Транспортом для рыбаков служили: ветка, карбас, а позднее, взамен карбаса, появилась лодка (шлюпка). Многие из орудий труда и транспорта появились с приходом русских на Колыму. Русские старожилы Колымы, писал политссылный И. Шкловский, величали реку Колыма-матушка и считали её поилицей-кормилицей, они одухотворяли её и говорили о ней как о живом существе [1].

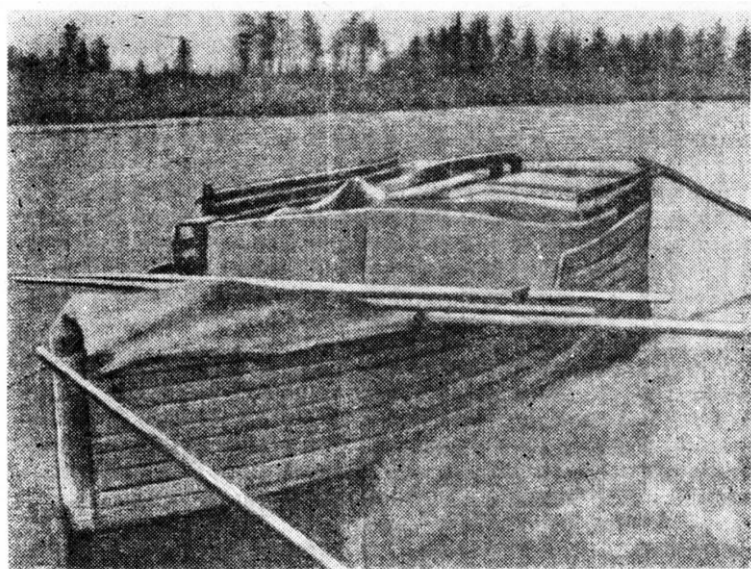

Рис. 20. Сплавной карбас на Колыме

Вдоль берегов рек и притоков были найдены удобные места для ловли рыбы сетями и неводами, они назывались заимками. Русские, юкагиры, якуты строили на заимках избушки, амбары для хранения орудий труда и небольшие погреба для рыбы. С наступлением весны большинство жителей из Нижне-, Верхне- и Среднеколымска выезжали на за-

имки: Погромный, Лайда, Каретово, Ермолово, Ямок, Тимкино, Помазкино, Жирково, Петрово, Среднее (Кульдино), Заборцево, Богданово, Вяткино, Горохово, Рыжово, Родчево, Нелемное и другие. Весна приносила радость для голодавшего населения, время промысла рыбы считалось самой весёлой, доброй порой. В это время года жители добывали и питались рыбой, кормили ею собак, делали в запас юколу — вяленую и копчёную рыбу. Рыболовство было развито у жителей Нижней Колымы. Как писал священник А. Аргентов, «народ довольствуется рыбою, которую ест без хлеба и без соли. Здесь водится лучшая в мире рыба по вкусу. Омули, хайрюзы (хариусы – прим. OCR), пелядь, чирь, нельма пудовая, стерлядь пятичетвертная, чованские полупудовые гольцы. Главное продовольствие составляют омуль, муксун и особенно сельдь — «наша манна». И точно, сельди здесь напоминают известную манну библейскую в том смысле, что рыба эта вкусна, питательна, нежна и водится в таком изобилии, что в добрые годы без большого труда остаётся только черпать её из реки как из садка, брать как из амбара, сколь надо» [2].

Несмотря на обилие рыбы, рыбаки ловили её летом только на питание и кормление собак, так как не умели её сохранять на долгое время. В XVII в. засолкой рыбы ещё не занимались, а в XVIII и начале XIX вв. был лишь незначительный расход соли, так как не знали технологии засолки рыбы, её хранения. Ни кочевые, ни оседлые малые народности соли не употребляли. В начале 1900 г. в Верхнеколымске расходовалось за год 34 пуда соли, тогда как по нормальным расчётам требовалось 150—200 [3].

В 1860-х гг. исправник Колымского округа Г. Майдель, для сохранности выловленной рыбы и спасения населения от голода, отдал приказ построить большие подвалы в заимках. Рыбаки проигнорировали приказ и только после принятия исправником строгих мер подвалы были построены, но их число было недостаточным для края [4].

Рыбу на зиму заготавливали осенью, когда она заходила с моря. При плохом заходе рыбы, неудачном лове или нехватке орудий рыбного промысла, улов был незначительным. Выловленных запасов хватало лишь до февраля-марта и население начинало голодать. Для обеспечения населения Колымы пищей в голодное время, в 1823 г. были организованы запасные магазины, где запас рыбы создавался закупкой её у рыбаков. Когда у населения кончалось продовольствие, то нуждающиеся брали рыбу в магазине в долг до нового улова. В каждом таком магазине имелся список жителей, подлежащих обеспечению рыбой: среднеколымский магазин — 388 человек, верхнеколымский — 650, молковский — 500, нижнеколымский — 650 и омонский — 40. Весной во многих магазинах рыбные запасы кончались, увеличивались долги, а при новом промысле бывало так, что должники могли возратить только незначительную часть долга.

По данным на 1 января 1866 г. среднеколымский магазин не имел запаса рыбы. Должники должны были возратить муксуна 88, чира 44, омуля 4, сельди 529 пудов. Верхнеколымский магазин запаса тоже не имел, числилось в долгу 1153 пуда омуля, Молковский магазин имел в наличии пеляди 78, сельди 78 пудов, числилось в долгу пеляди 79, сельди 26 пудов; нижнеколымский магазин имел в наличии муксуна 4, сельди 3614 пудов, юколы сушёной 1470 штук. Выдано в долг муксуна 1226, сельди 4179 пудов, юколы сушёной 13710 штук. Омонский магазин имел запас муксуна 222 штуки, сельди 495, юколы сушёной 938 штук. В долгу числились 5423 штуки муксуна, 93785 сельди, 36801 штука юколы [5]. На 1 января 1888 г. все мага-

зины имели в запасе: сельди 37120, муксуна 2035, омуля 3372 и пеляди 4000, а всего 46527 штук рыбы, что было больше, чем в 1887 г. на 18195 штук, но размеры долга уменьшились незначительно [6].

Окружной исправник в отчёте за 1884 г. писал, что рыболовство является единственным источником обеспечения населения продовольствием. Из-за мелководья рек и озёр в 1884 г. промысел рыбы был незначительным, в особенности в нижнеколымской части округа, население которого едва обеспечивало себя во время промысла, а по окончании его начало голодать. Такой же голод с ноября начался и в Среднеколымске, а также у якутов в Верхнеколымске и западной части округа [7].

В 1885 г. промысел рыбы значительно повысился и на Колыме было добыто 45050 пудов рыбы и 595 пудов икры [8]. В 1887 г. было добыто 86000 пудов рыбы, в 1889 г. — 165150 пудов, что превышало добычу 1887 г. больше чем в 18,7 раза [9, 10]. В 1894 г. рыбаками было добыто только 15080 пудов рыбы и 200 пудов икры, что было намного меньше предшествовавшего промысла 1893 г. [11],

В донесении якутскому губернатору колымский исправник писал, что с июля 1894 г. из-за сильных ливней не было возможности промысливать рыбу, а значит и пополнить запасы в рыбном магазине. И в январе начался повсеместный голод, падеж скота и гибель собак. 21 декабря 1894 г. мещане Среднеколымского общества, находясь в ужасающе тяжёлых обстоятельствах, обратились с просьбой о помощи голодающим, на что откликнулись якутские купцы и Амурское товарищество, пожертвовав 650 рублей и оказав другую помощь [12].

Якутский губернатор временами принимал меры по обеспечению населения рыболовными снастями, приказав отправить в 1896—1898 гг. в Среднеколымск конский хвостовой волос и коноплю [13]: в 1895 г. 50 и 47 пудов того и другого, в 1897 г. — 18 пудов 26 фунтов конопли и 48 пудов 19 фунтов конского хвостового волоса [14, 15]. Несмотря на это, рыболовных снастей не хватало. Основным орудием промысла рыбы летом и осенью оставался невод. Такая помощь не решала проблему снаряжения рыбаков. По подсчётам И. Шкловского, жителям Колымы нужны были три лодки; карбас-неводчик, небольшая лодка в два весла, поднимающая трёх человек, и невод (стоимостью 15 рублей). Для перевозки рыбы с заимок в город были необходимы карбас-кочевник, стоивший не менее 25 рублей, большая лодка в четыре весла, поднимающая пудов сто груза. Изготов-

ленные юкагирами карбасы пригоняли из Верхнеколымска. Их делали из топких осиновых досок, сшитых скрученным тальником, щели законопачивались мхом, а трещины заливались «серкой», т. е. лиственничной смолой. Для придачи смоле большей вязкости, её смешивали с заячьей шерстью. Дно и стенки лодки были до того тонки, что по карбасу можно было ступать только в местной обуви без каблуков и с мягкими подошвами, так как каблуком можно было легко продавить дно. При перевозке груза на распруги, т.е. кривые корни, составляющие ребра карбаса, клали несколько досок, называемых подтоварни. При неводьбе нужна была ещё ветка — маленький челночок из тонких, лиственничных дощечек, выстроганных ножом и сшитых нитками, приготовленными из оленьих жил; она стоила 5 руб. «Рыбный завод» для неводьбы состоял из невода, бечевы и сетей. Невод вязали из конопли, бечеву сучили из волос конской гривы. Фунт такого волоса стоил 2 руб. 25 коп. — 2 руб. 60 коп. Невод стоил 150 — 200 руб., а 8 сетей — 56 руб. «Рыбный завод» стоил, примерно, 251—300 руб. [16]. У некоторой части населения, несмотря на наличие орудий рыбного промысла, нехватка запасов рыбы на зиму стала обычным явлением и население часто голодало. В такие годы население кормилось за счёт убоя якутского скота, чукотских оленей и, в значительной степени, мукой, выдаваемой из запасников интендантского ведомства казаков.

В 1905 г. С. А. Бутурлин, проверяя снабжение населения продовольствием, считал причиной малого улова рыбы недостаток орудий рыболовства, а также укороченность невода и сетей в длину и высоту. Он считал необходимым отправить в округ 500 пудов белого и серого конского хвостового волоса; 300 пудов хорошей конопли и 80 пудов тонкой нити [17].

Издавна приречное население готовилось к осеннему промыслу рыбы. Рыба, зашедшая в реку, постепенно поднималась в верховья для нереста, особо большим был заход сельди. Как писал Ф. П. Врангель, в благоприятные годы неводом за одну тоню вытаскивали 3000 и более сельдей, за три-четыре дня хорошим неводом добывали до 40 тыс. сельдей. Она шла, главным образом, на корм собакам [18]. По подсчётам И. Шкловского, чтобы накормить полную упряжку собак, требовалось 12000 сельдей. При хорошем осеннем улове нижнеколымский рыбак в среднем добывал 20 тыс. сельдей, 700 омулей и муксунов. С доставкой в Нижнеколымск он продавал купцам 10 тыс. сельдей (по цене 1 руб. за тысячу), 200 омулей и муксунов (по цене 6

руб. за сотню), получая за всю проданную рыбу 28 руб. и у рыбака оставался запас рыбы лишь до февраля месяца [19].

Среднеколымские приречные жители, в отличие от нижнеколымских, ловили рыбы меньше. В начале августа поднимались вверх по Колыме нельма, омуль, а потом чир, муксун и селёдка (ряпушка).

В Верхнеколымске же с разных мест собирались для рыболовства русские, якуты, юкагиры и эвены. Некоторые ставили сети, а те, кто имел невод, промышляли рыбу «черпаньем». Такой способ применяли при обратном пути омуля вниз по реке, когда рыба иногда собиралась в таком количестве, что вода волновалась как при сильном ветре. Рыбаки закидывали один или несколько соединённых неводов на собравшуюся рыбу. Она попадалась иногда тысячами и не было возможности вытащить её всю. Тогда невод постепенно вытягивали на берег и рыбу брали частями — черпаньем [20].

В середине сентября на Ясачной делали заездки (перегораживание). В мережу этих заездок попадали десятки тысяч омулей и несколько сот нельм. После ледостава производили подлёдный лов рыбы сетями, а также ставили морды в заездках. Морская рыба не поднималась выше Ясачной, жители на Коркодоне ловили в реке пресноводных рыб — ленок и хариус. Осенью делали на Коркодоне чрезвой (перегораживали значительную часть реки), а заездки — на Рассохе. В открытых местах рек ставили сети и морды. Река Коркодон совсем замерзала только в декабре или январе [21].

Жители наслогов рыбу промышляли на Алазее, побочных речках и озёрах сетями, мережками, мордами и крючками; транспортом служила ветка. Приречные якуты, юкагиры и эвенки, после спада паводка, ловили рыбу в висках, озёрах и на реке. Были годы, когда мордой или мережей ловили много чебака. Население летом хранило рыбу в неглубоких погребах и делало запас юколы (по-якутски «хачыры»). Во время весеннего лова создавали запас рыбы на время сенокоса; с началом рыбного промысла население улуса, а также некоторые оленеводы — юкагиры, эвенки и эвены — организовывали летние выпасы — нагулы скота и оленей. Однако бывали годы, когда по неизвестным причинам промысел рыбы в озёрах уменьшался и рыба подыхала. В 1833 г., когда в озёрах округа пропала рыба и её не было более трёх лет, население голодало [22]. В эти годы население забивало на питание значительную часть рогатого скота и лошадей.

Промысел рыбы имел решающее значение, служил основным продовольствием улусному населению. Август якуты называли «тыы

ыйа» (месяц ветки), добытую рыбу сохраняли в ямах или в земле, закрывая сверху тальником и сеном. Осенний промысел продолжался до появления шуги, тогда рыбу складывали и оставляли на зиму в лабазах, где она значительно портилась. Лабаз — это хозяйственная постройка из жердей или коры на высоких помостах для защиты имущества или запасов продовольствия от хищников. После ледостава начинался подлёдный лов шокуры и баранатки до середины декабря. В некоторых наслегах в марте устройством заездок ловили мордой налимов, продолжая промысел до конца апреля и начала мая. Весной также ловили щук.

Жители 1-го Байдунского и 4-го Мятюжского наслегов Верхнеколымска почти не промыслили крупных рыб, как чир, баранатка, шокур, щука, налим. Они ловили, главным образом, рыбу «сулуруо», величиной с палец, а в питание больше шла «тимир атах» («железная нога»). Эта мелкая рыба в сентябре — октябре ловилась мордой в висках в большом количестве, а сулуруо — в озёрах. Их варили с заболонью, т. е. лыком лиственницы [23].

ОХОТА. Колымский край по обширности занимаемой территории, рельефу поверхности, разнообразию растительного покрова, богатыми видами фауны превосходил другие округа Якутской области. В крае водились лоси, олени, медведи, волки и различные виды пушных зверей. Охота на разные виды зверей была распространена по всему краю.

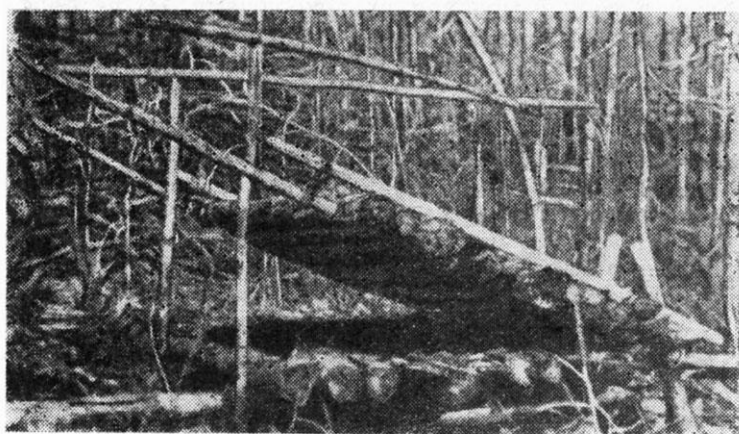

Рис. 8. Настроенный сруб-снаряд Верхнеколымской части округа

До прихода русских охотники Колымы промыслили зверей и животных преимущественно на пропитание, используя шкуры для одежды. Спасаясь от голода, люди употребляли мясо любого зверя, не брезговали ни волком, ни лисицей, предпочитая, конечно, мясо оленей и

лосей. Промысел пушных зверей тогда был незначительным.

С приездом служилых людей и обложением малых народностей ясаком, получила развитие охота на пушного зверя [24]. Медленно, но неустанно совершенствовалось умение человека охотиться, стали появляться новые, более совершенные орудия охоты. По описанию

исследователей, у охотников было много сложных и простых орудий охоты. Среди них были трёх типов снаряды. Первый — падающие снаряды: сруб, пасть, и кулема. Сруб и пасть ставили на лисиц, песцов, а кулему — на медведя, а иногда на росомаху. Срубы ставили верхнеколымские юкагиры по Колыме, Ясачной, Нелемной, Поповке и Коркодону, а пасти — юкагиры по Омолону. Такие же орудия ставили жители рек Большого и Малого Анюя и русские из Нижнеколымска по Омолону и обоим Анюям и вдоль по течению Колымы. Срубы и пасти ставили через определённые промежутки и, в основном, по берегам рек, висок и протоков, образуя как бы улицу, по которой располагались снаряды. В Нижнеколымске такие улицы называли «пастником», а людей, их ставящих, «пастничными людьми». Осматривали снаряды два раза в год — зимой и весной. После этого сруб или пасть спускали с настрожки, чтобы «по-пустому» не портить добычу. Пасти ставили русские и некоторые эвенки Западной тундры недалеко от леса и вблизи морского берега.

Вторым снарядом был самострел — лук, нижнеколымские охотники называли его «паставушный лук». Самострельный лук изготовили якуты, применяли его отчасти юкагиры, эвены и русские. Первоначально разнообразной формы стрелы делали из кости, а затем из железа. Самострел ставили почти на всех животных, он был опасен и для самого охотника, бродящего по лесу и не знающего мест расположения самострелов.

Третьим был зажимный снаряд: черкан, капкан американского происхождения, кляпса, ими добывали горностая, песца, лисицу и других зверей.

Пользовались также ременными петлями на оленя, медведя и лося. Очень редко, но пользовались и отравой.

Кроме самодельных снарядов были оружия (лук, ружье) и другие способы охоты. До прихода русских лук был военно-охотничьим оружием: им пользовались все народности Колымы — как бедные, так и богатые. Лук был простой и двоедеревянный. Простой лук делали из крепкой, смолистой стороны кривого ствола лиственницы, а двоедеревянный склеивали из полос берёзы и крепкой смолистой стороны лиственницы. Редкий охотник имел ружье, потому что оно стоило очень дорого, к тому же ружья были плохие, ствол часто давал трещины, замок ломался.

Эвенки, эвены, юкагиры, отчасти якуты и русские применяли кремнёвые винтовки с тяжёлым кованым и резным дулом с чрезвы-

чайно малым отверстием. С конца XIX в. стали пользоваться американским винчестером чаунские и анюйские чукчи. Среди других народностей Колымы чукчи не славились как охотники — они не имели срубов, пастей и самострелов, но при случае подстреливали лисиц и росомых. Молодые чукчи добывали за зиму по 10—12 белок [25]. Жители края охотились на оленей, лосей, перелётных птиц, пушных зверей, таких, как соболь, песец, белка, горностай, россомаха, выдра, рысь, а также на волка, бурого и белого медведя, тюленей и других зверей.

Охота на диких северных оленей играла главную роль в обеспечении населения мясом. Олени в начале весны начинали миграцию на север, к Ледовитому океану, где, в поисках корма из мха и сухих листьев, находили отдохновение от мошек, овода и комаров. Часть оленей, преимущественно самцы, возвращалась в конце лета обратно и при переходе рек охотники убивали их в большом количестве.

Способы охоты были различными. В месте постоянных переправ большого стада оленей, нередко в тысячу голов, ожидавшие в засадах охотники на ветках и лодочках набрасывались на них и забивали острыми пиками на длинных рукоятках (поколючи) [26]. Убивали их с невероятной скоростью. Другие охотники в это время связывали убитых оленей длинными ремнями, поровну делили добычу и возвращались домой. Охота не всегда бывала удачной, случалось, что возвращались ни с чем.

Нижнеколымские охотники отправлялись в тундру к большим озёрам, где приученными собаками загоняли оленей в воду и убивали их поколючами, но не более 20 голов. Охота на оленей была прибыльней на реках Анюя, чем в тундре, здесь удачливый охотник добывал в год до 100 оленей [27]. На диких оленей охотились обычно эвены, эвенки и юкагиры.

Со второй половины XVIII в. дикие олени постепенно оттеснялись стадами чукчей и покидали Колымский край. Незначительное количество оставшихся подразделялось на три группы: стоялые — олени, не покидающие тундру; ходовые — проводящие зиму в тонкоствольном лесу притундровой полосы, а летом в тундре; лесокаменные, зимой пасущиеся в толстоствольных лесах, а летом — на вершинах гор. Охотиться на таких оленей было трудно, редко удавалось их добыть. Поэтому охота резко сократилась. Зимой охотник, близко подкравшись, внезапно нападал на оленя и, догнав его на лыжах, закалывал копьём или ножом. Летом подкрадывался к оленю ползком

по мху или загонял его с помощью собак в озеро, чтобы добыть его там на ветке. Якуты выслеживали тропу, по которой ходил олень на водопой и ставили о там петли или самострел. Нужда заставляла обучать домашних оленей приманке диких, их называли манщиками. Увидев дикого оленя или целый табун, охотник выпускал манщика, держа его на ремне и осторожно направлял его то в одну, то в другую сторону или притягивал к себе. Манщик раскапывал снег, добывая ягель, а дикий олень из любопытства подходил к нему. Постепенно придвигая манщика к себе, а за ним и дикого оленя, охотник в удобный момент убивал его [28]. В старину промысел на лося (сохатого) считался очень выгодным, потому что мясо его служило главным продовольственным подспорьем в пищевом режиме населения. Охотой на лосей преимущественно занимались в Верхне- и Среднеколымске, на островах рек и особенно на берегах Коркодона. Как писал Г. Сарычев, главным промыслом юкагиров были сохатые, которых «юкагиры обыкновенно гоняют на лыжах с собаками». Мясо убитого сохатого разрезали на тонкие пластинки и сушили на воздухе [29].

Якуты Колымского улуса, в отличие от охотников Нижне- и Верхнеколымска, занимались охотой, в основном, на пушного зверя. Была охота и на диких хищных зверей — медведей и волков. В районе нижней Колымы добывали и белых медведей, промышляли нерп, особенно в голодный год. В верхней Колыме эвены охотились на горного безрогого оленя-кабаргу, а в горах к востоку от реки эвены и эвенки — на каменного барана-чубуку [30]. Целеустремлённой добычи медведя у населения не было. Убивали медведя зимой, когда он лежал в берлоге, или весной, когда отощавший «дедушка» покидал берлогу, и при встрече с «шатуном», когда тот кидался на человека. Жителям нередко приходилось вступать с медведями в единоборство, так как те грабили рыбные подвалы, амбары, морды в озёрах и висках, раздирали сети в поисках рыбы.

В тундре водились волки и для защиты стад от их резни, оленеводы охотились на них. Эвенки ловили и душили волка арканом — длинным ремнём с затягивающейся петлёй на конце. Два охотника на специально выученных оленях, запряжённых в лёгкие сани, гоняли волка до тех пор, пока не накидывали на него аркан. Чукчи заимствовали такой способ охоты от эвенков. Якуты на волка ставили самострел, а богатые чукчи — американские капканы, купленные у береговых чукчей. Эвенки отыскивали в тундре норы с волчатами и перерезали сухожилия задних ног, а осенью, когда волки вырастали, их

легко удавалось ловить. Убивать маленьких волчат считалось грехом [31].

В XVII в. самой распространённой охотой в Колымском крае была охота на соболя, она была нелёгкой, так как этот маленький зверёк был вёртким и проворным, обитал в ущельях скал, дуплах деревьев, трещинах в земле. Соболем оплачивали ясак, на него охотились сотни русских промышленников, ежегодно прибывавших из Зауралья, с помощью сетей-обметов, ловушек-кулем, их отстреливали из лука и ружья. В первые же годы XVII в. в царскую казну из Колымского края были отправлены несколько тысяч соболей: в 1648 г. — 16930, в 1650 г. — 8900, в 1653 г. — 11530, в 1655 г. — 17600, в 1656 г. — 12832, в 1675 г. — 16210 соболей [32]. Такая хищническая добыча соболя привела почти к полному его уничтожению к началу 1860-х гг. Народы Колымы охотились и на песца. Песец проводил лето в тундре, питаясь мышами, пеструшками и птицами, а зимой — в лесу и на льдах океана. По окрасу шкур песцы разделялись на несколько видов: слепушка — после недавнего рождения, мех низкий, темно-красный; норник — шерсть немного светлее и волос несколько длиннее; крестовик — мех светлый и волос длинный, на спине у лопаток крестец черноватого цвета; чаячник — серовато-синий цвет, напоминающий цвет цыпленка чайки; синяк — серо-синий цвет; недопесок — белой окраски, но с короткой шерстью. Юкагиры, эвены, эвенки ловили песцов пастями в большей части тундровой полосы. Якуты в таёжной части пастей не ставили, устанавливали самострелы, но, главным образом, загоняли на лошадях [33]. Русские ставили на песцов пасти по берегам рек, в Восточной и Западной тундре.

Лисицы встречались на Колыме повсюду. По окраске их различали на три вида: красная, сиводушка и чёрная. Красную делили на светло-жёлтую, красную с белым брюшком и «огнёвку» — целиком золотисто-красного цвета. Черные и черно-бурые лисицы встречались в притундровой полосе. Ловили их с помощью срубов и пасти. Срубы на лисиц ставили в Верхнеколымске юкагиры и якуты, а пасти — русские промышленники на Колыме. Юкагиры изредка ставили самострелы около дома, а чаще промышляли лисиц при помощи собак. Якуты добывали лисиц, преследуя их на коне, а эвенки — сидя верхом на оленях, запряжённых в лёгкую нарту [34].

Изредка охотники добывали выдру и росомуху; выдра, живя у больших рек, каменных протоков, на берегах озёр, встречалась крайне редко, случайно попадая в срубы на лисиц. Росомуха встреча-

лась чаще, но была почти полностью истреблена промышленниками. Водилась она в притундровой полосе, кормилась остатками лосей и оленей, погибших от волков. К XIX в. она была почти полностью истреблена.

Охота велась на горностаев, белок, рысей и зайцев. Горностай водился в округе повсюду, в тундре промышлял мышей, в лесу разорял гнезда птиц, забираясь в дупло белки, в звероловных снарядах ел попавшую туда добычу, нападал на зайцев, рябчиков, куропаток и на спящего под снегом глухаря, подкапывался под амбар человека. Ловили горностаев черканами. Белки были всюду, где был соболь. Питались они кедровыми орехами, грибами, ягодами, лиственничными семенами, плодами шиповника. Опытные охотники Верхнеколымска добывали в год по 500—600 белок. При охоте на белок применялось ружье, черкан, петля и лук. Рысь, как говорили эвенки и юкагиры, встречалась часто, она редко попадала в сруб, охотились на неё луком. Впоследствии её поголовье резко сократилось [35].

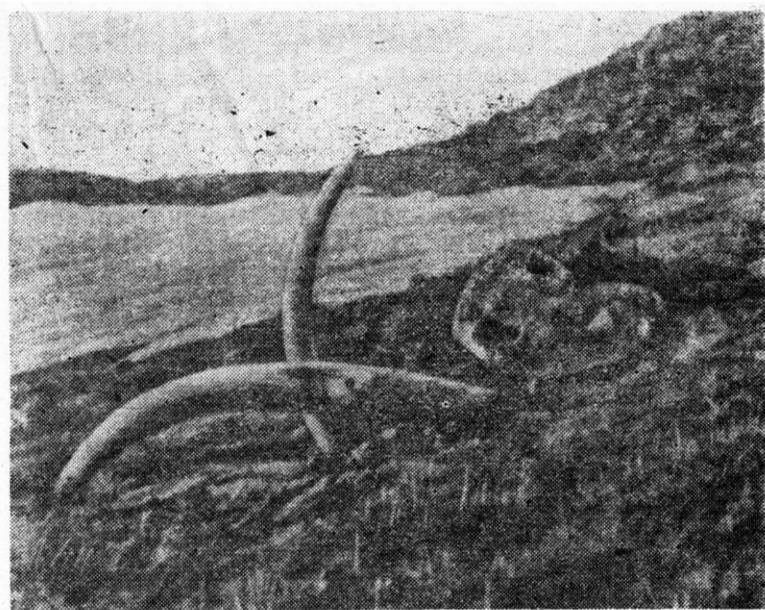

Рис. 9. Бивни мамонта, найденные в тундре

Наравне с пушниной ценились кости мамонта. Жители Колымы в большом количестве находили их на берегах рек, речек, горных ручьёв и некоторых озёр после спада высокой весенней воды и бурного ледохода, разрушающих берега, в обвалах, оползнях и трещинах береговых яров. Якуты отправлялись на лошадях к озёрам, вискам или в тундру в поисках кости; русские Нижнеколымска собирали кости артелями [36].

В августе 1900 г. на берегу Березовки, правого притока Колымы, эвен С. Тарабукин нашёл останки мамонта и, вырубил один клык для доказательства своей находки начальству. В Среднеколымске Тарабукин продал клык казаку Явловскому, который ездил на то место и, вернувшись в город, сообщил о находке помощнику исправника, тот сообщил якутскому губернатору, который поставил в известность Петербургскую Академию наук.

3 мая 1901 г; из Петербурга выехала специальная научная экспедиция и прибыла в Березовку 20 сентября. Экспедиция состояла из старшего зоолога Зоологического музея Академии наук О. Ф. Герца, старшего препаратора того же музея Е.Ф. Пфиценайера и студента Д.П. Севастьянова [37]. Останки мамонта на 22 нартах были увезены в Петербург и, после реставрации, установили в Зоологическом музее.

Весной, с прилётом водоплавающей птицы, начиналась охота на дичь. Охотились первобытными методами: петлями, сетями, луком, «загоном», а некоторые — огнестрельными ружьями. В конце мая — начале июня озера были полны дичью, первыми прилетали лебеди, затем гуси и утки — белобки, турпаны, савки, шилохвосты, мордушки, гагары, стерхи, кулики и много других. Прилёт птиц часто спасал голодающих людей от смерти.

Врангель писал: «... высшей степени, спасением бывает... прилёт из южных стран больших стай лебедей, гусей, уток, куликов и других птиц... кто только в состоянии держать в руках ружье или лук, все спешат убивать из пернатых гостей, что могут» [38].

Некоторое время спустя после прилёта птиц жители вынимали яйца из гнёзд. Как писал А. Аргентов, «бывало возьмёшь кузов и по островам собираешь яйца гусиные, лебединые, утиные, как в иных местах по лесам собирают грибы...».

На отдельных озёрах осенью группа охотников делала загон линной птицы, её убивали палками, травили собаками, ловили руками и сетями. В удачные годы жители Нижнеколымска приносили домой до 30-40 тыс. гусей и уток. В один сезон на одном озере было добыто 37 тыс. линных уток [39]. Кроме охоты на прилётную дичь охотились на куропаток, тетеревов и других пернатых. Охотники, постоянно находясь в борьбе за существование, соблюдали традиционные законы охоты, хотя временами хищнически истребляли все, что попадало на их пути. В таких случаях происходило резкое сокращение животных, птиц и пушных зверей.

СОБИРАТЕЛЬСТВО. Кроме рыболовства и охоты, народы Колымы занимались ещё сбором даров природы. В Нижнеколымске женщины на зиму собирали ягоды, душистые травы и корни. В изобилии росли ягоды, особенно голубица, на восточном берегу Колымы и по Пантелеевской сопке. Как писал Ф. П. Врангель, туда ходили во второй половине августа, в самое приятное время года для сбора ягод.

Ягоды обливали водой, замораживали в подвалах и сохраняли на зиму как лакомство. Из растений собирали только тимьян, а из корней — макаршу. Тимьян употребляли преимущественно для курения, а иногда и в пищу. Мака́рша представляла собой мучноватый корень, который служил приправой в пирогах с рыбой и мясом, или подавали вместо десерта на ужин. Мака́ршу находили в норах полевых мышей [40].

Юкагирские женщины Большого и Малого Анюя собирали княже-нику, красную и чёрную смородину, шикшу, бруснику, клюкву, отыскивали корень макарши [41]. Верхнеколымские юкагиры в летне-осеннее время в пищу использовали дикорастущий лук, собирали кедровые орехи, заготавливали лиственничную заболонь. В берестяных вёдрах хранили на зиму ягоды брусники, черники, шиповника. В пищу использовали корни сараны. Собирали некоторые виды грибов, сушили их и употребляли в пищу, как приправу к супам [42]. Якуты Верхнеколымска занимались сбором заболони, т. е. лыка лиственницы, для приправы к пище.

Ягоды были любимым лакомством якутов — брусника, голубика, чёрная и красная смородина, земляника, морошка и охта. Часто встречались грибы, но якуты их не употребляли в пищу. Русские на берегах рек собирали дикорастущий лук.

ОЛЕНЕВОДСТВО. К приходу русских все малочисленные народы края занимались оленеводством. У чукчей, некоторой части эвенков и эвенов оно имело как продуктовый, так и транспортный характер. Юкагиры и большинство эвенков и эвенов разводили транспортных оленей. В XVII-XVIII вв. оленеводство развивалось на натуральной основе и удовлетворяло только внутренние потребности хозяйств. Сбыт оленьей продукции был незначительным.

Благоприятной для разведения оленей были Восточная и Западная тундры, хребты восточной части Колымы и зона тайги. После ухода чукчей в XVII в. на восток, оленеводами считались эвенки, эвены и юкагиры. Для транспортных целей в хозяйстве юкагиров содержалось от 2-3 до 10-20 оленей. В богатых семьях было 100-150 голов [43].

Эвенки и эвены, занимавшие тундровую полосу лесов, имели преимущественно транспортных оленей, «Каменным» эвенкам и эвенкам горных хребтов восточной части Колымы олень служил как продуктом питания, так и транспортом. В XIX в. богатые из них имели 2000

и более оленей. Хозяйства эвенов с транспортным направлением имели не более 20-100 голов [44]. В таёжной зоне оленеводством занималась часть якутов для перевозки грузов и хозяйственного обслуживания [45].

В первой половине XIX в. чукчи-олeneводы, в поисках новых территорий для размножившихся своих стад, постепенно переселялись с Чукотского полуострова на Колыму. В 1847 г. прикочевал к Малому Барановому мысу, вблизи устья Колымы, богатый чукча Аваченка со стадом около 8 тыс. оленей [46]. Чукотский тойон А.Н. Амравгургин имел около 40 тыс. оленей, его сородичи и родственники — по 20-25 тыс. [47]. Многотысячные стада чукотских оленей вскоре заняли обширную территорию Восточной тундры, а затем перебрались в Западную тундру.

По описанию В.Г. Богораза, чукчи-олeneводы кочевали к востоку от Колымы в горной полосе между рекой Сухой Анюй и берегом океана. Лето проводили на берегу океана, а с наступлением холодов перекочёвывали в леса и жили там часть осени и зиму, а весной вновь спускались к океану. Жившие в верховьях Сухого Анюя чукчи кочевали за лесной границей, пересекающей Анюй, и проводили зиму по реке Эломбалу и другим речкам, впадающим в Сухой Анюй. Некоторые удалялись на горные наледы, расположенные по истокам рек Погинденом и Большой Баранихой. Тойоновские чукчи жили вдоль лесной границы по верховьям Олои и мелким протокам. Небольшая группа чукчей находилась в Большой тундре к западу от Колымы, на Алазее и по другим рекам. Часть располагалась по вискам Алазеи [48]. С переселением оленных чукчей, в Колымском округе оленеводство приняло продовольственный характер. В 1868 г. у колымских чукчей было 360 тыс. оленей [49].

Чукчи улучшали свои стада лесными эвенскими оленями. Как писал В.Г. Богораз, в конце XIX в, у анюйских чукчей в стаде в среднем было 300-400 важенков, а у тойоновских чукчей 600-800, а нередко до 3000-4000 важенков. Оленьё стадо быстро размножалось, давая от 100 важенков по 60 телят [50].

С другой стороны, происходило вытеснение диких оленей, резко сокращалась охота на них, являвшаяся основным источником питания притундрового населения. В конце XIX в. чукотское оленеводство стало играть заметную роль в деле внутреннего обмена и олени становятся основным источником питания не только для притундрово-

го, но и подавляющего большинства населения округа. Олени стали вывозиться в Якутск, оленьи шкуры стали использоваться в одежде.

Вместе с тем, оленеводство в округе развивалось неблагополучно. Были случаи, когда хозяева многотысячных стад оставались без оленей. Так чукча Аваченка, имевший более 8 тыс. голов, из-за появления у оленей чесоточной сыпи за 18 месяцев в 1847-1849 гг. полностью потерял стадо. В 1860-х гг. у некоторых чукчей, живших на Анюях, из-за эпизоотии ящура погибли почти все олени в стадах. Кроме эпизоотии, олени часто гибли из-за бескормицы, набегов волков, часто олени уходили при миграции диких сородичей.

В XIX в. при массовой эпидемии оспы погибло много чукчей, а их многочисленные стада разбежались. В Западной тундре некоторые юкагиры и эвены вылавливали чукотских оленей, становясь их владельцами; так разбогател юкагир Н. Курилов, заимевший около 1000 голов оленей [51]. В начале 1900 г. из Западной тундры в Восточную переселяется много богатых чукчей-олeneводоов, среди них чукотский голова Валергин, уведший с собой 45 человек, у которых было около 7000 оленей [52].

В 1913 г. в Колымском округе было 1000 ездовых и в оленьих стадах около 100 тыс. оленей [53]. В 1915-1916 гг. кочевали богатые чукчи-олeneводоы: Н. Эттен, имевший стадо до 12 тыс., И. Уаргин — до 10 тыс., Н. Ковуте — до 8 тыс., Е. Чайгаургин — до 2 с половиной тыс., Джатыргин — до 2 тыс., Н. Уммай — до 3 тыс. голов оленей. Кочевали также богатые семьи эвенков, имевшие от 1000 до 3000 оленей [54].

СКОТОВОДСТВО. Разведением крупного рогатого скота и лошадей якуты занимались с самого раннего периода своей истории. Скот считался главным имуществом якутов и составлял собственность отдельных семей. Понятно, что в XVII-XVIII вв. при переселении со стадами коров и лошадей на Колыму якуты искали такие земли, где можно было бы прокормить скот. На левом берегу реки Колымы они нашли обширные луга, аласы, озёрные и речные долины, покрытые луговой или остепнённой богатой растительностью — основой сенокосных и пастбищных угодий. Как писал В. И. Ленин, «земля — есть, несомненно, главное средство производства в сельском хозяйстве» [55].

Постепенно якуты осваивали соответствующие сенокосные и пастбищные угодья и создали свой северный тип скотоводства. В скотоводческом хозяйстве якутов огромную роль играла женщина,

кроме многих домашних работ и ухода за детьми, она доила коров, вела обработку молочных продуктов, пасла дойный скот летом, ухаживала за молодняком, кормила его, чистила хотон, летом участвовала в заготовке сена.

Мужчины косили, копнили и стоговали сено, пасли недойный и рогатый скот и лошадей, строили и ремонтировали изгороди вокруг покосов и летников, зимних и летних юрт, хотонов, скотных загонов, зимой подвозили сено для кормления скота, готовили проруби, чтоб напоить скот, возили воду или лёд для дома, подвозили заготовленные ранее дрова, постоянно присматривали за домашней лошадей и табунами коней, а также занимались другими хозяйственными делами [56].

Особенности скотоводческого хозяйства заставляли якутов вести полукочевую жизнь. Зимой жили в зимниках, в местах, где заготовлено наибольшее количество сена, а летом переезжали на выбранные места летовья со стадами рогатого скота и табунами лошадей. В течение лета и осени якуты занимались расширением территории пастбищ, строительными работами и сенокосом. Трава вырастала за два-три месяца. В начале июня начинала пробиваться первая травка и в это время якуты пускали палы, чтобы помочь растущей траве. Сенокос начинался с середины июля и заканчивался к началу сентября. Скошенное сено сгребали в маленькие копёнки, а потом свозили в стога и огораживали жердями. Самые лучшие сочные травы были в начале лета, но с появлением гнуса скот беспокоился, тощал, приходилось днём и ночью жечь дымокуры. В начале сентября коров пускали пастись по скошенным местам, а со снегом помещали их в хотон или в юрту, кормили запасённым сеном, выпускали на водопой и проветриться.

Якуты получали разнообразные продукты от рогатого скота: мясо, молоко, кёрчах, хаях, масло, суорат: они являлись большим подспорьем в питании. Из кожи скота делали различную одежду, обувь. Якуты очень берегли коров и без крайней нужды их не забивали, а быки использовались не только на племя, но и для перевозки сена, дров и других предметов.

Якутские лошади почти не требовали присмотра, а поэтому и приплод доставался как бы даром. Они имели большое значение как средство передвижения. Транспортных лошадей кормили сеном, а молодняк и гулевых лошадей на всю зиму отпускали на подножный корм по старым сенокосным полям. Основным кормом им служила

выросшая по краям озёр трава с довольно толстым стеблем, сохраняющая зелёные листья всю зиму, летом она недоступна из-за заболоченности. Лошади копытами выгребали её из-под снега. Порода колымских лошадей была малосильной. Летом хорошая лошадь возила груз без седока весом в 6 пудов, а зимой на нартах с седоком — 10-12. Транспортную лошадь отдавали в наём, обычно на год, и получали за это деньги. Лошадь ценилась дороже коровы и стоила от 30 до 50 рублей. Якуты питались кониной, мясо было жирным, а из кожи изготавливали одежду. Кобылиц доили и из молока делали кумыс. Конский волос использовался для рыболовных сетей, охотничьих петель, арканов для отлова лошадей и вожжей для транспортных оленей.

Скотоводство развивалось в тяжёлых условиях: притундровый климат холодный, с коротким летом; скот питался осоковыми и хвощевыми травами, а хорошие травы встречались редко; обилие кочек мешало готовить сено. В короткое и дождливое лето гнус, комары становились страшным бичом для животных — были случаи гибели скота, оленей и диких животных, сокращалось их поголовье. В такое время (иногда всё лето) домашний скот находился около разводных людьми дымокуров и выходил на выгон урывками, когда был северный ветер или холодная ночь. Случалось отравление скота ядовитыми травами [57]. Всё это отрицательно действовало на развитие скотоводства.

Рис. 10. Якутские лошади на зимнем пастбище

Трудолюбивые якутские крестьяне, несмотря на все трудности, стремились увеличить поголовье скота. В конце XVIII и начале XIX вв. появились хозяйства, имевшие сотни голов животных, преимущественно лошадей. Однако разведению и развитию скотоводства мешали различные стихийные бедствия. Так, колымский ис-

правник доносил до сведения начальства, что в 1833 г. рыбный промысел постепенно уменьшился и, наконец, вся рыба в озёрах погибла, поэтому население три года подряд бедствовало, голодало и питалось, в основном, за счёт рогатого скота и лошадей — было забито

3536 голов скота. В 1836 г. не было не только улова рыбы, но и не смогли заготовить сена из-за обильного снегопада в период сенокосения, в результате чего погибло большое количество скота, В 1837 г. в округе было рогатого скота 576 голов, лошадей 6693. За три года для нужд жителей было забито 1238 лошадей, 159 голов рогатого скота; погибло по разным причинам 2488 лошадей и 162 головы рогатого скота. В 1841 г. осталось 2957 лошадей и 255 голов рогатого скота [58].

Якуты, находясь в тяжёлых условиях существования, стремились сохранить и увеличить поголовье скота. Рыба, мясо диких зверей и птиц являлось существенным источником их пропитания. В 1868 г. якуты имели 4413 лошадей и 1948 голов рогатого скота [59]. Но в 1859—1870, 1873—1876 и последующих годах свирепствовала сибирская язва, в результате чего многие хозяйства остались без скота. В 1882 г. во всем округе насчитывалось 1118 лошадей и 755 коров.

В 1888 г. вновь в округе свирепствовала сибирская язва, началось бешенство собак. В урочищах Дьярхатах и Байагал-Кель 1-го и 2-го Кангаласских наслегов, из 896 лошадей погибло 535, из 788 рогатого скота — 268 голов. В округе осталось 992 лошади и 597 голов рогатого скота [60]. Борьба против сибирской язвы проводилась слабо, в Среднеколымский ветеринарно-врачебный пункт врач приезжал редко, вакцинаций против сибирской язвы не проводилось.

В мае 1892 г. областной ветеринарный инспектор докладывал якутскому губернатору, что он послал в Колымское окружное полицейское управление наставление для принятия мер по борьбе с сибирской язвой, командировать же единственного областного ветеринара на долгое время в такой отдалённый округ счёл невозможным. Скотоводы наслегов все предписания выполняли. Больной скот отделяли от здорового, угоняли на возвышенные места, обливали его холодной водой и окуривали смолистой корой лиственницы, а также выпускали кровь из вен [61].

С конца XIX в. уменьшились эпизоотии сибирской язвы, но ещё встречались отдельные вспышки. Якутские крестьяне взялись за восстановление скотоводства. Зажиточные якуты стремились больше иметь лошадей и коров, увеличивали свои хозяйства, но хозяйств, имевших 60—80 голов, были единицы [62].

Кроме якутов, скотоводством занималась небольшая часть эвенков и русских. В 1906 г. у русских было 99 голов рогатого скота и 112 лошадей [63].

Завоз морским путём на Колыму продовольствия дал возможность в 1911-1917 гг. постепенно выдвинуть продукты скотоводства как основного источника питания улусного населения. Появились крупные скотоводы, начала разводить скот и бедняцкая часть населения. По данным Колымской инородной управы, в 1917 г. рогатого скота и лошадей в улусе было 10 тыс. голов [64].

Упоминание о **ЗЕМЛЕДЕЛИИ** на Колыме относится к началу XIX в. О разведении редьки и капусты в Среднеколымске в 1820-1824 гг. писал Ф.П. Врангель. Огородничеством занимались жители Среднеколымска, Верхнеколымска, в Родчево и Сеймчане.

Согласно указанию якутского губернатора, вопросами развития огородничества занималась администрация округа. В 1836 г. в Среднеколымске имелось два огорода, а в 1840 г. их стало семь. В 1841 г. окружное управление получило указание о правилах и способах посадки картофеля, а в 1842 г. новое указание — «принять конкретные меры к принуждению крестьян и якутов к неперемому разведению картофеля». Но семена картофеля были отправлены из Якутска только в 1843г. Крестьяне, не имея семян, орудий труда, а также из-за суровых климатических условий, не занимались, земледелием [65]. Якуты не имели опыта, чтоб заниматься огородничеством. Им занимались преимущественно купцы, казаки, мещане и политссылные. В 1846г. в городе насчитывалось 14 огородов. Семенной материал получали из Якутска. Огородничеством непрерывно, более 20 лет, занимались купцы Гавриил и Павел Бережновы и более 30 лет мещанин Н. Нехорошев. В Среднеколымске с 1844 по 1880 гг. было посажено 1194,8 кг картофеля и получено 6229,8 кг. Из 36 лет низкие урожаи были 7 лет, средние — 17 и хорошие — 11 лет [66]. С 1864 г. священник С. Попов сажал овощи: брюкву, репу, укроп, морковь, горох и прочее.

Проводились опыты и по хлебопашеству. В 1848-49 гг. колымский исправник провёл в Среднеколымске посев яровых культур. Поначалу были дружные всходы, успешный рост, но в августе посевы погибли от заморозков. В 1853 г. опытами занялся общественный староста Бережнов и посеял ячмень. Ячмень дал полный колос, но был побит заморозками. Бережнов, проявляя настойчивость, посеял 2 кг ячменя в Верхнеколымске и снял урожай 8,8 кг [67].

Посевы 1871-72 гг. небольшого количества разных видов зерна в Среднеколымске и Верхнеколымске показали, что всходы и цветение

были неплохими, но в половине июля 1871 г. ударили холода и всходы погибли, не успев созреть. В 1872 г. в 7 верстах от города, в Шатулино, были также проведены посевы зерна, всходы были дружными, но во время колошения установилась сухая и жаркая погода, все сгорело на корню, кроме ячменя [68].

В 1870 г. на Колыму ссылали скопцов для занятий земледелием. В 1873 г. в Верхнеколымске ссыльнопоселенцы П. Мерцелюк и З. Соболевский получили урожай ячменя и ярицы. Опыт 15 скопцов в Ирилях оказался неудачным и им было позволено вернуться в Якутск [69]. Несмотря на неудачи, опыты продолжались.

Колымский исправник в 1878 г. писал якутскому губернатору о положительных результатах псаломщика верхнеколымской церкви Гая Протопопова. В Родчево и Верхнеколымске получали неплохие урожаи картофеля и овощей. По просьбе исправника были отправлены из Якутска в Верхнеколымск разные семена [70].

В Сеймчане успешно разводили огороды местный священник и урядник. С интересом занимались земледелием политссыльные: С.М. Шаргородский, М. Поляков, Н.М. Осипович, В.Г. Богораз, В.А. Данилов, Д.Я. Суровцев и другие. Среди них Ардасенов, агроном, окончивший Петербургский сельскохозяйственный институт в 1880 г., проводил опытные работы и занимался огородничеством.

В 1891 г. в Родчево Шаргородский и Поляков посеяли 3,2 кг яровой ржи и 6,8 кг ячменя, но заморозками рожь была побита, а хорошего ячменя получили около 50 кг. Шаргородский в этом же году посадил 2,8 кг картофеля и получил 40 кг урожая. Д. Я. Суровцев занимался огородничеством в Среднеколымске, а затем перенёс свои опыты в Родчево: с 1901 г. занимался посевом зерна, но были неудачи; в 1903 г. он из 1,6 кг ячменя вырастил около 80 кг зерна; в 1904 г. получил 300 кочанов капусты весом 80 кг, 10 кочанов цветной капусты, 100 шт. кольраби (сорт капусты), 150 шт. моркови, 20 шт. петрушки [71]. На его огороде занимались политссыльные: Г.В. Цыперович, Я.Ф. Строжецкий, С.И. Мицкевич и другие.

Цыперович в своих воспоминаниях писал: «...редис и салат поспевали очень быстро и являлись превосходным дополнением к нашему скудному и однообразному столу. К концу лета мы собирали обыкновенно порядочные урожаи различных овощей» [72].

В 1884 г. в Верхнеколымске поселенец Н. Мальков проводил опыты по выращиванию зерновых и овощных культур, его неутомимые труды дали результат: из 2 кг посеянного зерна ярицы, овса и ячменя

было получено до 25 кг урожая, а овощи выросли все, за исключением огурцов, арбузов и дынь [73]. Опыты проводил он и в последующие годы. Его примеру следовали и другие. В 1889 г. в Родчево занялся посевами ссыльный Муратшинов. В 1890 г. священник Сучковский посеял 150 г конопли и получил урожай до 4—5 кг, а в 1891 г. посеял 16 кг ячменя и получил урожай до 128 кг, из которых 80 кг оказались годными на семена [74]. По климатическим условиям опыты хлеборобства не дали существенных результатов. Урожай же огородных овощей был вполне удовлетворительным. Несмотря на это, огородничеством занимались единицы, инициативные люди. Основная масса трудового населения так и не втянулась в земледельческое хозяйство.

2. ПУТИ СООБЩЕНИЯ И ТРАНСПОРТ

Первооткрыватели Колымы, отважные русские землепроходцы, проложили первый морской путь из устья рек Индигирки, Алазеи, Колымы до Лены и обратно на кочах — морское однопалубное, одномачтовое парусно-гребное судно. Парусами служили выделанные олени шкуры — ровдуги. Мелкосидящие кочи были очень удобны для прибрежного плаванья, легко входили в губы и устья рек. Кочи имели яйцевидное днище, при сжатии льдов поднимались вверх, были удобны при перетаскивании через льды и волок.

В 1642 г. землепроходцы-мореходы во главе с Д. Зыряном открыли путь от устья Индигирки до Алазеи. В этом же году путь повторили Стадухин и Дежнёв. В 1643 г. ими был проложен путь от Алазеи до устья Колымы и выше по ней. Летом 1643 г. под руководством землепроходцев-мореходов Ф. Чюкичева, Т. Алексеева и И. Ерастова был совершён поход с реки Алазеи в устье Лены и оттуда до Жиганского зимовья. В 1645 г. М. Стадухин совершил морской поход с Колымы на Лену [75]. С этого же 1645 г. начались ежегодные массовые мореплавания, трудные и опасные. Частый северный ветер прижимал кочи к берегам и скалам, выбрасывал на мели. Ветер, дующий с берега, иногда уносил кочи в открытый океан. Успешному мореплаванию благоприятствовали гидрологические и ледовые режимы северо-восточных морей. Служилые люди писали, что на Индигирку, Алазею, Колыму отправлялись водным путём «на кочах до моря», а с моря плыли без задержки при хорошей погоде «божею милостью», а когда

было «море ледено и ветры противные», тогда кочи добирались до зимовий за два-три года [76].

В 1646 г. промышленники И. Игнатьев и С. Алексеев с товарищами проложили морской путь до Чаунской губы. В октябре 1648 г. С. Дежнёв и торговый человек Ф. Попов первыми прошли из Ледовитого океана в Тихий океан и достигли устья Анадыря. Так был проложен морской путь с Колымы до Анадыря и открыт пролив между Азией и американским континентом [77], много островов в Ледовитом океане. Морской путь ликвидировал вековую изоляцию, застой и прозябание народностей Колымского края.

По морскому пути прибывали богатые купцы или их приказчики, промышленные люди. Они привозили многие промышленные изделия, новые орудия для охоты, продукты, бытовые товары и продавали местному населению. Перевозка товаров морским путём давала большие выгоды торговым людям. Летом 1649 г. торговые люди шли на кочах с Алазеи на Колыму «в один конец три дня». Караваны насчитывали в своём составе от 5 до 10 судов. Самый крупный морской караван был летом 1650 г. Иногда на судах каравана приезжали большие партии людей в 300-400 человек [78].

Вместе с торговыми и промышленными людьми приезжали служилые люди, их семьи, солдаты, составившие первое поколение русского населения.

В 80-х гг. XVII в. восточно-сибирское мореплавание постепенно затухало. По сообщениям приказных людей, переход морским путём с Лены на Колыму стал невозможным из-за увеличения ледового покрова в морях. Также упадок соболиных промыслов затруднил торгово-промысловую деятельность в Колымском крае [79].

СУХОПУТНЫЙ ТРАНСПОРТ. По мере заселения Колымы русскими и якутами шли поиски сухопутных путей сообщения. В 1740-1750 гг. были открыты два пути от Якутска до Среднеколымска через Зашиверск по Индигирке: первый — из Якутска через Средневилюйск до Жиганска, оттуда на Верхоянск и Зашиверск. Второй — через реку Алдан, по притоку Букулану, дальше — по рекам Нельгесе (приток Адыча) и Догды (приток Туостаха) в Зашиверск.

В конце XVII и. начале XVIII вв. для обеспечения правительственного снабжения населения порохом, свинцом и частично солью, были найдены новые пути.

Первый — Якутско-Охотский тракт через Хандыгу на Оймякон. На лошадях грузы доставлялись на реку Аян-Урях (левый приток Колымы) до местечка Эмтегей, а оттуда — на судах по Колыме до Верхне-, Средне- и Нижнеколымска. Расстояние от Эмтегея до Нижнеколымска превышало 2000 км [80].

В 1812—1825 гг. грузы доставляли по тропе Якутск-Оймякон-Верхнеколымск, а оттуда сплавом в Среднеколымск и Нижнеколымск. Этот путь был кратчайшим, но очень неудобным: глубокий снег, скудные корма для коней, малочисленность населения, седловая езда.

В 1815-1830 гг. работала сухопутная дорога Якутск — Верхоянск — Зашиверск — Среднеколымск, а дальше сплавом в Нижнеколымск. Сухопутная связь и снабжение из Якутска и других городов России оставалась в течение полутора веков. За это время развилось, изменилось его направление. Постоянным транспортом в бездорожье служили кони и олени. До начала XX в. сухопутный путь сохранял черты средневековой связи и торговли. Наиболее удобным считался путь из Якутска через реку Алдан по Тукуланскому перевалу в бассейн Яны, затем через Верхоянск на Колыму [81].

Расстояние от Якутска до Среднеколымска составляло 2315 вёрст, а между Верхоянском и Среднеколымском — 1415. Время в пути от Якутска до Среднеколымска длилось 2-3 месяца и больше. На всем протяжении пути на расстоянии пятнадцати, двадцати, ста и даже трёхсот вёрст друг от друга были разбросаны станции, где стояли юрты, в которых жили якуты, а между юртами стояли нежилые поварни, по местному их называли станки. Зимой было трудно преодолевать такие расстояния без отдыха, при морозе до -60° и ниже. Верхоянск считался полюсом холода, температура там понижалась иногда до -72°C . Летом — сплошное болото, тучи комаров и путь конным транспортом был невыносимо труден: в глубоких болотах животные погружались до вьюков, препятствовали буреломы из мёртвого леса, чтобы двигаться вперёд необходимо было перерубать стелющиеся по земле кедры-сланцы. Подходя местами к горам, дорога сменялась площадками булыжника и щебня из крупных осколков скал, о которые животные получали ранения. Бурные горные речки и ручьи разливались от дождей и приходилось ждать их спада днями и неделями.

Купцы считали лучшим временем выезда осень и зиму, а поэтому из Якутска выезжали во второй половине сентября — начале октяб-

ря. В день делали 20-26 вёрст на вьючных лошадях, которые постоянно содержались на подножном корму.

Пути сообщения по внутренним районам Колымского края также считались крайне тяжёлыми и опасными. Конным транспортом, в основном, пользовались якуты и русские. Олений транспорт, особенно зимой, использовали русские, якуты и постоянно им пользовались чукчи, эвены, эвенки и юкагиры. Наибольшей популярностью пользовался собачий транспорт. Он был единственным средством передвижения в условиях полного бездорожья. Юкагиры запрягали в упряжку только 2-3 собак, русские же переняли у них опыт и даже преуспели в этом, постепенно увеличивая их до 12 и больше, и пользовались, как грузовым транспортом. Зимой собак запрягали в нарты, а летом они тянули лодки против течения. Колымские собаки назывались «северными лайками», отлично ориентировались в самых трудных условиях, были сметливы, быстро бегали и прочее. Собака имела огромное преимущество перед лошадьми и оленями. При толстом снеговом покрове лошади не могли протоптать себе постоянную и плотную дорогу, а собака небольшого веса легко держалась на снегу и не нуждалась в дороге. Особого ухода за ними не было, кормили рыбой или мясом морских зверей. Летом некоторые хозяева отпускали их на свободу, и они сами добывали себе пищу. Зимой собак держали под открытым небом на привязи около дома [82].

В.Г. Богораз писал, что собака стала упряжным животным, домашним скотом. Даже в русских посёлках на Колыме и Анадыре собаки стали имуществом, богатством. Бродячий охотник содержал одну-две собаки, больше он не мог бы прокормить, рыболов — одну-две упряжки до 20 собак [83].

По данным конца 1860-х гг. количество ездовых собак было 2265 штук [84].

В начале XX в. жители Среднеколымска из-за малого улова рыбы вынуждены были сократить число ездовых собак. В Нижнеколымске же основным транспортом по-прежнему оставался собачий.

ПУТИ НА ОХОТСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ. Долго и трудно изыскивались пути доставки грузов из Гижиги, расположенной на побережье Охотского моря, на Колыму. Неудачей закончились поиски пути в 1878 г. купцом Н. Бережновым и в 1879 г, колымским исправником Варравой. Через десять лет, в 1889 г., другой колымский исправник В. Карзин сделал подобную попытку и дошёл до реки Буюнды, где от мест-

ного населения узнал о возможности выхода на Гижигу. Об этом было сообщено якутскому губернатору. В 1893 г. губернатор В.Н. Скрипчин командировал советника Д. Меликова в сопровождении исправника В. Карзина для обследования этого пути. Из Среднеколымска они достигли Гижиги, пройдя 1256 км. Обратный их путь был более прямым и коротким, около 1100 км [85, 86].

В 1893 г. доверенный фирмы «Приамурское товарищество» В. Фефилов писал якутскому губернатору о возможности снабжения Колымского края хлебом, припасами, товарами и материалами по умеренным ценам, избежав дорогие перевозки через Якутск. Он сообщал, что с помощью эвенков и начальника Охотского округа нашёл бухту Олу, удобно расположенную к Колымскому округу для выгрузки доставленных грузов пароходом, она находится от реки Колымы в 400 верстах. Местность, где предполагался водный транспортный сплав, называлась Сеймчан.

Фефилов предлагал построить тракт для зимнего передвижения грузов. Все расходы должны были быть оплачены за счёт товарищества [87].

11 сентября 1893 г. якутский губернатор доложил об этом иркутскому генерал-губернатору, который дал согласие и поддержал это начинание [88], и, в свою очередь, поставил в известность министра внутренних дел [89].

Просьба была удовлетворена и вскоре в Олу пароходом был доставлен груз около 3 тыс. пудов. Зимой 1893-94 гг. груз на 140 нартах с большим трудом был перевезён до устья Маут на реке Буюнде в местность «Старая церковь». Сплавить грузы летом 1894 г. по Буюнде не удалось и только зимой 1894-95 гг. груз был доставлен на оленях до Колымы, а летом 1895 г. сплавлен дальше по назначению.

После специальных выездов и обследований Ольского пути с 1895 г. начались перевозки казённых грузов. Ольская бухта считалась вполне подходящим пунктом для торговли. На Ольско-Колымском тракте были проведены работы по строительству зимовий, складов около посёлка Ола. В 1895 г. построены на Колыме зимовья и склады, а в 1898 г. на реке Оле построены 11 зимовий. Из Олы до Сеймчана грузы переправлялись эвенками и якутами. От устья Буюнды грузы сплавляли по Колыме до Среднеколымска паузками подъёмностью 30—35 т.

Стоимость первых доставок от Олы до Среднеколымска товарищество исчисляло 2 руб. 50 коп. за пуд; с 1898 г. стали производить

сплав подрядным путём. Зимняя доставка грузов от Олы до Колымы стоила 3 руб. за пуд, летний сплав до Среднеколымска 1 руб. 25 коп., а всего 4 руб. 25 коп. [90].

Опыт освоения Ольского пути показал, что доставка грузов постоянно подвергалась риску, авариям и случайностям: один пароход разбился у берегов Камчатки, другой из-за шторма не зашёл в Олу и т. д., так что при ежегодной доставке груза в Олу товар, выписанный из Среднеколымска, мог быть получен не ранее чем через полтора года. Все это вынудило якутскую областную администрацию отказаться от Ольско-Колымского пути.

БУЛУНСКИЙ ПУТЬ. С 1908 г. казённые грузы стали доставлять в Колымский край через Булун. Из Якутска гружёные пароходы шли вниз по Лене до села Булун, оттуда зимой доставляли груз на оленях через Усть-Янск, Абый в Среднеколымск. Стоимость доставки обходилась в 4 руб. 85 коп. с пуда. Доставка грузов по этому пути стоила дорого и не решала вопросов улучшения экономического положения населения Колымского края.

В декабре 1910 г. иркутский генерал-губернатор писал министру внутренних дел, что «тщательное обследование Колымского края и выяснение причин, постигших этот край, голодовок и других неудач убеждают в том, что край этот совершенно изолированный в настоящее время, даже от административного торгового центра области г. Якутска громадными пустынными и труднопроходимыми пространствами, может быть выведен из своего тяжёлого экономического кризиса только путём улучшения путей сообщения... Вопрос о путях сообщения — кардинальный вопрос колымской жизни» [91]. Он считал, что имеется ещё один путь — из Среднеколымска на Гижигу [92].

В 1911 г. из Якутска была отправлена специальная экспедиция под руководством Н. Н. Березкина. Она должна была найти пути сообщения и выяснить возможность проведения телеграфной линии из Гижиги на Среднеколымск, а далее соединяться с Петропавловском. Экспедиция работала с 14-го июня по 9-е октября. Путь экспедиции был трудным и опасным, участники её чуть не погибли. На обратном пути экспедиция нашла более безопасный маршрут и пришла к выводу, что могут быть налажены торговые, грузовые и личные пути сообщения (длиной 900 вёрст) из Среднеколымска до Гижиги [93, 94].

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ СЕВЕРНЫЙ МОРСКОЙ ПУТЬ. Вопрос о морских плаваниях вдоль северного побережья России и Сибири ставился много раз, особо остро встал этот вопрос во время русско-японской войны, когда необходимо было провести Балтийскую эскадру на Дальний Восток. Но послать эскадру этим путём было невозможно вследствие неизученности пути и погодной обстановки. Поэтому Морское министерство, по окончании войны с Японией, приступило к гидрографическим работам на северном пути к востоку от Енисея. Другой причиной изучения морского пути служила полная отрезанность крайнего северо-востока Сибири, возможность улучшения тяжёлого экономического положения населения.

В 1908 г. возникла идея — рейсы от Владивостока к Чукотскому полуострову продлить до устьев рек Колымы и Лены. Для решения этого вопроса во Владивосток были переведены ледоколы «Таймыр» и «Вайгач», которые начали систематическое обследование северо-восточного пути до устья Колымы [95].

В 1911 г. Министерство торговли и промышленности отправило на реку Колыму пароход «Колыма» с частными и казёнными грузами, в том числе катер для курсирования по реке. Пароход вышел из Владивостока 16 июля 1911 г. На нем находилось 2800 пудов груза и 900 т угля (с расчётом расхода на путь до Колымы и обратно). Он имел паровое отопление и установку беспроволочного телеграфа, действующего на расстоянии 100 миль. «Колыму» сопровождали ледоколы «Таймыр» и «Вайгач», выполнявшие свои особые задачи. Преодолевая заторы льдов, пароход 12 августа 1911 г. подошёл к устью Колымы. 19 августа грузы были сданы прибывшему представителю местной администрации.

В обратный путь «Колыма» отправилась 20 августа. В течение 5 дней пароход был затёрт во льдах, иногда его прижимало к берегу. Беспроволочный телеграф оказался бесполезным. Положение парохода было тяжёлым, руль вышел из строя, пришлось продвигаться с дрейфом льдов. С большим трудом 29 августа пароход вышел на чистую воду и после ремонта взял курс на Владивосток [98].

Открытие Северного морского пути с Дальнего Востока на Колыму сыграло громадную роль в коренном улучшении экономического положения населения Колымского края.

В 1911 г. в Государственной Думе обсуждался вопрос о беспшлинном пропуске товаров в устье Колымы, о субсидировании даль-

невосточных рейсов Добровольного флота, о чрезмерной дороговизне в Колымском крае предметов первой необходимости, так, цена одного пуда хлеба доходила до 10 руб. Было принято решение установить ежегодный один рейс на Колыму и, начиная с 1912 г., ассигновать Добровольному флоту денежную субсидию на сумму: в 1912—1913 гг. — 105662 руб.; в 1914 г. — 162520; в 1915 г. — 126000 руб. и в 1916 г. — 54000 руб.

Поступление товаров на Колыму ежегодно увеличивалось. С начала установления морского пути по 1913г. было перевезено 18780 пудов, из них 2805 пудов частных грузов; в 1914 г. — 20631 пуд, из них казённых — 13225 пудов. Основными предметами завоза были: мука, чай, сахар, железо, бакалейные товары, строительные, осветительные и прочие товары [97].

В 1912-1913 гг. пароход «Котик» доставил в Нижнеколымск среди прочих грузов казённый катер «Товарищ», для радиостанции — моторный катер «Меркурий» и для частной фирмы — два катера, кунгасы — грузовые баркасы грузоподъёмностью 400—600 пудов.

В 1914 г. из Владивостока сделал второй рейс пароход «Колыма». С 1915 г. по 1917 г. грузы доставлял пароход «Котик». Казённые катера из Нижнеколымска доставляли грузы в Средне- и Верхнеколымск, но из-за неопытности экипажей казённый катер «Товарищ» и паровой катер погибли во время шторма в устье Колымы, а 29 июля 1913 г. из-за сильного ветра погиб катер «Колыма» в одной из бухт Медвежьего мыса [98]. Оставшиеся катера не справлялись с перевозками поступавших казённых и купеческих грузов.

ПОЧТА. Со второй половины XVII в. вплоть до XVIII в. весь собранный ясак, челобитные письма приказчиков и землепроходцев доставлялись в Якутскую приказную избу морским путём. С XVIII в. почта доставлялась по разным сухопутным трактам через 2—3 месяца. О тяжёлом пути доставки почты, грузов писали многие чиновники, исследователи, путешественники и политические ссыльные.

До начала XX в. почта из Якутска отправлялась три раза в год: 10 апреля, 10 августа, 10 декабря. Поступившую в Среднеколымск почту принимали в полицейском управлении и все, что приходило в адрес политссыльных, проверялось. Дни получения почты были радостными днями, хотя всю корреспонденцию получали лишь через несколько месяцев после её отправления.

Рис. 11. Почта пришла!

Вопрос о принятии мер по увеличению отправок и ускорению получения почты неоднократно ставили руководители округа и политссыльные. Политссылный С.И. Мицкевич в 1901 г. в газете «Восточное обозрение» писал, что «Почтового учреждения в Колымске нет, ближайшая почтовая контора —

в Якутске. И вот получается здесь повестка на выписанные наложенным платежом, положим, книги или инструменты. Покуда ходит повестка сюда и обратно в Якутск, пройдет четырёхмесячный срок, в течение которого хранятся посылки в почтовой конторе, и вот посылка отсылается обратно. Таким образом, деньги и посылки по этим повесткам можно получить не ранее, чем через полгода, или ещё гораздо позже, так как по летнему пути посылки не посылаются вовсе и лежат чуть ли не по году в Якутске. Журналы и газеты сюда доходят крайне разрозненными, письма часто пропадают или «по случайной ошибке» приходят вскрытыми» [99].

После неоднократных обращений к начальству о необходимости открытия почты, в 1901 г. якутский губернатор представил императору ходатайство об открытии почтовых отделений в Среднеколымске и Верхоянске «для блага местного населения». В ответ была получена резолюция царя «Необходимо открыть эти учреждения». Министр внутренних дел распорядился открыть в Среднеколымске почтовое отделение и оплачивать перевозки почты средствами обывателей [100]. Под почтовое отделение выделил помещение местный купец Бережнов. Однако перевозка почты на средства обывателей оказалась невозможной, так как требовала около семи тысяч руб. в год только на содержание на 48 станциях 48 пар лошадей. На ходатайство об оказании государственной помощи министр внутренних дел дал указание отпускать деньги из Государственного казначейства начиная с 1903 г. [101].

Открытие в 1903 г. почтового отделения и прибытие почты до 10 раз в год улучшило обеспечение населения лекарствами, школ — учебниками и пособиями. Политссыльные и другие стали более-менее регулярно получать книги, газеты и письма.

В январе 1910 г. якутский губернатор в письме Столыпину «О важных мероприятиях, необходимых для экономического развития и укрепления государственного влияния на северо-востоке Сибири» просил провести телеграфную линию от Среднеколымска до Гижиги, с устройством между этими пунктами почтового сообщения [102].

Так, в 1914 г. в Среднеколымске была построена маломощная искровая радиостанция, а в 1915-1918 гг.— закончено строительство домов для почты и склады.

3. ТОРГОВЛЯ

Между народностями Колымы издавна велась торговля — натуральный обмен. Юкагиры, эвенки и эвены обменивались товарами на Индигирке с коряками Охотского побережья, с чукчами, приезжающими с Чукотки, с эскимосами с Аляски [103].

С открытием Колымы и началом арктического мореплавания начался массовый заезд торгово-промышленных людей. Уже с 1645 г. якутской таможней было выдано 51 проезжая грамота на право провоза различных товаров, в том числе 6526 пудов хлеба стоимостью 16067 руб. В 1647 г. было выдано 404 разрешения на проезд морем на Индигирку и Колыму. С 1645 г. крупный купец П. Новосёлов почти ежегодно приезжал в Нижнеколымск. В это же лето на двух кочах приехал другой купец М. Стахеев — племянник известного купца В. Гусельникова, брат М. Стадухина. Приезд на Колыму промышленных и торговых людей ежегодно увеличивался.

Постепенно Колымский край становится одним из торгово-промысловых центров севера Сибири. Большой завоз товаров, удачный промысел пушнины вызвали необходимость открытия ярмарок. В 1647 г. была открыта Нижнеколымская ярмарка и скоро Среднеколымское зимовье стало называться Ярмангой. Открытие и проведение ярмарок было обязанностью администрации Колымского округа. Целовальник следил за торговлей и облагал проданные товары пошлиной, скреплял торговые сделки и выдавал проезжие грамоты. Торговля из года в год росла, купцы постепенно повышали цены и получали большие прибыли. Во второй половине XVII в. в Якутске пуд хлеба стоил 3-4 алтына (один алтын равен 3 коп. — М.К.), а на Нижнеколымской ярмарке цена пуда хлеба колебалась от 5 до 8 руб., а в иные годы поднималась до 10 руб. [104].

Ярмарки организовывались в зимовьях. Продавали хлеб, соль, табак, чай, холст, сукно и другие товары. Развитие торговли постепенно ликвидировало экономическую замкнутость Колымского края и его народы, получая русские товары, вступали в тесную экономическую и культурную связь с русским народом. Но в XVII в. торговля на Колыме целиком зависела от каботажного морского сообщения с Леной, которое прекратилось в 80-х гг. с ухудшением ледовой обстановки. Другой причиной резкого сокращения торговли было почти полное исчезновение соболя в результате беспощадного их истребления и торговля стала перемещаться с севера в другие места. Все это очень беспокоило служилых людей. Приказчики Алазеи и Колымы жаловались в Якутскую приказную избу. В 1675 г. целовальник Н. Бобровский писал, что «последние торговые и промышленные люди в Якутский острог вышли»; оставшиеся же люди вконец обнищали и в Якутский острог увезли «только 16 таможенных соболей — в сотни раз меньше, чем собирали в первые годы» [105].

С XVIII в., с открытием сухопутного пути, из Якутска начался завоз товаров и открытие ярмарочной торговли в Среднеколымске, Нижнеколымске, а также в Гижиге и Анадыре. Ярмарки сыграли большую роль в дальнейшей экономической связи народностей Колымы и Чукотки с русским народом. Доставлялись казённые грузы и производилась продажа в магазинах продуктов и различных товаров. С развитием торговли появились местные тойоны-подрядчики по перевозке казённых грузов или купеческих товаров, имевшие непосредственные связи с казной и купеческими кампаниями, в том числе с Российско-Американской.

В конце XVIII в. вели постоянную торговлю купцы: И. Шилов в Якутске, Охотске, Камчатке, Гижиге и на Колыме; Ф. Соловьёв в Якутске, Зашиверске, Индигирке и Колыме; Н. Челнов в Якутске, Верхоянске и Колыме; М. Захаров в Якутске и Колыме; А. Соловьёв в Якутске, Зашиверске и Колыме; А. Суданов, М. Баромыгин и «иностранец» грек Т. Ризов на Колыме [106].

В 1775 г., по указанию Зашиверского комиссара Баннера, место торговли с чукчами было перенесено с Якутска и зимовье на приток Большого Анюя — речку Ангарку, где была построена Ангарская крепостца. Эта ярмарка называлась Анюйской, более века она определяла торговлю Колымского края. Здесь торговля шла главным образом с чукчами, поэтому она называлась ещё Чукотской ярмаркой, она заняла второе место после общей Якутской городской ярмарки.

Местоположение Анюйской ярмарки переносилось по разным причинам — то в Ангарскую крепость, то в Островное, то на 10 км ниже, на левый берег Анюя, а в 1904 г. перенесена в село Пантелеиху, в 30 км к востоку от Нижнеколымска [107, 108].

По сравнению с XVIII в. торговля в XIX в. получила большее развитие и стала основным рычагом регулирования экономического положения населения. Почти ежегодно работали ярмарки: в Среднеколымске — в начале февраля, в Нижнеколымске — в конце февраля и Чукотская — в марте, она имела обороты в год не менее 200 тыс. руб.

Ф. П. Врангель и Ф. Ф. Матюшкин оставили описание ярмарок начала 1820-х гг. В феврале в Нижнеколымске наступало лучшее время для торговли, проездом из Якутска на Чукотскую ярмарку в Островную крепость на Анюе останавливалось до 20 купцов, каждый имея от 10 до 40 навьюченных товарами лошадей. Часть товаров они сбывали окрестным жителям за пушнину. Местные купцы вели прибыльную торговлю с якутскими купцами, продавая легко приобретенное ими множество пушных шкур от населения.

На Нижнеколымской ярмарке самые низкие цены поначалу были: фунт черкасского листового табака 3 руб. 50 коп., фунт белого сахара 4 руб. 50 коп., фунт китайского леденца 3 руб., фунт чая низкого сорта 9 руб., кусок полумешковой материи в 20 и 21 аршин (мера длины, равная 0,71 м) 30 руб., аршин толстого холста 1 руб., платок бумажный пёстрый 4 руб. К концу ярмарки цены почти удваивались.

Цены на пушнину были следующие: лисица красная 8-10 руб., лисица чёрная 50-100 руб., песец белый 2-3 руб., песец голубой 7-10 руб., соболь 10-15 руб. Цены рыбы: стерлядь (20 фунтов) 5 руб., нельма (30 фунтов) 5 руб. Цена соболиных шкурок колебалась: в 1821 г. она стоила до 40 руб., а в 1823-1824 гг. — только 16 руб.

Ярмарки оживляли край. В Нижнеколымск приезжал комиссар со своей канцелярией для сбора податей. Из Островного приезжал гононец с известием о приближении чукчей. Для проведения богослужения выезжал священник. За ними ехали купцы на нанятых у жителей собачьих нартах.

Чукчи разбивали свои чумы. Из Чукотского носа до Островного они добирались 5-6 месяцев. По пути посещали ярмарки в Анадырском и Каменном на реке Гижиге. Караван их состоял из 300 человек, среди них было 100-150 вооружённых людей. На ярмарке чукчи продавали шкурки красных и чёрнобурых лисиц, песцов, куниц, выдр, бобров, медвежьи шкуры, моржовые ремни и клыки, санные полозья

из китовых рёбер, мешки из тюленьей кожи, готовые платья из оленьих шкур. Однажды они два года жили чумами в Островном со своими жёнами, детьми, оружием, товарами и оленями.

На ярмарку приезжали юкагиры, эвены, эвенки, коряки, чуванцы. Они меняли привезённую пушнину, деревянные полозья для саней, различную одежду и т. д. Русские купцы продавали чай, табак, сахар, железные котлы, топоры, ножи, огниво, иглы, посуду жестяную, медную, а также деревянную, разноцветный бисер и прочее. Несмотря на запрещение правительства, купцы привозили и продавали до высокой цене водку.

После сбора податей на право торговли и завершения торжественного богослужения и молебствия, на башне крепости поднимался флаг. Ярмарка считалась открытой и продолжалась три дня [109].

Вначале торговля шла дружелюбно, но нередко происходили препирательства чукчей с юкагирами и эвенами, которые переходили в стычки, заканчивающиеся кровавыми побоищами. Для прекращения подобных явлений иркутский губернатор Трескин учредил для Анюйской ярмарки «Положения», обязательные для всех её участников. Тот, кто нарушал правила, удалялся с ярмарки и терял право являться на неё и впоследствии [110]. С 1812 г., согласно «Положению», применялись меновые таблицы. Согласно этим таблицам, за 2 пуда табака чукча должен был отдать 20 красных лисиц и 2 куньи парки, или 70 голубых песцов, или 150 белых песцов, или 80 моржовых зубов, или 8 рысей, или 8 выдр. С 1834 г. стала действовать другая таблица: пуд табака меняли на 10 красных лисиц; за чайник давали 1 красную лисицу; за топор — 2 белых песца или 2 моржовых зуба; за нож — 1 выпороток; за красную лисицу — 3 куницы; за голубого песца — 2 белых песца и т. д. «Положения» Трескина действовали более полувека, впоследствии они были признаны непригодными, и с 1869 г. на ярмарках установилась свободная торговля [111].

Оборот Чукотской ярмарки постепенно снижался. Товары, привозимые в Анюй из Якутска, вытеснялись товарами американских купцов, которые со второй половины XIX в. установили нелегальную меновую торговлю с прибрежными чукчами. На морских побережьях были созданы торговые склады. Богатые береговые чукчи стали посредниками между американскими купцами и тундровыми оленеводами. Уполномоченный Министерства внутренних дел С.А. Бутурлин узнал, что американцы сбывают чукчам устаревшие или порченые

предметы и товары, а взамен, кроме пушнины, мамонтовой, моржовой кости и других товаров вывозят также живых ездовых собак и оленей. В перечень предложенных правительству мер об объявлении Колымского края порто-франко, он внёс запрет на вывоз за границу живых собак и оленей [112].

В зависимости от стоимости провоза и спроса товаров цены на казённые и купеческие товары постоянно повышались. В начале XIX в. для доставки казённого груза одной вьючной лошадью с Якутска на Колыму была установлена цена 6 руб. 50 коп. при грузе от 5 до 6 пудов. Впоследствии, из-за трудности пути стоимость одной лошади определялась перевозкой одного пуда груза. О повышении цен показывает таблица стоимости продуктов [113].

	Цены 1819 г.		Цены 1893 г.
Мука пшеничная, крупчатка, пуд	5р. 70к.	8р. 50 к.	20р.
Мука ржаная, пуд	—	2 р. 85 к.	14 р. 07 к.
Крупа ячневая, пуд	5 р. 70 к.	8 р. 50 к.	14 р. 07 к.

Высокие цены купцы объясняли следующими причинами: дальностью расстояния, продолжительным и медленным торговым оборотом капитала, дороговизной перевозки, большими расходами на упаковку товаров, на содержание приказчиков, на оформление торговых документов, дорожными расходами самих купцов и т. д. В конце XIX в. вывозились в среднем в год в Якутск следующие пушные и зверо-промышленные товары [114].

	Стоимость, руб., коп.	На сумму, руб.
250 бобров	15	3750
2500 красных лисиц	4-50	11250
300 сиводушек	14	4200
4 чёрнобурых лисицы	80	320
1000 полных песцов	3	3000
250 слепушек	0-30	75
600 норников	0-50	300
600 крестовиков	0-75	450
400 чаячников	1	400
500 синяков	1-50	750

500 недопесков	2	1000
20 голубых песцов	10	200
90000 белок	0-17	15300
18600 выпоротков (шкурка месячных оленьих телят)	0-65	12090
4000 ровдуг (выделанных шкур оленя)	1-10	4400
200 пыжиков (шкурка взрослых телят)	1	200
450 недорослей и пастелей (летние и зимние олени шкуры)	1	450
3 парки (дорожная одежда из пыжиков)	20	60
6000 горностаев	0-15	900
10 бурых медведей	10	100
4 белых медведя	10	40
5 выдр	12	60
150 пудов гребельной кости мамонта (плотная без трещин)	25	3750
150 пудов торговой кости мамонта (неплотная с трещинами)	15	2250
4 пуда моржовых клыков	15	60
20 куниц	4-50	90
5 соболей	30	150
200 оленей	5	1000
30 коней	40	1200

Купцы покупали оленей и лошадей для вывоза купленных товаров на сумму 67405 руб.

Местная торговля оказывала весомую помощь населению, особенно в голодные годы. Якуты Колымского улуса продавали на рынке лошадей, рогатый скот, рыбу и другие местные продовольственные товары; чукчи — оленей и тёплую одежду. В 1820-х годах было продано в округе скота, рыбы и прочих продуктов на 15—20 тыс. руб. [115].

В 1887 г. в Среднеколымске работали следующие торговые заведения, принадлежащие торговому дому братьев Бережновых: мануфактурный, бакалейный и магазин галантерейных товаров. Подобный магазин был открыт в доме колымского 2-й гильдии купца Н.Ф. Соловьева. Помимо этих магазинов имелось три питейных заведения [116]. От них купцы получали большие прибыли, поэтому их

ходатайства о разрешении привоза и продажи спирта и водки продолжались и в XX в. Колымский купец М. Бережнов в августе 1905 г. телеграфировал в Петербург министру финансов о разрешении ввоза вина в Колымский округ. Был получен положительный ответ [117]. На этом купец М. Бережнов не остановился и в 1906 г. просил разрешения получать из Якутского казённого винного склада по 10 вёдер спирта ежегодно с правом провоза в Колымский край только для личного пользования. Власти высказались за нежелательность завоза спиртных напитков в Колымский округ, но возможность ввоза их в северные округа только в исключительных случаях [118].

С открытием в 1895 г. тракта из Олы до Колымы положение с поступлением товаров несколько улучшилось, однако на положение населения оно не отразилось, так как обеспечение населения товарами по-прежнему находилось в зависимости от купечества. Казённое снабжение населения предметами первой необходимости обеспечивалось нерегулярно. Возникали трудности в перевозке грузов из Олы до места сплава по Колыме. Иногда ольские эвенки и якуты из Сеймчана отказывались от зимней перевозки груза из-за низкой оплаты и по другим причинам. Большие перерывы в снабжении населения наблюдались в годы русско-японской войны.

С. А. Бутурлин писал, что в 1905 г. голод был в Верхнеколымске и Нижнеколымске, где голодало все население, как оседлое, так и кочевое. В селе Пантелеихе в 7 дворах из 9 нечего было кушать, к тому же зимой к ним пришли голодные чукчи и стали отнимать пищу у местного населения. В Нижнеколымске на 1000 человек и 72 собаки оставалось лишь 50 пудов рыбы. При этом рыболовных сетей было мало, пришлось выдать 20 фунтов животного волоса и взять муки из запасов Среднеколымска [119].

С открытием в 1911 г. морского транспортного пути из Владивостока на Колыму началась ежегодная доставка товаров с незначительным понижением цен на них, тем самым значительно улучшилось экономическое положение населения. Однако установленные в 1911-1912 гг. цены на казённые товары постепенно увеличивались.

В 1911-1918 гг. в торговле большую прибыль давал товарообмен на пушнину. Купцы в Якутске получали от неё не менее 50% чистой прибыли. Учитывая это, в 1916-1917 гг. крупные якутские фирмы открыли торговлю в Колымском округе. Цены на пушнину постоянно менялись [120].

Население эксплуатировалось купцами и к ним ещё прибавились иностранные вымогатели. Капитан парохода «Колыма» П. Миловзоров писал: «С большой ловкостью купцы забирали всю добычу местных охотников... Купец презрительно перебрасывал «мягкую рухлядь» и, прищурившись, говорил охотнику: «Что ж ты такую дрянь промышляешь?» И лучшие меха шли за бесценок, Медный котёл для варки пищи шёл за стоимость набитой в него ценной пушнины. Охотники целыми поколениями оставались у купца в долгу.

От отечественных хищников не отставали американцы. Эти работали «культурнее». В одно лето американец привозил винтовку и патроны одного калибра, а в следующее лето патронов этого калибра не завозил и охотник должен был покупать новую винтовку и новые патроны [121].

4. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭКСПАНСИЯ ИНОСТРАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Царская Россия в марте 1876 г. продала США полуостров Аляску. С этого времени американские бизнесмены, развернув грабительскую нелегальную торговлю, взяли курс на дальнейшее расширение и захват рынков сбыта на северо-востоке Сибири.

Русский генеральный консул в Сан-Франциско А.Е. Орловский писал: «Анадырская губа регулярно посещается судами Маккена и других американцев, успевших организовать там род правильной меновой торговли, в сущности сводящейся к приобретению от туземцев пушного товара взамен рома, виски и других спиртных напитков дурного качества, которыми американцы вдоволь снабжают народ не без предвзятой конечно цели. Кроме разрушающего влияния, какое оказывает эта «добровольная мена» на туземное население, она сильно отзывается и на промышленности целого края, так как американцы отбивают значительную часть меновой торговли и от Якутска, захватив все морские промыслы в свои руки» [122].

Организаторами контрабандной торговли были известные американские бизнесмены: Вульфсон, Свинсон, Костель, Гудмансон и другие. Их посредники из числа богатых чукчей продавали американские товары и спаивали население. В Америку уходила ценная пушнина, мамонтовые и моржовые кости, олени, собаки и другое. Они находили разные подходы к проблеме освоения севера России. Там, к Ф.Ф. Матюшкину пришёл некий Бекстер, предложивший 15 тыс. руб.

за его исследования в экспедиции Врангеля. Матюшкин, конечно, отказался, считая, что его труды принадлежат не ему лично, а России [123].

Правящие круги США проводили планомерное научное исследование водного бассейна Арктики. В 1879 г. организовали американскую арктическую экспедицию во главе с Д. Лонгом в составе 33 человек по исследованию бассейна Арктики, в том числе морей Лаптевых и Восточно-Сибирского [124].

Империалистические круги США и Японии, учитывая отсталость Якутии и отдалённость от неё крупных промышленных центров, надеялись колонизировать регион. С этой целью в конце XIX в. ими был выдвинут план сооружения «космополитической» железной дороги. Автор книги «Космополитическая железная дорога» В. Гильнин считал, что основной магистралью будущего должна служить русская сибирская дорога от Чукотки через всю Якутию.

В течение ряда лет представитель американских синдикатов французский инженер Лойк де Лобель предлагал царскому правительству проект железнодорожной магистрали «Нью-Йорк — Париж» с тоннелем под Беринговым проливом. Далее магистраль должна пройти от Чукотки к Иркутску через Среднеколымск, Верхнеколымск, Оймякон и Якутск. При этом американский синдикат требовал на всём протяжении пути в 5000 вёрст отчуждения 24-верстной полосы (по 12 вёрст с каждой стороны), вдоль проектируемой дороги с целью беспрепятственной эксплуатации в течение 90 лет недр и поверхности земли в пределах этого отвода. Кроме того, синдикат претендовал на право скупки земель, проведения новых дорог, организации пароходства, завоза иностранных рабочих. Эта полоса должна была стать первой ступенью захвата огромных пространств северного края [125].

Колонизаторский и хищнический характер планов американских синдикатов был ясен царскому правительству и в 1907 г. Россия отклонила предложение его представителя. Ещё до революции иностранные бизнесмены имели деловые связи на северо-востоке России со многими русскими и якутскими купцами. Американские, японские, английские, немецкие, датские и другие фирмы открывали свои отделения и фактории в Якутске, на Охотском побережье, Колымском крае и Чукотке [126].

Учитывая проникновение иностранного капитала на север и опасное положение на северо-востоке Сибири и Дальнем Востоке, якут-

ский губернатор 5 января 1910 г. в письме министру внутренних дел Столыпину высказался о необходимости важнейших мероприятий экономического развития и укрепления государственного влияния на северо-востоке Сибири. Писал, что начаты меры по укреплению Дальнего Востока и побережий Охотского моря и Ледовитого океана: строится Амурская железная дорога, образовалась Камчатская область, построен и работает телеграф до Охотска, намечено продолжение телеграфной связи по всему Охотскому побережью до Петропавловска и учреждён комитет по развитию дальневосточных окраин. Далее писал, что здешние земли «служат предметом особого внимания наших соседей — японцев и американцев, проявляющих большую энергию в смысле распространения своего пока экономического влияния на малонаселённые и беззащитные наши окраины. Предприимчивых иностранцев соблазняют огромные естественные богатства наших окраин... Нельзя, мне кажется, упускать из виду, что при отсутствии у нас сильного военного флота все указанное побережье, в случае каких-либо осложнений на Дальнем Востоке, окажется беззащитным». Для укрепления обороны побережий Охотского и Берингова морей губернатор считал необходимым создание экономических и военных баз не в приморских пунктах, а внутри страны — Якутске и Среднеколымске. Из Якутска имелось сообщение с Охотском и Аяном, из Среднеколымска до Гижигинска — случайное сообщение, главным образом, зимой. Предлагал как в Якутске, так и в Среднеколымске сосредоточить войска, военные и продовольственные запасы, госпитали и другие учреждения. Далее считал необходимым проведение телеграфной линии от Среднеколымска до Гижигинска, с устройством между ними пунктов почтового сообщения как для обеспечения исправности линии, так и для перевозки почты, пассажиров; создание в Среднеколымске воинской части в виде существующей казачьей местной команды и постройку складов для военных и продовольственных припасов [127].

В 1911 г. в бассейне Восточно-Сибирского моря с разведывательными целями побывали американцы Корен, Бено и Видинг. Через три года Корен с группой в семь человек, под видом изучения флоры и фауны, производил топографическую съёмку местности, вёл разведку залежи золота по берегам Большого и Малого Анюя. Американцы усилили разведку на северо-востоке особенно после Октябрьской революции [128].

В 1913 г. в устье Колымы «совершенно случайно» вошла американская моторно-парусная шхуна «Китивэк», погибшая на обратном пути. В 1915 г. прибыла и зимовала в Нижнеколымске американская «торгово-научная экспедиция» [129].

Экономические экспансии иностранных государств продолжались и в годы борьбы за установление Советской власти на Колыме.

Глава 4

КОЛЫМСКАЯ ССЫЛКА

Колыма считалась наиболее приемлемым местом для принудительного поселения многих категорий ссыльных царской России: участников стрелецких бунтов, дворцовых переворотов, уголовных преступников, скопцов и прочих. Важную роль в истории Колымского края сыграла политическая ссылка. Один из политссыльных Е. Ярославский писал: «Царское правительство, превратившее обширную Якутскую область с её «гиблыми местами» в район самой тяжёлой, в буквальном смысле каторжной ссылки тысяч политических ссыльных, меньше всего могло думать о том, что и там, в далёком Якутске, в феврале 1917 г. взовется красное знамя революции. Поколения революционеров прошли через якутскую ссылку... Верхоянск, Верхний, Средний и Нижний Колымск, Булун, Казачье и целый ряд других отдалённейших пунктов Якутской области имеют свою особую историю ссылки» [1].

1. УЗНИКИ КОЛЫМЫ С XVII ДО 30-х гг. XIX в.

В конце XVII—начале XVIII вв. в ссылку отправляли московских, астраханских и других стрельцов, сначала в Якутск, а оттуда — по острогам, в том числе и на Колыму [2].

После смерти Петра I в якутскую ссылку прибывали участники дворцовых переворотов, среди которых были многие государственные деятели. Так, в 1742 г. был сослан русский дипломат и государственный деятель граф М. Головкин. При Петре I он учился за границей и с 1722 по 1725 гг. был русским послом в Берлине. Его отец Г.И. Головкин был талантливым государственным деятелем. После смерти отца сын рассчитывал руководить кабинетом министров, но этот его расчёт не оправдался. При императрице Анне Ивановне

(1730-1740 гг.) он был сенатором и поставлен во главе Монетной канцелярии и Денежного двора.

Императрица Анна Леопольдовна назначила Головкина вице-канцлером внутренних дел, но после дворцового переворота 1741 г. Головкин был приговорён новой императрицей Елизаветой Петровной к смертной казни, которую заменили ссылкой в Якутскую область в Собачий острог. Из Петербурга до Собачьего острога, переименованного в Среднеколымскую Ярмонгу, больной Головкин с женой, графиней Ромодановской и челядью, ехали более двух с половиной лет.

В Среднеколымске Головкин находился под надзором прапорщика Пальмштруга, который в донесении от 1 февраля 1745 г. писал: «Здесь, в Ярманге жителей весьма малое число, питаются токмо одною рыбою, а иногда по времени, бывает рыбы нелов, как и сего году, то и жители терпят голод и едят заболонь сосны. А арестантам, яко не привыклым людям, то снести невозможно. К тому же и рыбою удовольствоваться в неуловное время не возможно». К донесению он приложил ведомость, что «арестанту Головкину с женой и их служителями, всего осьми человек, в год для пропитания надобно... припасы: ржаная мука, крупа, соль, немного пшеничной муки, горох, семя конопляное, вино двойное, масло, свечи, сахар», но Головкины и их прислуга ничего не получили.

Граф постоянно находился под стражей, но имел относительную свободу. Маленький домик, в котором жили Головкины, ночью стерегли часовые. По воскресным и праздничным дням Головкина водили в приходскую церковь. В течение года два раза приезжал комиссар из Зашиверского уезда для наблюдения за поведением преступника и его стражи. Надзор за Головкиным был учреждён строго, 4 января 1747 г. прапорщик писал сенату: «Арестант Головкин с женою содержится мною под караулом в Ярманге так, как мне повелевает правительствующего сената инструкция, без всякого послабления, и некуда они, кроме церкви божьей, не выпускаются и до них никто не допущан...».

Ссылному графу создавали всяческие ограничения, даже в рыбной ловле. Жилось ему очень трудно. Находясь в изгнании более двадцати лет, М.Г. Головкин умер в Среднеколымске в 1766 г. Вдова похоронила мужа в сенях избы, превратив сени в молитвенное место, днём и ночью читая над погребённым псалтырь. Получив разрешение Екатерины II о вывозе останков мужа в Россию, вдова покрыла

труп воском и увезла в Москву, похоронив его в Георгиевском монастыре [3, 4].

В одно время с Головкиным был сослан в Нижнеколымск президент коммерц-коллегии барон Менгден. Вместе с ним прибыли его домочадцы и слуги. Менгдену повезло, он пользовался полной свободой, оказался неплохим хозяином, организовал торговлю, получая из Якутска товары, нужные для потребления северным жителям, купил несколько голов рогатого скота и лошадей. После смерти отца, сестры и матери, сын Менгдена с тёткой и слугами вернулся в Россию.

Ссылным стал и ближайший соратник Петра I швед Генрих Фик. В России он стал лифляндским помещиком и президентом коммерц-коллегии (вроде министра торговли). По указанию Анны Ивановны Фик в 1732 г. был сослан в Якутскую область. В Якутске его держали закованным, далее, под охраной специального караула, он был отправлен далеко на север в город Зашиверск. И снова его под специальным караулом доставили ещё дальше, в Средневиллюйское зимовье [5, 6].

Освобождая центральные районы страны от уголовных преступников, царское самодержавие заселяло ими обширный, малонаселённый Колымский край. Прибыв на Колыму, уголовные со своими семьями расселялись в указанные места жительства, не получая от казны ни единого рубля пособия. Местное население было обязано снабжать их одеждой, питанием и деньгами.

В 1899 г. В.Г. Богораз в докладе «Русские на реке Колыме», сделанном в Петербурге на заседании Русского географического общества, говорил, что уголовные «около двух третей приписаны к якутским наслегам и получают от них содержание рыбой и деньгами, остальная треть находится на попечении русского и обруселого населения Нижнеколымска. Число их из года в год меняется, например, обруселый якутский нижнеколымский род, имеющий только 13 работников, в том числе стариков, должен был содержать 9 поселенцев». Богораз пришёл к выводу, что многие из мещанских семей имеют происхождение от ссылных поселенцев во втором, третьем и четвёртом поколениях. И в последующие периоды уголовно-ссылные составляли заметный процент населения края [7].

Другой группой ссылных в XIX в. были скопцы. Некоторая их часть перед ссылкой на Колыму жила в скопческом селении Марха, недалеко от Якутска, занимаясь земледелием. Скопцы проповедова-

ли самоубийство, внушая населению, что они живут неправильно, забыли о спасении души. Чтобы спастись, они должны убить себя. Почётной считалась смерть на кресте по примеру Христа. Для пресечения этого действия скопцы-инициаторы арестовывались и ссылались в Колымский округ [8].

Однако, в истории колымской ссылки большую роль сыграли политические ссыльные, своей жизнью и деятельностью вписавшие много светлых страниц в историю края.

2. ДЕКАБРИСТЫ В КОЛЫМСКОЙ ССЫЛКЕ

Началу политической ссылки на Колыму положили декабристы — первое поколение российских дворянских революционеров.

В.И. Ленин писал: «В 1825 г. Россия впервые видела революционное движение против царизма, и это движение было представлено почти исключительно дворянами» [9].

Царь Николай I жестоко расправился с декабристами. Пять декабристов были повешены в Петропавловской крепости. Большинство из них были осуждены на каторгу и высланы в Сибирь, другие разжалованы в рядовые и высланы в отдалённые губернии.

Осенью 1826 г. первая группа декабристов прибыла в Якутскую ссылку. Двоих из них — поручика Бобрищева-Пушкина и штабс-капитана Назимова — 21 сентября отправили на Колыму в сопровождении казаков местного казачьего полка во главе с сотником Чекуровым. В Среднеколымск они прибыли 5 ноября 1826 г.

Рис. 12. М. А. Назимов

Колымский исправник Тарабукин в секретном предписании областного начальника получил приказ безвыездно находиться в Среднеколымске и дожидаться привоза ссыльных декабристов, принять их «под личное... заведование и строжайший надзор», «...приставить сверх часового ещё по одному благонадёжному уряднику... в обязанность строго наблюдать за всякими действиями их и поведением, не допуская иметь с кем-либо письменных сношений».

Выполняя это требование, Тарабукин приказал старосте города выделить переднюю часть своего дома, одно из двух окон замуровать, в комнате оставить один столик, стул и кровать, вокруг дома сделать крепкий забор из досок. Он отдал распоряжение немедленно

выделить по два к каждому из декабристов «благонадёжных, расторопных и заслуживающих доверие казаков», которые должны были днём и ночью не только караулить, но и следить за ссыльными. В Верхнеколымск исправник срочно командировал казачьего урядника с секретной инструкцией о подготовке для Назимова одиночки, фактически тюрьмы, и об организации караула.

Из Среднеколымска М. А. Назимов под конвоем был отправлен в Верхнеколымск и 13 ноября 1826 г. сдан под расписку [10]. В Среднеколымск на 45-й день после утомительного пути из Якутска прибыл Н. С. Бобрищев-Пушкин и на 52-й день — М. А. Назимов в Верхнеколымск.

Декабрист Бобрищев-Пушкин был приговорён к ссылке на вечное поселение. В августе 1826 г. срок ссылки был сокращён до 20 лет. Назимов осуждён на поселение в Якутскую область с лишением чинов. У них было отнято по одному ружью, а у Назимова еще порох до 10 фунтов. Оба декабриста жили на кормовые деньги, получая от казны по 17 коп. в день. Зима на Колыме была голодной, и декабристы влачили полуголодное существование. Как доносил исправник Тарабукин, «сверх дачи кормовых им... по внушению моему на первый раз жителями и инородцами снабжены из человеколюбия припасами рыбными». Пробыли декабристы на Колыме недолго. Назимов прожил в Верхнеколымске 20 дней, затем выехал в Якутск и вскоре был отправлен оттуда в Витим. В 1830 г., по ходатайству матери, он был переведён в Курган Тобольской губернии. С 1837 г. по 1846 г. служил в армии рядовым на Кавказе. Умер в Пскове.

Бобрищев-Пушкин примерно через месяц проживания в Среднеколымске был отправлен в Якутск, а оттуда — в Туруханск [11, 12]. Находясь в Туруханской ссылке, сошёл с ума и после амнистии умер в селе Покровском Тульской губернии.

3. ССЫЛКА В 80-х гг. XIX в.

После разгрома декабристов в России продолжалось революционно-освободительное движение. Для борьбы с ним было создано Третье отделение, в помощь которому был придан корпус жандармов, а в стране созданы жандармские округа. За инакомыслие, свободолюбие «неблагонадёжные» политические томились в тюрьмах, монастырских застенках и каторгах. В истории освободительного движения в России революционно-демократический, или разночинский,

этап имеет исключительное значение — революционеры-разночинцы возглавили освободительную борьбу русского народа.

Рис. 13. Юрта ссыльного в Среднеколымске

В.И. Ленин писал: «Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению разночинцев, образованных представителей либеральной и демократической буржуазии, принадлежавших не к дворянству, а к чиновничеству, мещанству, купечеству, крестьянству» [13].

В период роста революционного движения в России в «Положении» о ссылке государственных преступников в административном порядке было записано: «Лиц, - которые по обвинению в государственных преступлениях будут, на основании существующих законоположений подлежат высылке в административном порядке, ссыловать преимущественно в Восточную Сибирь» [14]. Александр II, в борьбе против революционно-демократического движения разночинцев — своих политических врагов, применял высылку их в суровую, холодную Якутию, в наиболее отдалённое место Якутской области — Колымский округ, считавшийся «гиблым местом». Местами поселений административно-ссыльных были: Среднеколымск, Верхнеколымск, Родчево (от Верхнеколымска 90 км вниз по реке Колыме) и Нижнеколымск. В наследи Колымского улуса поселять их считали невозможным ввиду крайней разбросанности мест жительства якутов, их бедности и часто повторяющегося у них голода [15].

В дополнительном «Положении о гласном полицейском надзоре» политссыльные в Якутии делились на три категории: административно-ссыльные; ссыльнопоселенцы из бывших политкаторжан; ссыльные на поселение или жительство по приговору суда. Административно-ссыльные были лишены всех гражданских прав. Им запрещалось состоять на государственной и общественной службе; быть членом частных обществ или компаний; заниматься педагогической деятельностью, выступать с публичными лекциями; торговать книгами; участвовать в публичных сценических представлениях и прочее [16]. Иначе говоря, царским правительством были приняты

все меры к тому, чтобы загнать своих политических противников в медвежий угол и лишить их нормальных условий существования.

1880-е годы ознаменовались в истории Колымского края прибытием в ссылку представителей второго поколения русских революционеров-разночинцев — народников и народовольцев. В числе первых административно-ссылных были: Ширяев П. Г. — крестьянин Саратовской области; Шиллер А.Г. — австрийский подданный, фармацевт; Фёдоров В.Я. — учитель городской школы; Собсович Д.И. — сын купца, студент II курса Медицинской хирургической академии; Серошевский В.Л. — сын помещика Варшавской губернии, учащийся Железнодорожного технического училища в Варшаве; Ребяков П.З. — обер-офицер; Зенников И.П. — дворянин; Ардасенов А.Г. — студент Петербургского института сельского хозяйства и другие лица [17].

Число политических ссылных в Колымском крае увеличивалось, через каждые две недели из Якутска на Колыму отправляли по два человека, их путевые мучения, в зависимости от времени года и наличия транспорта, длились от 60 до 90 суток и больше.

По прибытии к месту ссылки, они сталкивались с крайне тяжёлыми условиями существования. Их помещали в пустовавшие холодные домики по несколько человек, впоследствии многие из них вынуждены были купить дома по 30—50 руб. Находясь в суровых климатических условиях, в полуголодном состоянии, многие ссылные заболели. Основным питанием была рыба, запасов которой не хватало на зиму, не хватало и хлеба. Политссылные писали, что жизнь на Колыме была пыткой. По описанию очевидцев, всюду к весне были видны жёлтые, опухшие лица, горящие нездоровым блеском глаза. Так выглядели колымчане после долгой, суровой, голодной зимы. Медицинская помощь не являлась обязанностью администрации, да её, по сути, и не было. Мизерного получаемого пособия не хватало и на полуголодное существование, не удовлетворяло нужд ссылных. Бывали случаи, когда даже такого незначительного пособия не выдавали, обрекая человека на голодную смерть. Только благодаря заступничеству остальных, удавалось добиться её выдачи.

Д.И. Собсович в 1880 г. писал: «Антигигиеническая обстановка и питание одной рыбой ещё обострили все недуги и понятно, нам более чем другим приходится прибегать к медицинской помощи, а между тем её здесь неоткуда ожидать... Ближайший врач находится около 2000 вёрст в Верхоянске, здесь же по официальным сведениям

числятся какие-то два фельдшерские ученика...» Другой ссыльный П.Г. Ширяев также писал: «Мне нужна серьёзная медицинская помощь, а здесь, кроме двух фельдшерских учеников, никого нет, да и полярный климат с суровыми гнетущими жизненными условиями не может способствовать выздоровлению и вконец доканает меня» [18].

Ссылные жаловались на дороговизну продуктов, невыносимые условия жизни. Так, А.Г. Ардасенов писал: «Пуд муки в казённом магазине стоит 9 руб. с копейками, мясо 4 руб.-4 руб. 50 коп., рыба 3 руб.-3 руб. 50 коп. пуд. На свои 6 руб. я могу, следовательно, купить только один из этих продуктов: или 32 фунта муки, или 2 пуда рыбы, или 1½ пуда мяса». Аналогичных заявлений было много, ссыльные настойчиво требовали увеличения пособия. С 1881 г. они стали получать 15 руб. в месяц, т. е. 180 руб. в год. Но и после этого П.Г. Ширяев заявлял, что и теперь средств на расходы не хватает. Приходится платить за квартиру 3 руб., муку ржаную 5 руб 70 коп., пуд мяса или 2 пуда рыбы самое меньшее 6 руб., один фунт чая 2 руб. 50 коп., за освещение 2 фунта 2 руб., стирка белья с мылом 1 руб., один фунт простого табака 1 руб., а всего в месяц 21 руб. 20 коп. серебром [19].

После многочисленных дебатов по поводу содержания политссыльных в Колымском округе, департамент полиции с 1885 г. увеличил пособие на одного ссыльного до 216 руб. [20].

Однако, в крайне тяжёлых условиях Колымской ссылки и это повышение не улучшило положения ссыльных. Доведённый до отчаянья, политссыльный А.Е. Головачёв заявлял о готовности «добиться высылки... куда бы то ни было... где можно было бы поменьше испытывать голод, холод и тому подобные невзгоды, которыми так богата Колыма». В 1886 г. поселенец Н.П. Зенников писал якутскому губернатору: «Ссылному прожить в Колыме 5 или 6 лет очень и очень трудно, как в нравственном, так и в материальном отношении; справедливость своих слов я сейчас же готов доказать Вашему сиятельству следующими фактами: ежегодные, с 1875 г., голодовки из-за падежа скота, несовершенство рыбного промысла, эпидемии, вымирание аборигенов, повышение цен, дороговизна невероятных размеров. Квартира с отоплением стоит 5—6 руб. в месяц. Пуд ржаной муки стоит от 8 руб. 70 коп. до 14 руб. Весной и отчасти летом съестные припасы не продаются, а если и бывают в продаже, то в 2—3 раза дороже, чем зимой. Ссылные получают 18 руб. казённого пособия в месяц, на которое при существующих ценах невозможно жить и потому приходится постоянно голодать» [21]. Но, несмотря на много-

численные жалобы и заявления, в Колымский округ прибывали все новые политссылные и среди них «особенно серьёзные», «неспокойные», или те, которые пытались бежать.

Из среды «государственных преступников евреев» в Колымскую ссылку отправили 30 человек [22]. К 1888-1895 гг. там находилось 55 политссылных, в том числе 45 евреев [23]. В числе прибывших в 1887-1889 гг. были административно-ссылные: Аренков Я.А. — студент Киевского университета, высланный под наблюдение полиции на 4 года за политическую неблагонадёжность; Баранов И.О. — мещанин, горный техник, высланный в ссылку на 4 года за беспорядки, произведённые вместе с политическими в Иркутской тюрьме; Богораз В.Г. — мещанин г. Овруга Волынской губернии, был выслан в Восточную Сибирь на 10 лет за принадлежность к организации «Народная воля»; Герульд Х.В. — мещанин Подольской губернии, студент Ветеринарного института; Горнштейн У.Л. — мещанин г. Заслова, гимназист; Гофман Д.И. — мещанин Могилёвской губернии, студент Лесного института; Гроссман Р.А. — мещанин Екатеринославской губернии, студент Санкт-Петербургского университета; Зак Л.М. — мещанин Могилёвской губернии, участник тайных революционных земледельческих кружков, работавших на Волге, Южном Урале и Минске; Йохельсон (он же Йесельсон) В.И. — мещанин г. Вильны, выслан «ввиду крайней политической неблагонадёжности»; Клюгге А.Г. — германский подданный; Коган И.С. — мещанин Киевской губернии, студент Харьковского университета; Коган С.В. — мещанин г. Одессы, был выслан за принадлежность к «Народной воле»; Комианц Ф.Н. — дворянин, студент Санкт-Петербургского университета; Лев Р.И. — мещанка г. Ростова, курсистка Высших курсов; Мельников В.И. — дворянин, студент Харьковского университета; Орловский И.М. — мещанин Черниговской губернии, окончил реальное училище; Поляков Х.М. — мещанин Екатеринославской губернии, выслан «по делу Таганрогской тайной типографии»; Ранц Г.Я. — мещанин Киевской губернии, аптекарский помощник; Скудина Х.Д. — мещанка г. Минска, ремесленница; Сосновский М.И. — сын чиновника, студент Санкт-Петербургского университета; Цыценко И.Т. — крестьянин, бывший студент Харьковского ветеринарного института, а затем Санкт-Петербургского университета; Шкловский И.В. — мещанин г. Елисаветграда, выслан «по делу Елисаветградских революционных кружков».

Кроме перечисленных, административно-ссылными были: Зунделевич Лев Исакиевич, Бреговский Исаак Мейлахович, Левици Адольф Григорьевич, Лунг Федор Христианович, Магат Абрам Морхудович, Пикер Саул Самуилович, Шаргородский С. М., Энгель А. Я. и другие.

В числе ссыльных поселенцев из каторжан были: Белоусов А.Г. — крестьянин Таврической губернии, бывший студент Харьковского ветеринарного института; Данилов В.А. — из дворян, техник, учился в Земледельческом институте; Лион С.Е. — сын купца г. Кишинёва, студент Новороссийского университета; Янковский К.П. — сын священника [24]. Он в 1879 г. был лишён прав и осуждён к 10 годам каторжных работ Одесским военным окружным судом.

Таким был состав политссыльных из участников народнического движения, боровшихся против царизма. Здесь же находились участники польского национально-освободительного движения.

Департамент полиции внедрил под видом политссыльных в их среду двух шпионов-provokаторов Паули и Хавкина, которые выполняли специальные поручения охраны по раскрытию тайных организаций и следили за жизнью и деятельностью осуждённых. Паули был в прошлом дворянином, деградировал, как личность, женщины и карты занимали всю его жизнь в ссылке [25]. Хавкин, по описанию

Рис. 14. В. Г. Богораз с рыбаками

Н. Осиповича, «был на редкость интересный и, как мне, по крайней мере, казалось, до бесконечности откровенный. Однако, при всей его безграничной откровенности, за ним в этом отношении водилась какая-то, я бы сказал, дефектная странность... ни одним словом не заикнулся о своём деле, за которое он был арестован, содержался в заточении, а впоследствии и выслан. Между тем, этот важный вопрос меня не мог не интересоваться...» [26].

Паули и Хавкиным в тюрьмах и ссылках были погублены многие истые революционеры, боровшиеся и отдавшие свою жизнь за освобождение народа от гнёта и эксплуатации самодержавия.

О составе ссыльных в 1893 г. В.Г. Богораз писал: «Нас было больше пятидесяти человек, большей частью административных. Мы делились на две категории — краткосрочных и долгосрочных. Короткий срок означал крайнюю молодость, случайный арест и отсутствие вины, даже с полицейской точки зрения. Например, из Одессы была прислана целая партия юношей, вернее говоря, подростков. Старшему во время ареста было семнадцать лет, младшему — четырнадцать с половиной. Ссылали их, по словам «приговора», за знакомство с революционерами. «Краткому» сроку, впрочем, предшествовало долгое тюремное заключение, часто более двух лет. Хождение по этапным мытарствам от Москвы до Колымы длилось иногда ещё дольше и, в конце концов, эти юноши прибывали в Колымск как раз вовремя, чтоб праздновать своё совершеннолетие. Долгосрочные были — восьмилетние и десятилетние. Мне, например, перед ссылкой жандармский полковник сказал: «Десять лет — это задаток. А за дальнейшее я вам ручаюсь» [27].

Тяжёлые условия Колымской ссылки спланивали людей. По экономическим соображениям жившие в городе объединились в коммуны. Старостой был избран И.С. Коган. Её инициаторами были ссыльные 1888 г. и прибывшие в 1889 г. Закупки продуктов и общее хозяйство было практически выгодными. Члены коммуны занимались рыболовством, имели две коровы, упряжку собак, невод и сети. Образовали группу неводчиков, несколько человек занимались распиловкой дров, другие — производством кирпичей и сенокошением. Инициаторами сенокошения были А.Г. Белоусов и А.Я. Энгель. Ссылный И.В. Шкловский сделал пару голландских печей собственной системы. Группы выезжали за реку в апреле для рубки дров и жили в палатках при 20—25°-ном морозе. Решением общего собрания был организован потребительский коллектив, куда входил закупочный аппарат под названием «магазин». Все ссыльные были членами этого «магазина» и приобретаемые продукты делились между ними поровну. «Магазин» спасал тех политссыльных, которые не могли приобретать продукты, и оказывал содействие товарищам, не входившим в коммуну. Была организована «касса взаимопомощи» для выдачи пособий уезжавшим с Колымы не имевшим денег товарищам.

Коммуна распалась в начале 1893 г. Причинами этого была задолженность по 111 рублей на каждого члена коммуны или, как говорили, «три кола», а также 28 человек краткосрочных ссыльных, входивших в коммуну, выехали в Якутск, а другие переселились в Нижнеколымск, в Среднеколымске осталось только 8 человек [28].

Рис. 16. Колония политссыльных Среднеколымска

Оставшиеся и вновь приезжающие долгосрочные ссыльные продолжали совместно заниматься хозяйственными работами по заготовке дров и продуктов, становясь опытными хозяевами. Они организовали библиотеку из привезённых книг, журналов и газет, были

организаторами культурно-просветительной работы. Некоторые занимались научным изучением этнографии, материальной культуры, религиозных верований и экономики народностей Колымы, писали рассказы, повести, стихи и помещали свои работы в литературных и научных изданиях. Часть политссыльных занималась выращиванием овощей; они проводили опыты по внедрению зерновых культур в суровых условиях севера. Для знакомства с краем, его населением ссыльные часто находились в разъездах. Как писал В.Г. Богораз, «ссыльные с самого начала завоевали себе право разъезда по округу и почти каждый из них считал непрямым долгом посетить все три Колымска» [29]. Часть ссыльных, не смирившись с изгнанием их в этот суровый край, готовила побег. Прибывший в Среднеколымск со своим другом — ссыльным Энгелем.

А.Г. Белоусов стал активно готовиться к побегу. К ним присоединились ссыльные Д. Гофман, С. Коган и И. Баронов. Чтобы приучить начальство к частым отлучкам, Белоусов ездил по краю под предлогом «закупки оленей для пропитания колонии». Белоусов, Энгель и С. Коган переехали в Нижнеколымск, чтобы бежать в Америку зимой через океан на собачьих упряжках, но это оказалось невозможным и им пришлось от побега отказаться.

Рис. 15. В. А. Данилов

Другим инициатором побега был ссыльнопоселенец В. Данилов. Его план бегства предусматривал восстание, арест властей, захват оружия, муки, покупка у жителей ездовых собак. Но ехать на юго-восток к Охотскому морю или к устью Лены тундрой океанского побережья было невозможно. План Данилова не был поддержан и побег не состоялся [30].

Некоторые ссыльные находились под строгим надзором полиции, как, например, И. Поляков, Д. Гофман, протестовавшие против ссылки на всем этапе от Томска до Иркутска. Прибыв на Колыму, Поляков и Гофман за протесты получили приговор об их тюремном заключении на разные сроки. Исправник был поставлен в тупик, так как в Среднеколымске тюрьмы не было, а везти их в Якутск стоило нескольких тысяч рублей. В конце концов, тюрьма была заменена домашним арестом. Под арестное помещение ссыльные уступили большой зал в доме, а исправник платил им за наем, освещение и отопление этой «тюрьмы» [31].

С увеличением числа ссыльных некоторые из них были расселены по якутским наслегам. Окружные полицейские должны были «немедленно обязать родоначальников тех наслегов, где живут поднадзорные, иметь усиленный надзор за государственными ссыльными». На предложение надзирателя расписаться о недопущении побега из Среднеколымска ссыльные ответили отказом. Власти наложили за-

прет на литературное творчество ссыльных, контролировали их переписку. Так, в 1890 г. ссыльнопоселенец К. Янковский попросил разрешения заняться литературной работой, ему было не только не разрешено сотрудничать в периодических изданиях, но и запрещено переписываться с редакциями. Административно-ссыльный П.Г. Ширяев отправлял в газету «Сибирь» через жившего в Якутске политссыльного М.

Рис. 17. Группа колымских ссыльных

Яковлева статьи о наблюдении за климатом Колымы, его населением и географии округа. Конверты вскрывались, статьи задерживались

надзирателями. В 1895г. В. Данилов писал: «Есть большое основание предполагать, что главный и опасный для корреспонденции путь — это областное правление, где любознательность и небрежность зевающих от скуки юных чиновников, ищущих себе развлечение — главные причины несвоевременного получения книг и журналов». В другой жалобе он писал, что стало необходимо «опять и опять неустанно заявлять начальнику Якутской области о предосудительном поведении гг. чиновников, следствием коего является нарушение и неуважение прав частной собственности...» [32].

Из письма административно-ссылной Х. Скудиной администрация узнала о нарушении ссылными установленного порядка проживания: живущие в Среднеколымске свободно разъезжали вниз и вверх по Колыме и даже ездили в Нижнеколымск за 500 вёрст, чтобы там отдохнуть и запастись рыбой; ссылные ездили не на короткое время, а жили в Нижнеколымске месяцами, даже круглое лето [33].

Ко второй половине XIX в. в России сложилась напряжённая обстановка: усилились крестьянские и рабочие волнения, развёртывалось народническое движение. В результате принятых правительством мер революционеры-народники были разгромлены. Высоко оценивая народническое движение, В. И. Ленин писал: «Несомненно, эти жертвы пали ненапрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию народа» [34].

В конце 1880-х гг, в Якутске увеличилось число ссыльных, и администрация решила отправить в Верхоянский и Колымский округа группу ссыльных из числа молодых революционеров, в основном, еврейского происхождения.

Якутский губернатор Светлицкий, как человек гуманный, зная трудности пути в Колымский округ, отправлял ссыльных по два человека с 2-недельными промежутками между отъезжающими. Разрешал брать с собой, кроме собственных вещей, 2-месячный запас провизии, аванс казенного пособия, не вмешиваясь в установление очередности отправки той или иной пары. Но, по мнению правительства, либеральность губернатора необходимо было ужесточить, на смену ему прислали Осташкина. Тот распорядился, чтобы назначенных к дальнейшему следованию в Колымск вызывать в город, заключать в тюрьму и оттуда, по четыре человека, конвоируемых казаками, отправлять через каждые 7-8 дней. Одному ссыльному раз-

решалось везти груз не более пяти пудов, кормовые деньги выдавались лишь накануне отъезда.

Распоряжение Осташкина вызвало недовольство ссыльных, они считали это продолжением политической реакции 80-х годов. Подав заявление о протесте, ссыльные решили при применении насилия оказать вооружённое сопротивление, считая его актом самозащиты.

22 марта 1889 г, в 10 часов утра приехал полицейский надзиратель Олесов и предложил всем ссыльным, находящимся в доме Монастырёва (библиотека Якутской ссыльной колонии), явиться в управление, чтобы выслушать резолюцию губернатора о поданном ими накануне заявлении. Все 34 человека, назначенные к отправке в Верхоянский и Колымский округа, отказались выйти из дома и просили объявить резолюцию здесь. Губернатор дал распоряжение силой вывести ссыльных. К дому Монастырёва прибыл полицмейстер Сухачёв и приказал солдатам выводить их по одному, по два. Ссыльные сделали несколько выстрелов, ранив офицера и одного рядового. Тогда солдаты штыками стали колоть ссыльных и обстреливать дом со всех сторон. Продолжать вооружённую борьбу было бесполезно и ссыльные решили сдаться. К этому времени приехал губернатор Осташкин. Узнав об этом, ссыльный Н. Зотов выбежал во двор и дважды неудачно выстрелил в Осташкина. Началась стрельба солдат. Из участвовавших в этой трагедии шестеро ссыльных были убиты, восемь ранены, другие арестованы и отправлены в тюрьму. Присланный из Иркутска военный трибунал вынес приговор: троих к смертной казни, 14 человек к пожизненной каторге, 9 человек в общей сложности к 115 годам каторги и 2 — на поселение. Так трагически закончилась ещё одна страница борьбы ссыльных политкаторжан [35, 36].

4. КОЛЫМСКАЯ ССЫЛКА 1890-1900-х гг.

К концу XIX в. в России под влиянием рабочего движения, создания революционных организаций и успехов западно-европейского пролетариата возникли первые марксистские организации. Организованная в 1883 г. в Женеве Г.В. Плехановым группа «Освобождение труда» нанесла идейный удар народничеству и сделала первый шаг к рабочему движению. В.И. Ленин писал: «Группа «Освобождение труда» лишь теоретически основала социал-демократию и сделала первый шаг навстречу рабочему движению» [37].

В 1890-х гг. происходит значительное нарастание борьбы рабочего класса. «Пролетариат, — писал В.И. Ленин, — единственный до конца революционный класс, поднялся во главе их и впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы крестьян» [38].

Революционные марксисты в России вели борьбу с народниками и «легальными марксистами». Для развёртывания работы в массах были организованы марксистские кружки. В тяжёлых условиях проводилась работа по созданию марксистской партии, так как царское самодержавие вело беспощадную борьбу с революционерами и с происходящими революционными событиями.

В 1900-х годах из старых политссыльных в Колымской ссылке находилось около 30 человек. Из них оставались до 1895 г. — Н.П. Зенников, С.В. Коган, А.Г. Левиди, К.П. Янковский, до 1896 г. — М.М. Поляков, М.И. Сосновский, до 1898 г. — В.Г. Богораз. Позже всех освободились И.Т. Цыценко, В.А. Данилов, В.И. Мельников.

Находясь долгие годы в тяжёлых условиях существования, ссыльные сохраняли мужество и стойкость. Они не отказывались от своих убеждений, борьбы за свободу и счастье народа. Многие из них, несмотря на строжайший запрет, занимались научными и другими работами.

Политссыльный И.Т. Цыценко писал: «...Я считаю своей нравственной обязанностью заявить правительству, что после 3—4 лет тюрем и этапов и после 10 лет ссылки я не даю правительству никакой гарантии или обещания в своей благонамеренности или благонадёжности по возвращению в Россию, так как это, во 1-х, принципиально противоречит моим основным убеждениям, во 2-х, покупать свободу обманом, ценой компромиссов я не желаю и, в 3-х, желать возвращения в Россию для того, чтобы на другой же день снова идти в тюрьму, этапы, ссылки и т. д., я опять-таки не желаю, потому что и без того уже 3 раза был арестован...». Он же в другом письме писал, что ни революционные убеждения, ни склонности у него ни на йоту не изменились [39].

Другой политссыльный В.А. Данилов находился в ссылке 14 лет. В 1903 г., после освобождения из ссылки, он подал якутскому губернатору следующее заявление: «Будучи обитателем земного шара, независимо от географических пределов, я желаю жить вообще на земном шаре, не определяя места и политической границы...» и просил «выдать мне удостоверение моей личности на основании постановления господина М.В.Д. Обитатель земного шара, сторонник будущего

го надбуржуазного строя В.А. Данилов». Возвратясь из ссылки он продолжал революционную работу, в 1905 г снова был арестован и после тюремного заключения в Харькове выслан из Харьковской губернии [40, 41].

Богораз В.Г., около 10 лет находясь в ссылке, занимался научной и литературной деятельностью. После освобождения из ссылки продолжали революционную работу И.В. Шкловский, С.М. Шаргородский, А.М. Магат, Х.М. Поляков, С.В. Коган, М.И. Сосновский и другие.

Поднятая волна революционного движения вызвала новые репрессии царизма. Увеличивалось число ссыльных революционеров в Якутскую область. В 1890— 1900-х гг. на Колыму прибывали представители народнического движения, польские революционеры и марксисты (социал-демократы). В их числе были: Суровцев Д.Я. — 20 лет каторжных работ; Янович Л.Ф. — 16 лет каторжных работ; Ергин А.А. — 8 лет Колымы; Ергина Л.В., его жена, была арестована по этому же делу в 1896 г. — 6 лет; Егоров М.И. — 3 года тюрьмы по делу подготовки покушения на Николая II и 8 лет ссылки в Якутскую область; Орлов А.Е. — революционер, арестован в Турции и выдан России, сослан в Колымскую ссылку на 10 лет; Палинский С.А. — польский революционер, 10 лет Колымы; Распутин И.С. — арестован в Москве в 1895 г. Обвинялся в подготовке покушения на Николая II — 5 лет тюрьмы и 10 лет ссылки в Якутскую область; Строжецкий Я.Ф. — арестован в Варшаве в 1894 г., после 2-х лет и 3-х месяцев заключения в Варшавской цитадели сослан на 8 лет в Колымскую ссылку; Циммерман Х.Ф. — арестован в 1893 г. в г. Лодзи, польский революционер, сослан на поселение в Колымскую ссылку; Борейша А.Б. — арестован за революционную работу в 1895 г. в г. Одессе, сослан на 6 лет Колымской ссылки; Гуковский Г.Э. — выдан в 1890 г. Германским правительством в Россию и был заключен в Петербургскую одиночную тюрьму, где пробыл 5 лет. В 1895 г. был сослан на 5 лет Колымской ссылки; Гуковский был одним из первых российских социал-демократов, примыкавший ещё к группе «Освобождение труда»; Акимова Т.М. — арестована в Москве в 1895 г. по обвинению в подготовке покушения на царя, приговорена к 3 годам тюрьмы и 10 годам ссылки в Якутскую область [42].

В начале 1896 г. в Якутскую ссылку были доставлены пять социал-демократов — руководителей первых марксистских кружков в Одессе. Трое из них: Г.В. Цыперович, И.М. Калашников и Ю.М. Нахамкис

(Стеклов), кроме руководства кружками, обвинялись в организации тайного революционного общества [43]; всех троих осудили на 10 лет ссылки в Колыму; Цыперовича доставили в Среднеколымск, а отправленные Калашникова и Стеклова задержали.

Двигаясь зимой 1895 г. в сибирскую ссылку этапом, партия арестованных во главе с И.М. Калашниковым постоянно подвергалась издевательствам конвоиров. Калашников сумел дать энергичный отпор издевательствам и оскорбительным действиям конвойных. Доставив политссыльных в Якутск, озлобленные конвоиры «состряпали» заведомо ложное дело, отделили Калашникова от товарищей, заключили в тюрьму и начали следствие. В обвинительном акте говорилось: «Калашников... в пути до Иркутска оскорблял фельдфебеля конвойной команды и часового, а также неприлично вёл себя относительно начальника конвоя (требовал снять шапку при входе в камеру, кричал «убирайтесь вон»), а по пути от Иркутска до Якутска оскорблял действием рядового конвойной команды» [44]. После тюремного заключения в Якутске, И.М. Калашников был отправлен в Среднеколымск. Ю.М. Нахамкис (Стеклов) был призван на воинскую повинность. После освобождения от воинской повинности, в 1892 г. сделал побег из Якутска.

Рис. 18. С. И. Мицкевич по окончании медицинского факультета МГУ. 1893 г.

В 1899 г. в Среднеколымск прибыл С.И. Мицкевич с женой. В 1893 г. он окончил университет, член партии, работал врачом-статистом в санитарном бюро Московского губернского земства. В этом же 1893 г. познакомился с В.И. Лениным, а затем с его сестрой Анной Ильиничной и со всей семьей Ульяновых и стал их другом и последователем идей В.И. Ленина. С.И. Мицкевич принимал активное участие в создании первой марксистской группы, которая положила начало основанию Московской партийной организации. Он писал листовки и брошюры, редактировал, ведал техникой печатанья, ездил в Вильно за транспортом для нелегальной литературы, расширял связи с передовыми московскими рабочими. Вел один из первых марксистских кружков на заводе Гопера и готовил рабочих к открытым массовым выступлениям. Под его руководством воспитывались видные революционеры.

В.И. Ленин, во время приездов в Москву, поддерживал тесный контакт с марксистами, неоднократно бывал на квартире

С.И. Мицкевича, знакомил его со своими работами. Работы произвели на С.И. Мицкевича неизгладимые впечатления. Мицкевич принимал участие в организации размножения на гектографе работы В.И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В 1894 г., выслеженный шпиками, С.И. Мицкевич был арестован и отправлен в Бутырскую, а затем в Таганскую тюрьму, где находился в строгом одиночном заключении 2 года и 2 месяца. В 1897 г. его сослали в Якутскую область сроком на 5 лет и в том же году он был направлен в Олёкминск, где пробыл больше года. В 1899 г. по предложению медицинского инспектора Якутской области занял место участкового врача в Среднеколымском округе [45].

После долгого тюремного заключения политссыльные, под раздражающий лязг тяжёлых кандалов и грубого произвола конвойных, этапом прибывали в Якутск. Оттуда тянулся их медленный и мучи-

Рис. 19. С. И. Мицкевич с женой перед своей квартирой в Среднеколымске, в бытность его в ссылке (1899—1901). Снимок 1901 г.

тельный путь в метель, мороз и суровый холод на Колыму. Г.В. Цыперович писал: «Чем дальше отъезжали мы от Якутска, тем яснее и отчётливее чувствовалось, в какую ужасную, ненормальную обстановку мы попали по распоряжению свыше. Мы старались скрыть друг от друга то тревожное настроение, ко-

торое невольно охватывало нас при виде этой немой пустыни, где люди коснеют в диком беспомощном варварстве и где каждый кусочек хлеба ценится буквально на вес золота... Вокруг нас уже не было стен, не было и ненавистного конвоя, но эта могила, этот беспредельный снег, стерёгший нас со всех сторон, шаг за шагом убивал в нас веру в грядущее будущее... Это была тюрьма без оград и запоров, пытка без мучителя, издевательство бесстрастной стихии над страстями и стремлениями живых, но заживо погребённых и бессильных людей» [46]. Ссыльные в дороге физически изматывались, болели, обмораживались, голодали. Преодолев мучения, они, наконец, прибывали в назначенное место, под строгое наблюдение полицейских. С первых же дней пребывания на Колыме политссыльные мечтали о побеге. Так, Г.В. Цыперович, И.М. Калашников, Г.Э. Гуковский,

Л. Янович и другие планировали побег по Ледовитому океану в направлении к Берингову проливу, где можно было встретить судно, направляющееся в Америку. Они построили килевую шлюпку «Левиафан» с рулём и мачтой, имеющую каюту на 10 человек; сделали пробную поездку в заимку «Быстрое» в 150 верстах от города, но убедились, что на этой шлюпке плавание невозможно.

Летом следующего года построили двухмачтовое судно с трюмом и палубой, назвав его в шутку «Срам» (от норвежского «фрам»). Совершив поездку в Нижнеколымск, проехав путь в 300 км, они убедились, что плыть на нём по открытому морю нельзя. После возвращения в город «Срам» был разобран. К ледоходу 1899 г. Г.В. Цыперович с Г.Э. Гуковским решили построить лодку и попытаться счастья бежать вдвоём, но это желание тоже осталось невыполненным [47].

Политссыльные жили трудно, получая в месяц 18 руб. казённого пособия, а стоимость продуктов была очень высокой. Чтобы с трудом прожить месяц, в среднем требовалось 40 руб., а ссыльные не имели возможности их зарабатывать.

Ремеслом занимались несколько ссыльных из рабочих: чинили и лудили посуду, делали столы, стулья, этажерки, формовали кирпичи. Хуже всего было семейным, так, ссыльные Регины в месяц получали 19 руб. 16 коп. на двоих. Чтобы заработать деньги, Ергины совместно с ссыльным Маленковским взялись за тяжёлую работу — строительство сарая для производства кирпичей по заказу жителей. Некоторые ссыльные хотели давать уроки в семьях, но за ними ревностно следила не только полиция, но больше духовенство. Много доносов написали колымские «батюшки». Благодаря их усердию население оставалось неграмотным, а ссыльные лишались возможности заработка уроками. Полуграмотные чиновники, попы всячески старались унижить ссыльных в глазах местных жителей. Много заявлений о констатации таких фактов писали ссыльные, но мер почти не принималось. 9 сентября 1900 г. С. И. Мицкевич отправил иркутскому генерал-губернатору письма-протесты, где писал, что с самого приезда в Среднеколымск ему бросилось в глаза ужасное положение ссыльных, которого он раньше нигде не встречал. «Чувствовал сразу, что я попал в атмосферу гонения, потрясений и беспричинного озлобления». Поп поднял против политссыльных все местное общество, им запретили пользоваться библиотекой. Преследовали одного из ссыльных за то, что он обучал грамоте якута, и при этом со всех

ссылных потребовали подписку, что они не будут давать уроки. «Однажды исправник на меня учинил настоящее гонение за то, что я купил в лавке кусок кумача, испугавшись, видимо, что куплен кумач для флага». Желание двух ссылных вступить в брак встречало со стороны священника отпор, ибо, по его словам, «государственные» ссылные не могут быть брачными свидетелями.

В другом письме С. И. Мицкевич сообщал о тяжёлых социально-бытовых условиях жизни ссылных. Он писал: «Целые месяцы приходилось быть без мяса, ржаная мука в продаже обыкновенно не бывает. Овощи, масло, крупчатка принадлежат к предметам роскоши. В этом году нет в продаже даже свечей, керосина, рыбьего жира. Летом не пригнали плотов и город остался без дров. Беда, у кого есть дети. Молока часто совсем не бывает в продаже. А что за квартиры здесь? Холодные, сырые, грязные, тёмные лачуги, часто без печек, с одними деревянными комельками, обыкновенно с ледяными окнами зимой. Климат края очень нездоровый: сырой, холодный, постоянно господствуют сильные ветры... Прибавьте ко всему этому отсутствие каких-либо постоянных занятий для большинства ссылных... нервная система недолго выдерживает такие испытания» [48].

Несмотря на такие трудные условия, ссылные жили дружно, организовано, как одна семья, помогая и поддерживая друг друга. Жить в отдельности было невозможно, так как для самосохранения требовалась сплочённость. Каждый имел своё индивидуальное хозяйство, но, кроме этого, было ещё артельное кооперативное хозяйство по снабжению всем необходимым, которым руководил староста Г. Циперович. Он обеспечивал всех ссылных продуктами и товарами: закупал мясо, рыбу, керосин и прочее; полностью получал пособия ссылных и ими рассчитывался с торговцами и казаками, у которых покупал муку и соль. Оценивая работу Циперовича, ссылка Л.В. Ергина писала: «Благодаря его неиссякаемой энергии, находчивости и выработавшейся с годами предприимчивости, наша колония не голодала...» [49].

О значении артельного хозяйства Г. Цыперович писал: «В качестве постоянного артельного старосты и «министра финансов», долгое время заведовавшего хозяйственной жизнью всей колонии, я имел достаточно случаев убедиться в том, что артельное хозяйство, несмотря на все свои недостатки, все-таки является наиболее выгодным» [50].

Некоторые ссыльные занимались определённым хозяйством. Так, И.М. Калашников обеспечивал ссыльных рыбой, приобретая полный арсенал рыболовных принадлежностей, собак. Ссыльный Суровцев с усердием занялся овощеводством и привлёк к этой работе своих товарищей, получая значительный запас красной репы, картофеля, свёклы, редьки, петрушки и капусты.

С 1896 г. казённые грузы стали поступать с Дальнего Востока через верховья Колымы. В первые годы сплавом грузовых паузков с верховьев Колымы занимались казаки и поселенцы из уголовных. Потом сплавом занялись и политссыльные, о чём Цыперович писал: «Однажды, не помню уж кому из нас, пришла в голову блестящая идея взять на себя сплав паузков, образовав для этого артель из 5-6 человек» [51]. В первой артели по сплаву были: Л.Ф. Янович, Я.Ф. Строжецкий, А.Б. Борёйша, С.А. Полинский, М.И. Егоров и Г.В. Цыперович. Доплыв до Нижнеколымска, перетаскивали на берег более 1000 пудов груза и отправлялись обратно вверх с помощью собак, заменявших бурлаков. Несмотря на сплочённость, организацию артели, занятие огородничеством, жизнь политссыльных оставалась тяжёлой.

5. СТОЛКНОВЕНИЯ МАРКСИСТОВ С НАРОДНИКАМИ

До прибытия ссыльных социал-демократов, на Колыме находились, главным образом, представители народнического направления освободительного движения. Прибытие ссыльных социал-демократов внесло новое в жизнь колымских политссыльных — начались дискуссии по самым различным вопросам. Первым начал Г.Э. Гуковский. Находившийся в то время в Колымской ссылке народник М. Поляков писал так: «В 1895 г. прибыл Гуковский, воспитанник германского социал-демократизма, эрудит-марксист. Впервые слышали мы резкую критику нашей идеологии, резкие эпитеты по отношению к нам. Но личность Гуковского была слишком обаятельная, кристально чистая, и его резкости не казались оскорбительными для тех, которые не забыли своего молодого энтузиазма и которые склонны были жадно прислушиваться к новым идейным течениям в революционном движении». Дальше он писал, что «для нас, народовольцев, это была первая ласточка русского социал-демократического течения. После 10—12-летнего отрыва из воли и 8—9-летней изоляции в Колымске — наша политическая идеология

была, конечно, достаточно отсталой и многие из нас ждали новых людей, с новыми политическими течениями. Гуковский и был таковым, притом, по нашему мнению, компетентным, высококвалифицированным, ибо свои социально-экономические знания и убеждения он приобрёл из первоисточников в Германии. Несмотря на резкую критику наших народовольческих идеалов и понятий, он и со своей критикой был для нас вполне приемлемым, ибо в нем резкость искупалась личной обаятельностью и моральной высотой, так ценной у всякого революционера» [52].

Рис. 21. Г. В. Цыперович.
Снимок конца 1890 или начала 1900 г.

Из воспоминаний Г. Цыперовича было видно, что по приезду в ссылку социал-демократы знали о предстоящей решительной борьбе с представителями народничества. Представлялась возможность проверить себя и других, воспользоваться при борьбе мнений «свободой слова». Народники и социал-демократы вели принципиальные дискуссии и споры и дело спора, как вспоминал Цыперович, «не обошлось без некоторых трений между ними и стариками» [53]. Как писала ссыльная Л.В. Ергина, «ссылные колымчане хотели знать, кто каких убеждений и к какой принадлежат организации, Слова «марксизм», «народничество», «бернштейнство» повисли в воздухе» [54].

Ход революционного движения в стране привлекал всех ссыльных, но отдалённость существования давала себя знать: новости с «материка» политссылные получали редко — из поступающих писем, газет и нелегальной почты или от вновь прибывших товарищей. С приходом Гуковского начала поступать нелегальная литература.

С народниками дискутировал и С. И. Мицкевич, хорошо знакомый с работой В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», где В. И. Ленин убедительно доказал, что народничество переродилось и из революционного течения превратилось в либеральное: отказ от революционной борьбы, соглашение с самодержавием, выражение интересов деревенского кулачества. С. И. Мицкевич на Колыме получал и другие книги В. И. Ленина: «Развитие капитализма в России», «Экономические этюды и статьи» и т. д. Вооружённый этими программными документами, Мицкевич подробно раскрывал изменение позиций народников, их отступление от первоначального пути.

6. БИБЛИОТЕКА ПОЛИТССЫЛЬНЫХ

Первые политссылные 70—80-х гг. XIX в. были преимущественно студенты. Из привезённых ими книг была организована библиотека, где первыми книгами стали учебники и пособия к ним, художественной литературы было мало. Постепенно библиотека пополнялась полученными от родных книгами, журналами, газетами, а также тем, что привозили новые политссылные.

Много лет заведовал библиотекой Х.М. Поляков. Он привёз из Якутска много книг политссылного А.Л. Гаусмана, которого после трагических событий в доме Монастырёва осудили и повесили. Среди этих книг были лекции и книги виднейших профессоров и учёных по философии, экономике, естественным и другим наукам.

Библиотека была главным центром умственной деятельности политссылных и проведения просветительской работы среди населения и особенно молодёжи. Страстным книголюбом революционного уклона был Д.Т. Коберман. И.В. Шкловский почти ежедневно занимался 10-12 часов по изучению языков, философии, истории и других дисциплин. Много времени уделяли В.Г. Богораз и В.И. Иохельсон проработке научной литературы. Постоянными посетителями библиотеки были И.В. Шкловский, У. Горнштейн, С.М. Шаргородский, Х.В. Герульд и многие другие.

Как писал Поляков, «книги в Колымской ссылке спасли не одну жизнь от самоубийства и многих от окончательного оупения и одичания» [55].

После Полякова долгие годы заведующим библиотекой работал ссыльный поляк Л. Ф. Янович. Он жил в выкупленном им доме, выстроенном ссыльным Богоразом. Этот дом Янович подарил колонии ссыльных под библиотеку. Дом по тому времени был довольно просторным, перегороден на две комнаты. Передняя комната была с комельком и служила квартирой библиотекаря, а во второй размещалась библиотека. Она была сплошь заставлена полками с книгами. Полки стояли вдоль стен и посреди комнаты и перегородивали её на две зоны коридорчиком. По инициативе Яновича, все книги были подклеены, сшиты и переплетены. Книг в библиотеке насчитывалось более двух тысяч томов, и каждый читатель бережно относился к ним. Заведуя библиотекой, Л.Ф. Янович систематически занимался научной работой. По состоянию здоровья он попросил провести выборы нового заведующего, на собрании ссыльных читателей едино-

гласно был избран А.А. Ергин. В библиотеке преобладала политическая литература, особенно книги по рабочему и социальному вопросам, пользующаяся особым спросом. Очень мало было книг по художественной литературе. Единственно полным было собрание сочинений А.П. Чехова. Впоследствии, с прибытием новых ссыльных, библиотека постепенно заполнялась сочинениями классиков русской литературы.

Был заведён каталог, устроена библиотечная касса, которую пополняли специальными взносами. На эти деньги выписывали необходимые журналы: «Русское богатство», «Новое слово», «Начало», «Мир божий», «Научное обозрение», «Жизнь» и газеты: «Русские ведомости», «Восточное обозрение», а также газеты на польском языке.

Из этих изданий ссыльные узнавали о происходящих событиях. В газете «Восточное обозрение» встречались статьи товарищей, находящихся в Сибири и Колымском крае. Несмотря на то, что в Якутском областном управлении просматривались все письма и посылки, ссыльные получали нелегальную литературу, в том числе и газету «Искра». Была получена книга К. Маркса «Капитал», т. 1. Сведения о появлении «меньшевиков» и «большевиков», о партии социалистов-революционеров и другие новости узнавали из польских газет и журналов. После Ергина библиотекой заведывал Г.В. Цыперович.

В результате ежегодного увеличения поступающей литературы в 1905 г. насчитывалось книг более трёх тысяч томов. Имелись отдельные произведения Шлоссера, Монтескье, Дидро, Соловьёва, Карамзина. Были отдельные труды К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, Г. В. Плеханова, П. М. Лаврова и других. Были отделы по философии, психологии, естествознанию, статистике и истории.

Как писал Цыперович, ссыльные марксисты занялись усердным пополнением преимущественно двух последних отделов. Особенно много книг было приобретено по рабочему и социальному вопросам. Пожалуй, можно признать это явление неслучайным: мировоззрение старых ссыльных больше было направлено в сторону общих социологических построений, тогда как новое поколение интересовалось преимущественно четвертым сословием (рабочим классом — *М. К.*) и его движением [56]. Эта библиотека была единственной в Колымском округе, её книгами пользовались ссыльные Верхне- и Нижнеколымска. Местные жители пользовались художественными произведениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Горького. Администрация не занималась чтением книг, редко кто из купцов и чиновников брал

книгу. Однажды местный купец попросил дать книгу Тургенева. Когда Цыперович похвалил его, купец сказал: «Знаете ли, я заметил, что вот эти сочинения действуют на меня, как солёная рыба. У меня, видите ли, бессонница, а стоит мне поесть солёную рыбу или почитать вот такое сочинение перед сном, и я сейчас же засыпаю» [57].

Как научно-политическая, колымская библиотека имела большое значение для облегчения жизни ссыльных, для колымчан. Г.В. Цыперович писал, что колымская библиотека «не уступала по своим размерам и составу библиотекам многих провинциальных городов России...» [58].

После выезда политссыльных библиотека находилась в распоряжении бывшего политссыльного, участкового фельдшера Н.П. Зенникова. В 1907 г. он отправил письмо якутскому губернатору с предложением вывезти библиотеку политссыльных в Якутск для использования её населением. Тогда же якутский губернатор дал указание Зенникову упаковать и отправить книги в Якутский областной статистический комитет и известить об этом его лично [59]. Так, в 1907 г. все книги, накопленные ссыльными, были отправлены в Якутск, где составили основу якутской городской библиотеки. «Библиотека давала толчок умственной работе ссыльных; в ней насчитывалось около 3000 томов, составившихся из так называемой старой «Колымской библиотеки», т.е. книг, привезённых из Колымска. Эта якутская библиотека представляла большую политическую и культурную ценность. Вокруг же складывались кружки, рождались разного рода идейные предприятия... Позднее областная администрация предприняла поход против библиотеки. Спасая её, ссыльные разбили библиотеку на части и раздали её на хранение отдельным лицам. В основной своей массе эту библиотеку удалось сохранить, и позднее она была передана в т. ну Якутскую городскую библиотеку» [60].

7. ЖЕРТВЫ КОЛЫМСКОЙ ССЫЛКИ

Монастырёвская трагедия 22 марта 1889 г. в Якутске принесла первые жертвы в истории революционной борьбы ссыльных на Колыме.

Следующей жертвой стал социал-демократ Григорий Эммануилович Гуковский. После пятигодичного одиночного тюремного заключения в Петербурге, он не мог выдержать тяжести суровой Колым-

ской ссылки. С каждым годом ухудшалось его здоровье. В 1897 г. он был вызван в Якутск для отбывания воинской повинности, но по состоянию здоровья был забракован и возвращён в Среднеколымск. Как писал ссыльный М. Поляков, в обычной жизни Гуковский был мрачным, угнетённым, меланхоличным [61]. Намечаемый совместно с товарищами побег потерпел неудачу. В течение зимы он с Цыперовичем приготовили лодку, провизию, парус, оставалось сделать только весла и уйти в побег. Они договорились отстреливаться, если за ними будет погоня, хотя Гуковский был против применения оружия, показав Цыперовичу небольшой никелированный револьвер, говоря, что он испорчен, курок не взводится. Цыперович объяснил ему, что курок не взводится потому, что револьвер поставлен на предохранение. Утром 18 мая в назначенное время Гуковский не пришёл, Цыперович пошёл к нему и нашёл его мёртвым [62].

Рис. 22. Памятная надпись на чугунной плите на могиле Гуковского, присланная из центра

С.И. Мицкевич писал: «Не успел я как следует выспаться после утомительного долгого пути, как меня утром разбудили и позвали осмотреть Г.Э. Гуковского, который застрелился ночью. Я быстро пошёл в домик, где жил Г.Э. Гуковский, и нашёл уже окоченевший труп с раной у сердца; рядом лежал револьвер. Ещё вчера он встретил меня, ничем особенно не проявлял своего душевного состояния, а сегодня утром лежал уже мёртвый. Его смерть произвела на колонию «политиков» очень тяжёлое впечатление» [63]. На клочке бумаги он оставил письмо следующего содержания: «Дорогие товарищи! Пишу Вам всем вместе в последний раз. Я не могу объяснить вам подробно причин моего последнего решения.

Я хочу только, чтобы вы знали, что побудили меня к этому никоим образом не обстоятельства последних месяцев. Вопрос этот я решил ещё раньше. За последнее время, напротив, мне особенно хотелось жить, и потому рука не поднималась на последний шаг. Только за са-

мое последнее время эта жажда жизни и деятельности как-то вдруг упала, и я сделал то, чего не мог сделать раньше. Итак, прощайте все и будьте счастливы и деятельны. Если за последнее время я бывал более раздражителен и мнителен, чем раньше, а иногда и неуместно резок, то это только под влиянием совершавшейся в душе моей борьбы. Я всегда старался быть честным человеком, а насколько это мне удавалось, пусть судят те, с кем мне пришлось жить... Я хотел бы, чтобы матери моей написали, что я нечаянно убил себя, пробуя ружье, или что-либо в этом роде. В надежде, что вы исполните мою просьбу, я не оставляю матери записки. Письмо брату перешлите не офиц. Я хотел бы, чтобы меня похоронили, не анатомируя. Ну, прощайте же! Г. Гуковский» [64].

Его товарищи решили устроить кладбище для политссыльных, выбрав высокое место на берегу Колымы. Срезали кочки, дренировали участок. О кладбище Л.В. Ергина писала: «С могилы открывался широкий горизонт с видом на Колыму и её противоположный берег. Здесь нередко можно было застать Яновича, когда он, окончивши свои дневные занятия, отправлялся на прогулку. Он очень заботился о могиле, постоянно убирал её цветами. «Не правда ли, — спросил он как-то, — ведь это местоположение и природа так гармонирует с нашим положением в этом краю?» [65].

В конце июля 1900 г. произошло событие, которое потрясло всех ссыльных и жителей Колымы и вскоре стало широко известно всем. В заимке «Среднее» (Кульдино — М. К.) застрелился И.М. Калашников, не стерпев издевательств земского заседателя Иванова.

Иванов по личной просьбе в 1892 г. был принят в Якутское полицейское управление. За короткое время его усердие было отмечено начальством, он стал старшим советником. В 1895 г. был направлен в управление по уголовным делам. Но это не устраивало Иванова, и он просил якутского губернатора Миллера назначить его на одну из должностей секретаря Верхоянского или Колымского окружного полицейского управления. В мае 1898 г. Иванов был назначен секретарём Колымского окружного полицейского управления [66], где полностью проявил себя в должности земского заседателя с наихудшей стороны: проводил репрессии, своевольничал, был жесток, дикость и невежество были его постоянными спутниками.

Иван Михайлович Калашников был жизнерадостным, общительным, энергичным, деятельным человеком. О случившейся с ним тра-

гедии была помещена большая статья в ленинской газете «Искра» от 2 февраля 1901 г. «Новая драма в Якутске» (приложение 1).

О случившемся оставила своё описание Ергина. 24 июля 1900 г. на заимку «Среднее», где рыбачил Иван Калашников, приехали ссыльные Л.В. Ергина, А.Е.Орлов и Л.Ф. Янович. Не застав его, решили переночевать и на почтовой лодке вернуться обратно в город. Но пока пили чай, на заимку приехал Калашников. На приветствие друзей он не ответил, и они поняли, что с ним что-то случилось. Калашников был бледным, растерянным, с синяками и ссадинами на лице, с рассечённым виском. На расспросы он ответил: «Я болен, меня избил заседатель Иванов» и рассказал, что случилось. 24 июля, когда он направлялся к заимке «Среднее», увидел казённый паузок и обрадовался, думая, что пришли письма и газеты. Получив почту, он разговорился со знакомым казаком, которого спросил: «Разве ты нанялся работать на паузке?». Иванов, охранявший на паузке казённые грузы, оборвал Калашникова словами: «Не твоё дело, как ты смеешь разговаривать!». На что Калашников спокойно ответил: «Я не с вами разговариваю». Придя в ярость, Иванов разразился бранью, завопил: «Молчать, жид! Я тебя проучу!». И по приказу Иванова команда паузка из уголовных переселенцев и нескольких казаков сбила Калашникова и начала дикую расправу. Сам Иванов бил и топтал его ногами, затем приказал его связать [67], бросить в лодку и оставить на реке.

Рис. 23. А. А. Ергин с женой Л. Ергинной

Узнав о надругательстве над товарищем, Ергина и Янович решили срочно ехать в город, а Калашников вышел из дома и примерно через 10 минут раздался выстрел. Застрелившегося Калашникова в пустой поварне нашёл А.Е. Орлов. Как пишет Л. Ергина, когда вошли в поварню, то увидели «на полу навзничь, головой к двери лежал Калашников, возле него валялось ружье, к собачке которого была привязана верёвка; другой конец верёвки был привязан за ножку кровати, стоявшей в углу. Мы бросились к нему. На груди его тлелась рубашка от выстрела, тело было тёплое, но дыхания уже не было заметно и яркие краски молодого свежего лица понемногу сменялись могильной бледностью и холодом... смерть была моментальная. Я была страшно поражена и все ещё не верила, что он мёртв. «Нет уже его,

ушёл уж он», — сказал наш хозяин-колымчанин, заметивши, что я все ещё как будто не верю в факт смерти». На кровати лежал клочок бумажки, где было написано: «Людвиг Фомич, прошу товарищей взять Борьку на воспитание. Кровь моя падёт на голову прохвоста Иванова. Умираю с верой в лучшее будущее. И. Калашников. Пусть Борька отомстит за меня» [681].

В имеющемся деле архива ЦГА ЯАССР «Самоубийство Калашникова» в одном протоколе допросов записано, что некоторые из команды паузка, в том числе И. Попов, старались воспрепятствовать его истязанию. Они заслоняли Калашникова, но Иванов, расталкивая их, продолжал своё надругательство.

После вскрытия трупа Калашникова С.И. Мицкевич, по указанию исправника, составил протокол судебно-медицинского осмотра, в котором писал «...повреждение же на лбу описанное... могло последовать от сильного удара каблуком с гвоздём или палкой с сучком. Хотя при жизни Калашников и жаловался на сильную боль в груди от побоев, однако, кроме повреждений от выстрела, не оказалось. Но сильные удары на груди могут и не оставить никаких следов, тем более, что Калашников был в одежде. В медицинской литературе описаны случаи смерти при побое, причём не оказывалось никаких следов, смерть от шока. Вообще на основании рассказов лица, видевшего Калашникова перед смертью, и на основании результатов вскрытия представляется так: Калашников, человек вообще нервный, впечатлительный, был связан и избит, причём ему был нанесён тяжёлый удар по лбу, вызвавший кровоподтёк до кости. Оглушённый этим ударом и потрясённый, он не ел ничего со дня происшествия, разговор с товарищем расстраивает его ещё больше, и он кончает жизнь самоубийством выстрелом из берданки» [69].

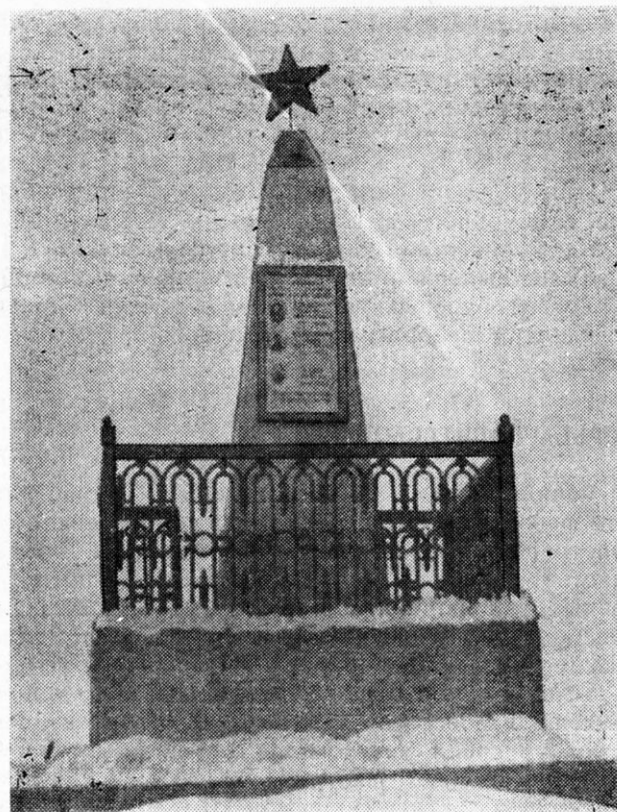

Рис. 24. Надгробный памятник политесыльным, поставленный в советский период

После похорон своего товарища ссыльные потребовали от исправника немедленно вызвать Иванова для расследования дела и отдать его под суд. Исправник, видя настроение ссыльных, отправил нарочного в Нижнеколымск к Иванову с предписанием «безотлагательно выехать в Среднеколымск». Перед отъездом из Нижнеколымска Иванов говорил: «Я знаю, что политические мне не простят за Калашникова. Пусть попробуют напасть. Я приготовил для них «закуску» и показал новенький никелированный револьвер.

Семь политссыльных (Янович, Ергин, Борейша, Егоров, Палинскнй, Строжецкий и Цыперович) решили убить заседателя, чтобы «этим показать навсегда администрации, что с ними нельзя так поступать». Устранив в этом деле С.И. Мицкевича как врача, предполагая, что будет необходимость оказания медицинской помощи, бросили жребий, кому стрелять. Первый выстрел достался А. Ергину, второй Л. Яновичу. Янович просил Ергина «уступить этот выстрел» ему, но Ергин ответил; «Ни в коем случае не уступлю. Жребий мой, и я сам выполню свой долг». 4 сентября А. Ергин выстрелом тяжело ранил Иванова. Падая, Иванов закричал: «Что вы делаете, не стреляйте!» и в то же время выхватил револьвер [70]. Ергин был арестован. В феврале 1901 г. его должны были отправить под конвоем в Якутск для судебного рассмотрения дела. В это же время ссыльные вместе с якутскими товарищами готовили ему побег. Было решено послать в Якутск молодого казака Николая Цыпандина конвоиром Ергина, который должен был отпустить арестованного под Якутском, если будет объявлено о назначении военного суда. Планировалось, что в Верхоянске Ергин останется со своим конвоиром «по болезни», а его жена поедет дальше для разведки. Так и было сделано. В Верхоянске акушерка, по словам Ергина, признала его больным ревматизмом и оставила на лечение до лета.

Жена Ергина, приехав в Якутск в конце апреля, нашла укромное место для мужа в нескольких верстах от Якутска, в селении «Бочоранцы», в избе ссыльного Манцевича, где был вырыт и замаскирован глубокий подвал. Но узнав, что суд будет не военный, а гражданский, побег Ергина отменили. В июне он прибыл в Якутск и был помещён в тюрьму. Друг Ергина К.Н. Фрелих, живший в Иркутске, вёл зашифрованную переписку с Л. Ергиной и писал В.Г. Короленко для организации судебной защиты арестованного. Короленко провёл большую работу по организации защиты — на собранные деньги был пригла-

шён адвокат. Из Якутска велась переписка с колымчанами Яновичем, Строжецким, Цыперовичем.

Зимой 1902 г. из Среднеколымска было вызвано много свидетелей, в том числе Л. Янович и С. Полинский; из Олёкминска приехали товарищи Ергина по революционной борьбе М.С. Александров-Ольминский и В.И. Брауда. Судили Ергина при закрытых дверях 22 апреля 1902 г. Кроме чиновников и 2-3 товарищей подсудимого больше никого не пустили. Прокурор не смог доказать преднамеренности преступления. Янович, как свидетель, дал исчерпывающее описание жуткого положения ссыльных Колымы, нервы его не выдержали, спазма сжала горло, он разрыдался, когда начал рассказывать о деле Калашникова. Адвокат П.Н. Переверзев также в своей речи описал картину тяжёлой жизни ссыльных, издевательства председателя Иванова над всеми ссыльными, результатом чего стало самоубийство Калашникова, опротестовал предъявленное Ергину обвинение в убийстве Иванова, как заранее предусмотренное. По приговору суда Ергину дали низкую меру наказания: четыре года тюремного заключения.

Для организации побега Яновича и Ергина товарищи из Иркутска направили в Якутск Кудрина, организатора побега ссыльных. Кудрин под видом золотоискателя просил у губернатора содействия в трудной работе геолога; так, были закуплены верховые лошади с сёдлами и все необходимое для побега. Л. Янович, чтобы проверить себя, тайно ездил верхом на несколько десятков вёрст и возвращался физически разбитым, поэтому от побега отказался. Вместо Яновича бежал С.А. Полинский, ему удалось таёжными тропами добраться до Иркутска и уехать дальше за границу. А Ергин до суда просидел два года в тюрьме и после суда отбыл два года. Манифестом 1904 г., широко применённым к политссыльным, был освобождён и в январе 1905 г. вернулся в Россию [71].

После завершения дела Ергина, ссыльные товарищи попросили врачебного инспектора Вангородского временно оставить Яновича в Якутске для лечения. Однако Вангородский удостоверил, что Янович здоров и может ехать в Среднеколымск, т.к. якутская администрация требовала его возвращения на Колыму. Вскоре товарищи нашли Л.Ф. Яновича мёртвым возле ограды Никольского кладбища — он застрелился. Нашли несколько его предсмертных писем: «...Причинами моего самоубийства, — писал Янович якутской администрации, — являются нервное расстройство и усталость, как результат долго-

летнего тюремного заключения (в общей сложности 18 лет) в чрезвычайно тяжёлых условиях. В сущности говоря, меня убивает русское правительство, так пусть же на него падёт ответственность за мою смерть, как равно за гибель бесчисленного множества моих товарищей».

«Мои милые, хорошие друзья, — писал Янович своим товарищам, — простите меня за мой эгоистический поступок, за моё дезертирство. Я знаю, как тяжело терять товарищей, знаю по тому, что сам испытывал после смерти Гуковского. И все же не могу найти в себе сил, чтобы перенести душевный кризис. Мысль отдохнуть от тревожных жизни не в первый раз является у меня, но или сил у меня было больше, или внутреннее раздвоение было слабее, во всяком случае только теперь я окончательно решил поискать вечного покоя. Если бы вы знали, как тяжело причинять вам огорчение. Уверяю Вас, что не имею больше сил жить...», Другое письмо, адресованное якутским товарищам по революционной борьбе, он заканчивал словами: «Ну, прощайте, товарищи. Желаю Вам от всей души увидеть красное знамя развёртывающимся над Зимним дворцом» [72].

О Яновиче Цыперович писал так: «Этот удивительный по своим нравственным качествам человек, полный революционной энергии, несмотря на десять лет, проведённых в Шлиссельбурге при самых ненормальных условиях, пользовался уважением не только в нашей колонии, но и вообще среди всей сибирской ссылки. Он выделялся среди всех нас своим, я сказал бы, хрустально-прозрачным сердцем, удивительной отзывчивостью к другим, безграничной чуткостью и добротой» [73].

18 марта 1904 г. в Среднеколымске рядом с Гуковским и Калашниковым был похоронен Самуил Комай — участник организации «Рабочая библиотека». Он печатал издания Польской социалистической партии. Комай более двух лет находился в Петропавловской крепости и других тюрьмах, был сослан на Колыму на 8 лет. Он протестовал против ужасного места ссылки, т. к. был серьёзно болен, но приказ не был отменен. Сразу по прибытии сильно заболевший Комай пытался покончить жизнь самоубийством, но его спасли. 15 марта он добыл большое количество морфия и отравился [74].

Так, не выдержав произвола царизма, полицейских жестокостей, суровых условий места ссылки трагически погибли первые борцы за свержение царского самодержавия.

8. БОРЬБА ПОЛИТССЫЛЬНЫХ

С начала 1900-х годов происходило нарастание рабочего революционного движения: политические стачки, демонстрации, забастовки и крестьянское движение. Царизм ужесточил репрессивный режим, росла армия ссыльных революционеров. На Колыму прибывали все новые и новые политссылные. В числе прибывших были: Будилевич И.А. — студент Московского университета, 5 лет ссылки; организовал в Якутске ученический кружок политического характера, чтобы вести нелегальную работу среди местного населения; по доносу обывателя кружок был закрыт и Будилевича доставили в Среднеколымск [75]; Вольфсон Ш. — сослан на 4 года за участие в социал-демократической работе; Бойков М. П. — 10 лет ссылки по делу Уфимского социал-демократического комитета; Букерман С. — арестован в 1904 г. в Одессе по делу Одесского комитета РСДРП; Верхогуров П. — арестован в Иркутске в 1902 г. за печатание прокламаций, сослан на 6 лет; Держановский В. — 4 года за участие в студенческой демонстрации в Петербурге; Попов Е. П. и Попова Е. Е. — были сосланы каждый на 6 лет по делу типографии «Революционная Россия»; Пружанский И. — 4 года за участие в Одесской забастовке и демонстрации 1902 г.; Рудерман Г. — полтора года за пропаганду и агитацию среди киевских рабочих; а также Бас-Мендель, Карагуляц В., Коревин, Левинсон А., Сидорович С. и другие [76]. От вновь прибывающих политссылных и поступающей почты «старики» колымской колонии узнали о работе II съезда РСДРП, создании марксистской партии, русско-японской войне и других событиях в стране, В это время в области нарастало недовольство политссылных, так как Плеве и иркутский генерал-губернатор Кутайсов приняли новые ужесточающие условия ссылки циркуляры: гнать политиков-бунтовщиков за Полярный круг, установить за ними строгий надзор, запретить малейшие отлучки с мест поселения и т. д. 18 февраля 1904 г. более 60 политссылных Якутска, собравшись в доме якута Фёдора Романова, решили оказать вооружённое сопротивление растущему произволу. Они послали якутскому губернатору письмо-ультиматум, в котором предупреждали, что если губернатор посмеет прибегнуть к насилию, то встретит вооружённое сопротивление. На случай обстрела дом превратили в баррикаду, повесили над домом красное знамя. Три недели «романовцы» подвергались осаде, три дня их обстреливали. Один был убит, трое ранены, сопротивление оказалось

бесполезным и по решению совета большинство ссыльных сдались. Суд приговорил каждого из 55 человек к 12 годам каторги [77].

За «романовцами» последовали выступления в той или иной форме по всей Якутии и в том числе на Колыме. В марте 1905 г. политссыльные Бойков, Держановский, Басс, Верхотуров и Сидорович явились с оружием в руках в Среднеколымское полицейское управление, чтобы заставить исправника отказаться от просмотра писем ссыльных. Эти события были освещены в газете «Пролетарий» в статье «Тюрьма и ссылка» (приложение 2).

Все перечисленные ссыльные были арестованы, а 1 апреля в Петербург была отправлена следующая телеграмма: «Сегодня получено от колымского исправника Николаева донесение следующем: 8 марта в присутствие полицейского управления явился за получением корреспонденции политический ссыльный Бойков, следом за ним в присутствие ворвались вооружённые ружьём и топором политические Басс и Верхотуров и заявили: мы представляем вооружённый протест и требуем, чтобы вся корреспонденция была нам выдана без просмотра, а иначе мы оказываем вооружённое сопротивление; вбежавший казак схватил Верхотурова, а исправник, увидев поднятый Бассом топор, а Бойковым направленный в него револьвер, схватил их за руки и отобрал от них заявление следующего содержания: «Колымскому окружному исправнику. Вооружённые, мы протестуем против просмотра корреспонденции, являющегося одним из частных проявлений репрессий последнего времени по отношению к политическим ссыльным. Наш протест есть продолжение борьбы, начатой якутскими товарищами в феврале-марте прошлого года. Басс, Бойков, Верхотуров, Держановский, Сидорович...» [78]. По требованию областного управления арестованные были отправлены в якутскую тюрьму для следствия и привлечения к наказанию. В обвинительном акте было указано, что они «обвиняются в том, что по предварительному между собой соглашению, зная об изданном высшею правительственною властью распоряжении, касающегося предварительного просмотра полицией почтово-телеграфной корреспонденции политических ссыльных, с целью принудить Колымского окружного исправника к выдаче им их почтовой корреспонденции без такового просмотра 8 марта 1905 г. явились с огнестрельным и холодным оружием, т. е. оказали вооружённое сопротивление» [79].

После трагических событий «Кровавого воскресения» 1905 г, на революционную борьбу поднялись миллионы рабочих и крестьян.

Царизм потерпел поражение и в русско-японской войне. У правительства не хватало сил для борьбы с революцией и, как писал В. И. Ленин, «царизм уже не в силах подавить революцию. Революция ещё не в силах раздавить царизм» [80]. В этих условиях царь был вынужден 17 октября 1905 г. подписать манифест, согласно которому, населению предоставлялись демократические свободы печати, собраний и организаций, свобода совести.

На фоне этих событий якутский окружной суд рассматривал дело политссыльных Колымы, все подсудимые по делу были оправданы [81].

Согласно манифесту, постепенно менялось отношение к политссыльные, их освобождали, и они выезжали в центральные районы. В.А. Данилов по окончании срока ссылки в 1904 г. был освобождён, но ему запрещалось жить в столицах губерний, а также в Таврической, Полтавской и Саратовской губерниях в течение 5 лет.

В 1905 г. также были освобождены и выехали: Б. Левинсон, М. Егоров, Г. Рудерман, Г. Цыперович с сыном Калашникова Борисом, взятым на воспитание, Ш. Вольфсон, И. Распутин, А. Орлов, Ф. Лихачёв [82]. Департамент полиции в апреле 1905 г. удовлетворил ходатайство вдовы политссыльного — поднадзорной Евдокии Калашниковой — об отправке её с дочерью в Якутск и выдал деньги на проезд и продовольствие [83]. В 1906г. были освобождены: С. Букерман, Ф. Коревин, И. Пружанский, В. Гарагулянц, Н. Ярцег, Ф. Филиппов, Д. Суровцев, Е. Попов, Е. Попова, Т. Акимова с двумя детьми [84].

По прибытии домой они вновь брались за революционную работу. Например, Г. Цыперович был активным участником Октябрьской революции. После революции находился на ответственной партийной, советской работе. В последние годы жизни работал ректором Ленинградской промышленной академии.

Пребывание политссыльных социал-демократов в Колымском крае имело большое значение среди местного населения. Они вели пропагандистскую, просветительскую работу среди местных русских, якутов и других народностей и, в особенности, среди молодёжи и остались в их памяти как люди светлого ума, отзывчивого сердца, боровшиеся против гнёта и кабалы.

9. ССЫЛКА 1906-1917 гг.

После поражения первой русской революции 1905—1907 гг. началась массовая ссылка в северные губернии Европейской России политических противников царизма. В 1905 г. в Восточной Сибири политссылных почти не было, так как сибирская железная дорога была занята подвозкой войск для войны с Японией, где царизм потерпел сокрушительное поражение, несмотря на массовый героизм солдат. Был подписан позорный Портсмутский мир. В.И. Ленин писал: «Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению...» [85].

С 1906 г. началось методическое подавление царизмом инакомыслящих, массовое отправление в Якутскую область активных участников революционного движения, и Колымская ссылка вновь пополнилась новыми революционерами. Особенностью этой ссылки являлось то, что она была самой массовой и что ссылные были из самых широких слоёв народных масс.

1906—1911 гг. были периодами административной ссылки, увеличилось число осуждённых на каторгу, ссылку и в тюрьмы, состав прибывавших административно-ссылных был очень разнообразным: социал-демократы, эсеры, анархисты, максималисты. С 1912 г. прибытие административно-ссылных сократилось, увеличилось количество ссылных поселенцев, осуждённых на каторжные работы. Отправляя осуждённых в Колымский край, царизм преследовал не только их изоляцию от мира, но и физическое истребление голодом и холодом. В числе административно-ссылных были: Цуганов А.С. — крестьянин, срок ссылки 5 лет [86]; анархисты-коммунисты: Бажанов А.С. — мещанин, Кузнецов А.К., Кожихов И.С., Ерыгин П.В. — крестьяне, каждый сроком на 5 лет и другие [87]. Ссылные переселенцы: Чхеидзе Г.И., Баранов И.И., Крюков П.И. — крестьяне; Верецинский В.Г., Дарьев, Цветков Г. — студенты, со сроком ссылки 5 лет [88]. Снаксарев В.А. осуждён за революционную работу на 8 лет каторжных работ, заменённой после ссылкой [89].

В октябре 1910 г. колымский исправник писал якутскому губернатору, что принятие ещё 15 политссылных вызывает затруднение, так как условия жизни крайне тяжёлые для лиц, получающих 18 руб. казённого пособия. Он сообщал, что пуд мяса стоит 6 руб., рыбы — 3-4 руб., муки — 7 руб. 80 коп., кубометр дров — 11-13 руб. Очень трудным был квартирный вопрос. Расселять ссылных в колымских

наслегах, где жители живут разбросано, местами одной, двумя юртами, невозможно. Исправник просил приостановить высылку поднадзорных и дать «распоряжение о высылке поднадзорных, исключительно профессионального ремесленничества: одного печника, одного бондаря, кроме того, 4-5 человек плотников и 2 пильщика, могущих иметь временный заработок при постройке казённых домов и амбара...» [90].

Но, не считаясь с такими трудностями политссыльные продолжали прибывать, их расселяли в Нижнеколымске, Верхнеколымске, Среднеколымске, запрещая выезд в другие места без разрешения. Для наблюдения за наиболее опасными политссыльными нанимали надзирателей. В 1907 г. в Нижнеколымске надзиратель С.И. Дудочкин вёл наблюдение более чем над десятью поднадзорными: С. Карповым, А. Ивановым, Д. Нечаевой, П. Ромовым, А. Волиной, Н. Агаповым и другими. В 1910 г. в Среднеколымске поднадзорными хорунжего В. Берёзкина были: П. Артамонов, В. Брудерер, И. Капаев, Е. Чутунов, И. Ильницкий, И. Хрулев, И. Зисман и другие [91].

По распоряжению якутского губернатора особое полицейское наблюдение велось над ссыльным Ш. Сикорским, который в 1911 г. за «буйное и порочное поведение» был переведён из Баргузинского уезда в Якутскую область, а оттуда в Колымский округ. Сикорский был осуждён и сослан за участие в убийстве министра внутренних дел Плеве, Колымского исправника обязали нанять особого надзирателя с окладом 50 руб. в месяц при водворении Сикорского в село Родчево, а если тот будет находиться в Среднеколымске, то надзор за ним поручить сотнику Березкину. В марте 1917 г. исправник писал: «За все время нахождения в ссылке во вверенном мне округе поведение было одобрительное, образ жизни вёл скромный, занимался личным трудом» [92].

В числе ссыльных находились: Васильев И.А. — административно-ссыльный, из крестьян, принадлежал к группе анархистов-коммунистов, выслан на Колыму под надзор полиции на 3 года [93]; Литвинов С.Ф. входил в Северо-Кавказскую группу анархистов-коммунистов, осуждён на 8 лет каторжных работ и 4 года ссылки [94]; Юдин Н.Г. — левый эсер, впоследствии коммунист; Зыков С.К. — вначале член РСДРП, а с 1904 по 1914 гг. — максималист, политкаторжанин [95]; Мазуркевич П.Ф. — мещанин, из группы анархистов-коммунистов, выслан под надзор полиции на 3 года; Мац О.А. принадлежал к группе анархистов-коммунистов, сослан на 5 лет [96, 97];

Гасан С.О. — ссыльнопоселенец, отправлен в 1914 г. в Среднеколымск [98] и другие.

Административно-ссыльные и ссыльнопоселенцы, чтобы заработать деньги на существование, искали работу, но не всем удавалось её найти. Некоторые ссыльные просили администрацию округа о разрешении выезда на заимки для занятий рыболовством и обеспечения себя продуктами питания. Ссыльные И. Васильев, В. Снаксарев, С. Литвинов и другие работали на строительстве радиостанции в Среднеколымске. А. Цуганов работал матросом катера «Котик». Врачами в разные годы работали В. Рено, Н. Юдин. Ссылный Г. Цветков и другие занимались научно-краеведческими работами.

В феврале 1913 г. руководители экспедиции, выезжающей для поисков мамонтовой кости и ознакомления с природой северной окраины округа просили якутского губернатора разрешить взять в свой состав «одного из наиболее подходящих для этой цели» ссыльного Н. С. Калашникова. При этом они писали: «Мы не льстим себя надеждой на то, что внесём большой и ценный вклад в сокровищницу научных изысканий о далёком полярном крае... сможем внести крупницы своих наблюдений, которые могут быть полезны». Разрешение было получено с условием «точно определить пункт округа», где будет находиться экспедиция и согласно «положению о надзоре над политссыльными... иметь ввиду особые указания в отношении названного Калашникова» [99]. Административно-ссыльные 1912—1917 гг., а также ссыльнопоселенцы, в их числе И. Васильев, С. Зыков, Н. Юдин, С. Литвинов, Гасан С.О. и другие оставили глубокий след в сознании колымчан, будили революционное сознание масс, борясь за установление советской власти на Колыме.

10. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОЛИТССЫЛЬНЫХ

Многие политссыльные, несмотря на тяжёлые жизненные условия существования, нашли в себе силы заниматься литературными, научными и другими работами, некоторые из которых внесли свой неоценимый вклад в изучение истории Колымского края и его населения.

Среди них Тан-Богораз Владимир Германович. С самого начала ссылки он занимался литературной и научной деятельностью. В числе его первых литературных работ были: в 1895 г. стихотворение «Страна моя, страна родная», в 1896 г. рассказ «Развязка», в 1897 г.

«Пьяная ночь», «На каникулах» и другие, которые были опубликованы в 1900 г. в книге «Стихотворение» и в 1910 г. в «Колымских рассказах». Были выпущены книги «Чукотские рассказы» в 1899 г., повесть «Хайлах», романы «Восемь племён» в 1902 г., «Жертвы дракона» в 1909 г. и другие [100, 101, 102]. Он изучал жизнь, быт и историю первых русских старожилов в низовьях реки Колымы, в результате чего появилась работа «Русские на Колыме», сделал доклад на заседании Императорского Русского географического общества 7 мая 1899 г. [103]. В. Г. Богораз занимался также исследованием жизни и быта малых народностей Колымского края. Йохельсон Вениамин Ильич с конца 1889 г. и после занимался тщательным изучением языка, жизни и быта юкагиров. О научных занятиях Богораза и Йохельсона было известно Академии наук и с разрешения Министерства внутренних дел они были привлечены к работе научных экспедиций. В 1894—1895 гг. оба работали в большой Сибиряковской экспедиции, организованной Восточно-Сибирским отделением Русского географического общества по исследованию быта инородцев Якутской области. В. Г. Богораз исследовал кочующие народности: чукчей, чуванцев, эвенов и русских на Колыме. В.И. Йохельсон изучал жизнь и быт якутов, юкагиров и тундровых эвенков Колымского края [104].

После освобождения из ссылки В.Г. Богораз и В.И. Йохельсон участвовали в Северо-Тихоокеанской экспедиции, снаряжённой американским Музеем естественных наук в Нью-Йорке, на средства президента музея Дрезупа. В 1899 г. Академия наук обратилась в Министерство внутренних дел с просьбой оказать В.Г. Богоразу и В.И. Йохельсону возможную помощь в их научной работе. Им были выданы открытые листы такого содержания: «Предписывается местам и лицам, подведомственным Министерству внутренних дел, оказывать предъявителю сего всякое законное содействие к исполнению возложенных на него поручений.

Дан сей лист (были указаны фамилии, имена и отчества Богораза и Йохельсона — М. К.) отправляющемуся в составе экспедиции Нью-Йоркского музея естественных наук на крайний северо-запад Америки и северо-восток Азии, для исследования инородцев: чукчей, коряков, юкагиров и составления этнографических коллекций для музея Императорской Академии наук, за подписанием моим и приложением казённой печати. В Санкт-Петербурге, ноября 17-го дня 1899 г.» [105].

Одновременно Министерство внутренних дел отправило секретное указание иркутскому губернатору не оказывать им какого-либо содействия по возложенным на них научным работам, учредить негласное наблюдение за их действиями.

В.Г. Богораз и В.И. Йохельсон объехали с этой экспедицией северную часть Камчатки, Гижигинский и Анадырский край, Чукотскую землю. Собрав богатейший материал по антропологии, этнографии, фольклору, быту народов Севера, они опубликовали свои работы: «Отчёт об обследовании Чукотско-Колымского края», «Ламуты» (из наблюдений в Колымском крае), «Очерки материального быта оленьих чукоч», «Чукотские рисунки», «К психологии шаманства у народов Северо-Восточной Азии» и другие работы Богораза; «К вопросу об исчезнувших народностях Колымского округа», «По рекам Ясачной и Коркодону», «Предварительный отчёт об обследованиях инородцев Колымского и Верхоянского округов», «Очерки зверопромышленности и торговли мехами», «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора» и другие работы Йохельсона [106].

Серошевский Вацлав Леопольдович за время пребывания в Колымской ссылке (1883-1885 гг.) занимался литературной работой и написал повесть «На краю лесов», где подробно описал весеннюю голодовку якутов Колымского улуса; рассказ «Предел скорби» — из быта прокажённых; «Хайлах» — об уголовных ссыльных; «Чукчи», «В сетях» и другие. В этих сочинениях он использовал собранные им на почтовой станции Андылах, урочище Енжа и в Среднеколымске материалы, кроме того, он занимался изучением образа жизни и этнографии якутов, описанием пушных зверей и животных округа, охоты, рыболовства. Он был автором известного большого труда «Якуты», где дал полное подробное описание традиционного быта якутов, внеся этнографические исследования по Колымскому округу [107, 108, 109].

Людвик Фомич Янович заведовал библиотекой политссыльных и занимался изучением истории, географии и особенно статистических данных о развитии Польши. О нем Л. Ергина писала: «Статистика — моя слабость», — сказал он, застенчиво улыбнувшись, и тут же показал нам свои материалы: толстые тетради, исписанные мелким чистым почерком: мелкие изящные цифры, расположенные таблицами, покрывали целые страницы. Мне показался этот материал сухим, но для Людвика Фомича эти цифры и факты жили, для него они освещались одной руководящей идеей борьбы за социализм». Янович за-

кончил большую статистическую работу, часть которой была опубликована после его смерти в 1902 г. в научном обзоре «Очерк развития польской промышленности». Кроме того, в польском журнале «Экономист» в 1905 г. были напечатаны «Статистические таблицы царства Польского» [110],

Шкловский Исаак Владимирович (Динео) занимался изучением Колымского края. В «Очерках крайнего северо-востока Сибири» (Колымский округ) он обрисовал экономическое положение русского населения (рыболовство неводом, сетями, расходы на их приобретение, собачий транспорт). В разделе «Торговля» писал о численности населения, его занятиях, источниках питания; о доставке товаров купцами из Якутска, организации торговли на местах и на Анюйской ярмарке, спекуляции среди чукчей и других народностей. Писал об уголовно-ссыльных, называемых якутами «хайлахи», которые находились на полном бесплатном содержании у якутов, об уголовных преступлениях и издевательствах над якутами и другими людьми. В очерках дал описание населения на берегах Колымы, осевших в городе, церковно-приходских школах, фактически не дававших знаний детям [111].

Данилов Виктор Александрович — в первый же год на месте назначенного постоянного поселения в Родчеве выстроил юрту, женился на якутке, на её средства купил коров, завёл молочную ферму и снабжал молочными продуктами колонию ссыльных. Завёл неплохие отношения с купцами, брал у них товары в кредит, открыл магазинчик и стал продавать товары по дешёвой цене. Кирпичный чай стоил 3 руб., а Данилов продавал по 1 руб. с копейками, дёшево шёл табак, ситец, медная посуда и другое. Он писал: «На торговлю свою я смотрю как на одно из средств помощи бедным и облегчения их нужды и веду её бескорыстно. Жить торговлей я не могу. Это для меня также предосудительно, как брать взятки для господ, служащих на государственной службе. Бросить торговлю я не могу, пока не будет казённой, правильно установленной торговли. Это для меня также предосудительно, как часовому покинуть пост, не дождавшись правильной смены. Пока хватит сил, я буду стоять на своём посту и защищать бедняков» [112]. В. А. Данилов жил в юрте, носил якутскую одежду, изучил якутский язык [113]. Он написал книгу «Особенности психического мира якутов Колымского округа» [114].

Рожновский Казимир Францевич в 1905 г. принял участие в экспедиции Министерства внутренних дел под руководством А. С. Бутур-

лина по обследованию Колымского края в продовольственном отношении и поисках наиболее лёгкого пути для снабжения населения необходимыми продуктами и орудиями промысла, Рожновский работал в неизученном и неизвестном районе реки Алазеи, тщательно собрал и изучил материалы, показывающие экономическое, а в особенности продовольственное, положение населения. Он разведаль путь сообщения вдоль долины Алазеи и старый торговый путь с Булуна на Колыму. Представленный отчёт об Алазейской части Колымского округа был опубликован в книге А. С. Бутурлина [115, 116].

Г.В. Цыперович, Х.М. Полярков, Л.В. Ергина и другие в своих книгах и статьях описывали тяжёлые условия Колымской ссылки, различных по партийной принадлежности и политическим взглядам политссыльных, их творческую и духовную жизнь; идеологическую борьбу народников и первых представителей социал-демократов; стремление политссыльных изучить жизнь местного населения и дать ему свои знания,

Некоторые книги политссыльных издавались без указания автора. Так, в декабре 1892 г. в Санкт-Петербурге Академией наук была выпущена брошюра «О последних днях путешественника по Сибири И. Д. Черского». Позднее стало известно, что она была написана политссыльным Шаргородским. В 1895 г. в Москве была выпущена книга «Под Северным полярным кругом. Очерки Колымского края Якутской области», где описывалось тяжёлое экономическое положение якутов, их образ жизни/мучительный путь из Якутска до Среднеколымска, тоже без автора, В 1897 г. в Иркутске вышла книга автора Н-ъ «Очерки Колымского края», фамилию которого не удалось расшифровать.

Многие политссыльные занимались разведением огорода, получали неплохой урожай, пытались приобщить местных жителей к огородничеству. В этом отношении особо выделялся Д. Я. Суровцев, убеждая якутов, что в их интересах, кроме скотоводства, заняться огородничеством и земледелием, В. Данилов, С. Полянский, Т. Акимова, Г. Цыперович, В. Держановский, Ш. Вольсон, И. Будилович, М. Бойков, И. Распутин и другие вели метеорологические наблюдения в ряде пунктов Колымского края.

Мицкевич С.И. с самого начала пребывания на Колыме переписывался с В.И. Лениным и получал от него литературу, узнавал новости партийной жизни. Это видно из письма В.И. Ленина к М.И. Ульяновой 4 сентября 1898 г.: «Насчет пересылки книг Сергею Ивановичу дол-

жен сказать, что не знаю, где он. Может быть, уже в Среднеколымске» [117]. 14 декабря 1900 г. из Мюнхена В.И. Ленин писал Ульяновой: «Письмо от С.И. получили, помнится, извещал уже тебя об этом» [118]. По конспиративным соображениям письма В.И. Ленина к С.И. Мицкевичу не сохранились.

Деятельность С.И. Мицкевича на Колыме была сложна и разнообразна: медицинская работа, строительство больницы и приюта для прокажённых, научная работа, помощь голодающим, борьба с эпидемиями, корреспонденции в сибирскую периодику о притеснениях, чинимых начальством местному населению. С первых же дней он получил доверие и уважение больных. В течение 92 дней он проехал около 5000 вёрст на лошадях, оленях, собаках и лодке для ознакомления с населением края, его бытом, болезнями и оказанию помощи больным. Был в самых отдалённых уголках, там, где вообще не бывало врача, заходил в отдельные заброшенные юрты, где находились прокажённые. С. И. Мицкевич близко сошёлся с местным населением, научился свободно разговаривать по-якутски.

В 1900—1903 гг. он написал около 20 статей, где писал о тяжёлой жизни местного населения, подсказывал, как можно организовать помощь. Эти статьи печатались в иркутской газете «Восточное обозрение», в газете «Русские ведомости», в журнале «Русское богатство» [119].

Возвращаясь из ссылки, С. И. Мицкевич сделал доклад в Иркутске в Восточно-Сибирском отделении Географического общества «4 года врачебной деятельности за Полярным кругом в Колымском округе Якутской области», где рассказал о тяжёлом положении населения, об его образе жизни, привёл статистические данные о больных проказой и других болезнях [120].

Результаты своих научных наблюдений над нервными больными С.И. Мицкевич обобщил в монографии «Мэнэрик и эмиряченье. Формы истерии в Колымском крае», которая была издана Академией наук СССР в Ленинграде в 1929 г.

Мицкевич полюбил Колымский край и его жителей и в книге «Записки врача-общественника» писал: «...Я успел сродниться с этим краем и полюбить его суровую природу, его население, такое несчастное в то время; воспоминания об этом крае и любовь к нему остались у меня на всю жизнь» [121]. В связи с отъездом Сергея Ивановича с Колымы участники улусного собрания тепло его провожа-

ли, пожелали ему счастливого пути и от имени всех жителей-якутов вручили благодарственный адрес (приложение 3).

После возвращения из ссылки С.И. Мицкевич вёл революционную работу в Москве, Нижнем Новгороде, Саратове, сотрудничал в большевистских газетах. В 1918 г. работал в Московском отделе народного образования. В годы гражданской войны был помощником начальника санитарной части Южного, а затем Юго-Западного фронтов. С 1921 г. работал на профсоюзной работе. В 1924—1934 гг. был директором Государственного музея революции. Позднее занимался литературной деятельностью [122].

Глава 5

КУЛЬТУРА

Духовное и социальное развитие народностей Колымского края, находившихся в стадий патриархально-родового строя, развивалось медленно. В основе материальной и духовной культуры находился их упорный труд по освоению и покорению сил природы сурового Севера. Вхождение Колымского края в состав Русского государства сблизило народы Севера с великим русским народом и его высокой культурой, оказало положительное, благотворное влияние на их жизнь и культуру.

1. МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Общеизвестно, что люди начинают жизнь с производства материальных благ, ибо только они обеспечивают человеку удовлетворение его жизненных потребностей. Для производства материальных благ народы Колымского края развили у себя рыболовецкие, охотничьи и оленеводческие типы хозяйств с территориально-этническим его размещением.

Рыболовецкие хозяйства создавались вблизи речных бассейнов с изобилием рыбы, богатых нерестилищами, кормовыми угодьями. Рыболовством занимались в основном юкагиры и частично эвены и эвенки.

Охотничьим хозяйством занималось преимущественно население таёжной зоны, значительно меньше — тундры и лесотундры, юкагиры, эвены и эвенки.

Оленеводческие хозяйства были распространены в тундровой и лесотундровой зоне, наиболее богатой пастбищами. Оленеводством преимущественно занимались чукчи и частично юкагиры, эвены и эвенки.

Были и смешанные типы хозяйств: рыболовецко-охотничьи, охотничье-олeneводческие, оленеводческо-рыболовецкие. Ведущее направление производства определяло образ жизни населения — оседлый и кочевой. Там, где главным жизненным ресурсом являлись рыбные богатства, население вело оседлый образ жизни. Кочевую форму хозяйствования в тундровой и лесотундровой зоне вели народы, имевшие одомашненного оленя, находящегося круглый год на подножном корме и требующего постоянных передвижений в поисках лучших выпасов, откорма и отёла [1].

К моменту прихода русских народы Колымского края находились на крайне низком уровне развития, на самых примитивных формах материальной культуры [этнографические описания научных экспедиций Г.А. Сарычева (1787-1792 гг.), Ф.П. Врангеля, Ф.Ф. Матюшкина (1820-1824 гг.)]. Материалом для изготовления орудий труда служили: камень, кость, рога, дерево; для пошива одежды и обуви — звериные шкуры. Широко бытовали сооружения из шкур, долблёные и кожаные лодки. Костер был единственным источником отопления и освещения. Орудия труда определялись характером занятий. Конечно, в сравнительном плане эти элементы культуры можно рассматривать как примитивные, но они являлись своего рода замечательным завоеванием в условиях сурового Севера. Высокая изобретательность в устройстве своей жизни выработала исключительно приспособленные к условиям Севера формы культуры.

Ф.Ф. Матюшкин писал: «Берега обоих Анюев обставлены бесчисленным множеством ловушек, силков, кляпцов и пастников всякого рода для соболей, росомх, лисиц, белок и горностаев, которые, несмотря на постоянное преследование их с незапамятных времён, все ещё водятся здесь в большом изобилии... Расположение и устройство ловушек, делаемых обыкновенно только при пособии топора из дерева без всякого железного скрепления, чрезвычайно разнообразны, и некоторые из них весьма сложны и отчётливо обдуманый механизм заслуживает удивления» [2],

Примитивная форма жизни народов проявлялась во всем — жилище, пища, одежда и других элементах материальной культуры. Жилища юкагиров называли чандалами — подземной юртой, зем-

лянкой русского типа. В конце 1780 г. в низовьях Колымы Г.А. Сарычев сделал раскопки древних жилищ — чандалов. По его описанию они были сделаны поверх земли и казались круглыми, в диаметре сажени три. «По разрытии земли в середине нашли кости тюленьи и оленьи, а также много черепьев от разбитых глиняных горшков и два каменных треугольных ножа» [3].

Рис. 25. Поселение юкагиров

Помимо чандалов юкагиры в древности жили летом в шалашах конической формы, напоминающих чум, но с закруглённым верхом без дымового отверстия. Строительным материалом им служили тальники, куски дёрна или шкуры дикого оленя. Зимой юкагиры предпочитали полуземлянку — шалаш, сделанный из тонких брёвен, крытых дёрном, врытый наполо-

вину в землю [4], Распространены были самые разные самобытные жилища. Жилище оседлых строилось из брёвен, плах, жердей, коры, дёрна. Потолок отсутствовал, пол был, обычно земляной. Стекла в окнах заменяла рыба́ья кожа, пузырь оленя, кишки медведя, береста и лёд. Жилищем кочевавших был разборный чум, приспособленный для условий кочевого быта. Постоянное передвижение требовали его лёгкости и простоты. Весь материал состоял из жердей и покрышек из оленьих шкур или бересты, Окон не было, а пол был земляной.

Наиболее распространённым способом отопления и освещения у оседлого и кочевого населения являлся обычный костёр, расположенный посредине жилья под дымовым отверстием, со специальным приспособлением для приготовления пищи. Оседлые таёжной зоны пользовались также примитивными печами из жердей и глины, называемыми чувалами [5].

Со второй половины XVIII в. юкагиры стали пользоваться «зимовьями», которые представляли собой небольшие срубы с плоской крышей без потолка и с окошком, в которое вставлялась тонкая льдинка. Пол в доме заменяли ветки хвойных деревьев. Посредине разводили костёр, в крыше для выхода дыма оставляли продушину, при необходимости её закрывали. Три четверти дома занимали нары, на которых юкагиры сидели и спали. Такой вид юкагирского зимовья сохранялся и на рубеже XIX—XX вв., но вместо костра появилась жестяная или глиняная якутская печь. В таких жилищах жили без-

оленные юкагиры. Кочевые юкагиры-оленеводы пользовались чумами подобно эвенкам и эвенам [6]. Чукчи жили в больших чумах-шатрах, описание которых дано во второй главе в разделе «Чукчи».

Преобладающими продуктами питания населения были мясо и рыба. Мясо домашнего оленя составляло основную пищу чукчей, эвенов, эвенков, тундровых юкагиров и употреблялось в большом количестве. В пищу шли все внутренности: костный и головной мозг, глаза, жилы и хрящи, наружные части копыт, мягкие молодые рога (их поджаривали на костре), содержимое желудка. Из оленьего желудка чукчи выжимали полупереваренный ягель, пропускали через сито и варили из него с салом и кровью похлёбку и ели в остывшем виде; кровь употребляли свежую, а также заквашивали её впрок в кожаных мешках, добавляя листья. Эвенки делали из содержимого желудка «колбасу». Наполняли желудок кровью, коптили его над костром, разрезали спёкшуюся массу вместе с желудком на части и ели их как лакомство. У охотников в пищу шло мясо диких оленей, лосей (сохатых) и некоторых пушных зверей.

Широко распространена была у всех народностей, особенно у оседлых, рыбная пища. Потребность в растительной пище удовлетворялась дикорастущими травами, ягодами и кореньями.

Главным «обработчиком» продуктов служила природа: солнце, ветер, холод, а также дым очага или костра. Было распространено сушение мяса и приготовление вяленой рыбы-юколы. Главным материалом для изготовления обуви и одежды населения служили шкуры домашнего оленя и других диких животных и зверей с меховым покровом и без него. В тундре носили сплошную, глухую «круглую» одежду, а в тайге пользовались открытой, распахной «расколотой». Наиболее распространёнными были длинные рубашки-«балахоны» из оленьего меха [7].

В XVII—XIX вв. в результате тесных взаимоотношений между собой, одежда народностей стала совпадать в моделях пошива и украшениях. Одежда тундровых юкагиров по набору вещей и покрою была схожа с эвенской. Она состояла из нижней шубы (кафтана) без украшений, мехом внутрь, верхней шубы (кафтана), мехом наружу, расширенной на спине треугольными клиньями, нагрудника, расширенного бисером, и подшейным оленьим волосом. Под шубу надевались штаны мехом внутрь. Одежда состояла ещё из рукавиц, чепчикообразной шапки, меховых чулок и камусовых унтов. Мужская и женская одежда имела единый покрой, но различалась по отделкам и укра-

шениям. Полы и подолы женских шуб (кафтанов), шапки, нагрудники богато расшивали бисером, подшейным оленьим волосом. Вместо пуговиц пришивали тесёмки из ремешков. Одежда таёжных юкагиров не отличалась от традиционной одежды эвенов. Самобытной юкагирской одежды было немного; на их зимнее одеяние большое влияние оказала чукотская одежда. Чукотские «кукашки» (кухлянки)— меховые рубашки одевали в середине XVIII в. тундровые, а позже верхнеколымские юкагиры. Кухлянки и камлея — кожаный футляр предохраняли их от замерзания. Со второй половины XIX в. юкагиры одевали уже русские пиджаки, рубашки, платки, якутские торбаса (меховые сапоги) [8]. В начале XX века, с приходом первого парохода на Колыму, все народности начали заниматься пошивом самодельной одежды из привозных тканей, главным образом, из хлопчатобумажных.

У северных народов были развиты различные отрасли домашнего производства, неразрывно связанные с оленеводством, промыслами и местными ресурсами (преимущественно растительными). Кроме одежды, обуви, покрытия для жилья из оленьих шкур делали ремни, упряжь, арканы, дорожные сумы, коврики. Обработка шкур представляла длительный и сложный процесс: обезжиривание, размягчение и дымление. Обработанная шкура становилась прочной и более устойчивой к сырости. Широко использовались и разные внутренние органы животных (желудок, пузырь, кишки и другое), которые служили материалом для пошива одежды и обуви и сосудами для хранения разных продуктов (крови, жира и прочее). Из рогов, костей и клыков делали разнообразные предметы хозяйственного и бытового обихода. Обработанное дерево шло на изготовление лодок, долблёных корытцев, чашек, ложек, подносов и многих других полезных вещей. Там, где росла берёза, занимались выделкой бересты, шедшей на изготовление тисок, которые служили покрытием для жилья и имущества. Из берёзы делали разнообразную по форме и назначению утварь и посуду [9].

Якуты до начала XX в. вели полуоседлый образ жизни, перекочёвывали с зимников на летники и обратно, ведя меновую торговлю со всем местным населением. Старинным жильём якутов была прямоугольная деревянная юрта или балаган со слегка наклонными внутрь стенами. Летом жили в разборном урасе. Деревянными изделиями пользовались издавна: делали разные коновязи — сэргэ, домашнюю мебель, сосуды для кумыса — чороны, черпаки, миски, лож-

ки. Была и берестяная посуда, коробки, туеса, укладки с украшениями накладной берестой, сплётки из конского волоса. С XVIII в. изготавливали из мамонтовой кости гребни, ручки для ножей, украшения и другие изделия.

По описанию политссыльного, в конце XIX в. у якутов верхняя одежда почти всегда делалась из оленьих шкур. Рубахи и нижнее белье мужчины носили из ситца, но обычно из ровдуги, т.е. из вымятой, очищенной от шерсти оленьей шкуры. У женщин были коротенькие, до пояса, рубахи из ситца, платье без пояса всегда немаркого синего цвета. У мужчин летние суконные картузы с козырьком, у женщин на голове платки, у некоторых имелись серьги и кольца [10].

Совместное проживание коренных жителей и якутов с русскими постепенно привело к развитию их материальной культуры. Уже со второй половины XVII в. от русских торговых, служилых и промышленных людей население стало получать более совершенные орудия производства: железные ножи, топоры, наконечники копий, медные котлы, иголки, мануфактуру, огнестрельное оружие, усовершенствованные самолосы и крючковые снасти. Смешанные браки русских с малыми народностями и якутами способствовали укреплению экономических и культурных связей.

Большие изменения произошли в формах строительства жилищ и построек, в быт входила металлическая и глиняная посуда, заметно изменился тип и покрой одежды якутов, появилась усовершенствованная коса-горбуша, а впоследствии — литовка. В рыболовстве, благодаря русским, появились неводы, сети, новые материалы для выделки снастей, плавучие транспортные средства, поступали новые продукты питания, утварь. Но, несмотря на положительное влияние русских на развитие материальной культуры, народы Колымского округа оставались самыми отсталыми в экономическом развитии. А экономической отсталости соответствовала и культурная отсталость.

«Для того, чтобы быть культурными, — писал В. И. Ленин, — нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база» [11].

2. ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА

Роды и племена народов Колымского края имели узкий круг представлений об окружающем внешнем мире, их духовная жизнь отра-

жала чрезвычайную отсталость условий жизни и трудовой деятельности в той природной обстановке, среди которой они находились, существуя в постоянной борьбе с суровой природой, они накопили значительный опыт выживания и познания окружающей среды.

Юкагиры, подобно эвенкам, год делили на 13 лунных месяцев, затем, под влиянием христианства, год уменьшился на один месяц. Начальник географической и астрономической экспедиции 1787—1792 гг. Иосиф Биллингс убедился в этом, побывав у нижнеколымских юкагиров. Верхнеколымские юкагиры делили год на 6 периодов:

1. **Зима** — от Михайлова дня (8 ноября) до Сретенья (2 февраля);
2. **Первая весна** — от Сретенья до Егорьева дня (23 апреля);
3. **Вторая весна**, также **таянье снегов и наст** — от Егорьева дня до вешнего Николы (9 мая);
4. **Третья весна** — от таянья снегов до Акулины-комарницы (13 июня);
5. **Лето** — от Акулины-комарницы до Рождества Богородицы (8 сентября);
6. **Осень** — от Рождества Богородицы до Михайлова дня (8 ноября).

Как и эвены, счёт лунных месяцев юкагиры вели по суставам пальцев правой руки до первых суставов пальцев левой руки [12].

В силу жизненной необходимости коренные жители становились отличными следопытами, знатоками-«топографами» районов своей деятельности и кочевий, имели правильные представления об окружающей природе. Люди хорошо знали животный и растительный мир, природу края и обладали различными приметами об изменении погоды. Научились заранее определять время замерзания и вскрытия рек, наступления дождей и снегопадов, изменения направления ветра, суровый или лёгкий характер будущей зимы.

Таёжные и тундровые охотники-оленоводы имели свою географическую координацию и передавали её из поколения в поколение, определяя своё местонахождение по солнцу или звёздному небу. Для передачи мыслей, событий на расстояние юкагирам, эвенкам, эвенкам и чукчам служило весьма ограниченное изобразительное письмо и условные знаки — своеобразные иероглифы. Это были примитивные географические карты, имевшие большое значение для первых землепроходцев, экспедиций и исследователей.

В начале 1900-х гг. В.И. Йохельсон писал: «Юкагиры наносят на карту только те места, которые они сами видели и хорошо знают, но в своих чертежах они обнаруживают сознательное представление о взаимном расположении рек, озёр, гор небольшого участка земли им знакомого, и знание стран света. Таким образом, эти чертежи маршрутов можно рассматривать как зародыш географических карт» [13, 14].

Сведения о картах, составленных народами северо-восточной Сибири, сообщил известный этнограф Б.Ф. Адлер. В его труде «Карты первобытных народов» имеется описание карт народностей Колымы, об одной карте-письме юкагира Б.Ф. Адлер писал: «На реке, впадающей в Колыму, изображён заездок на Колыме, а затем и на Коркодоне представлены юкагирско-якутская ураса, лодки, челнок». О другом юкагирском рисунке-карте реки Колымы и её притоках он писал, что она «является настоящей картой и изображает реку Колыму и её притоки. Из рисунка видно, что сперва была нанесена главная река с её излучинами, а затем к ней уже были приставки: таким образом, их устья явились перегороженными... Кроме рек условно нанесены хребты гор». О другой юкагирской карте «Река Колыма и её притоки» Адлер отзывался так: «Карта может служить прекрасным примером специальной карты: при проверке на ней оказалось явное представление о взаимоотношении разных рек, озёр, гор и их правильное расположение по сторонам света. Эта маршрутная карта может с полным правом называться настоящей географической картой» [15].

В Верхнеколымске были найдены рисуночные письма на бересте, имеющие весьма важное значение для древней культуры юкагиров. Йохельсон писал: «Письмена распадаются по форме на любовную переписку при помощи условных изображений человеческих фигур, настоящее иероглифическое письмо, при помощи действительных изображений предметов, и на чертежи маршрутов по рекам, которые можно рассматривать как зачатки географических карт» [16].

Юкагирские девушки при помощи рисунчатого письма на бересте, называемого по-юкагирски «тос», выражали свои любовные чувства. Рисунки делали специальным ножом с заострённым кончиком на свежесодранной, без рубцов и «раковки», бересте. Изучавший юкагирские письма политссылный С.М. Шаргородский писал, что

юкагирское «письмо-тос — единственно дозволенное девушке средство для признания молодому человеку в любви...» [17].

Юкагиры оставляли тосы с изображением своего маршрута и прятали в условленном месте. По ним находили их другие народности. Юкагиры оставляли тосы и при возвращении с промыслов, где сообщали об обстановке в пути и другие важные сведения,

Изоляция края подразумевала под собой и языковую изолированность. Важные языковые изменения произошли после вхождения Колымского края в Российское государство и постепенного знакомства с русским языком. Возникло много новых слов, связанных с орудиями труда, средствами сообщения, разными продуктами потребления. Постепенно происходили процессы языковой ассимиляции, связанные с внедрением разнообразных элементов русской народной культуры и многочисленными смешанными браками [18].

В XVII и в первой половине XVIII в. юкагирский язык был распространён по всей Колыме, Алазее и её притоках. Со второй половины XVIII в. он стал постепенно смешиваться с языками русских, якутов и других народностей. В конце XIX в. на чисто юкагирском языке говорили только по рекам Ясачной, Коркодону, часть омолоно-юкагирского рода (человек 25). На тундровом наречии юкагирского языка говорили четыре тундровых рода Колымского округа [19].

К началу XX века нижнеколымские юкагиры почти не разговаривали на чисто юкагирском языке. Прежний юкагирский язык сохранился лишь у эвенов. На Алазее эвены знали юкагирский язык, а юкагиры не все знали эвенский. Только верхнеколымским юкагирам удалось сохранить свой язык, несмотря на «обручение», «объякутивание» и т. д. [20].

Устное народное творчество было представлено разнообразными жанрами — мифами, былинами, преданиями, сказками, песнями, загадками, пословицами. В них

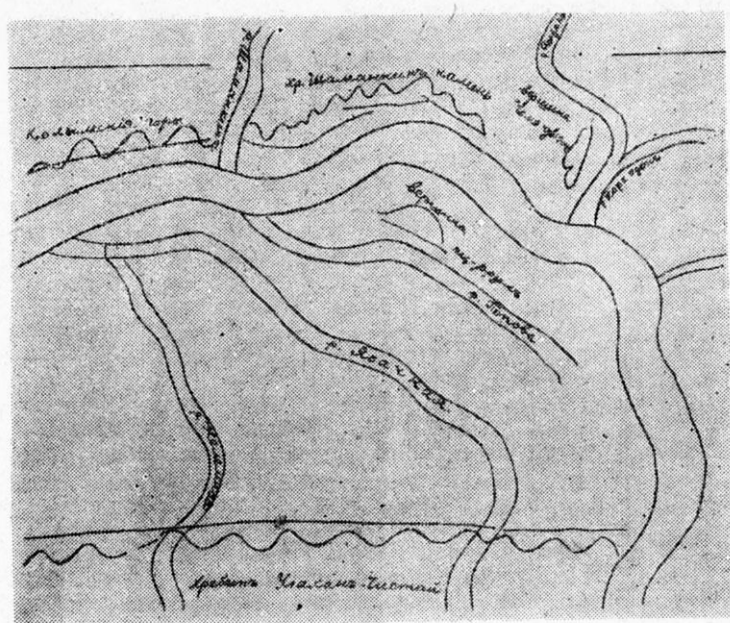

Рис. 26. Карта р. Колымы и ее притоков. Работа юкагира

люди выражали свои думы, чувства, заветные стремления.

В.И. Йохельсон, высоко оценивая народное творчество верхнеколымских юкагиров, считал, что очень мало сказок можно назвать произведениями исключительно юкагирского фольклора. Этнографы сделали заключение, что сюжеты большинства сказок тундровых юкагиров заимствованы из фольклора якутов, русских и других соседних народов. Так, находчивый хитрец якутской сказки Чарчахан бытует в юкагирском фольклоре: юкагирский Чарчахан своей хитростью обманывает не людоеда, а проезжих купцов, становясь обладателем их богатств. Сюжет другой сказки юкагиров схож с сюжетом русской «Сказки о царе Салтане». Действующими лицами юкагирских сказок были цари, начальники, казаки, священники, князцы и другие должностные лица, о которых юкагиры слышали только после прихода русских. В народных сказаниях показаны картины кочевой жизни тундровых юкагиров, которые не знали и не имели лодок, и герои их сказок преодолевали реки и озера вплавь или при помощи какого-либо волшебства. В записанных сказках большое место занимают рассказы о поисках пищи, борьбе за существование [21].

С глубокой древности юкагиры имели свой национальный народный танец — художественное отражение разнообразных сторон их жизни: трудовые навыки человека, эмоциональные впечатления от окружающего мира. Юкагирские танцы посвящались размножению и забою скота, явлениям растительного и животного мира, удаче в охоте, рыболовстве и т. д. [22].

В духовной жизни якутов Колымского улуса большое место занимало устное творчество, особенно богатырский эпос — олонхо. Загадки и пословицы отражали трудовой опыт якутов, возвышали и украшали жизнь народа, задавленного нуждой, гнетом царизма, тойонов и купцов. В легендах и сказках правда всегда брала верх над злом и насилием. Умный и смелый бедняк побеждал богачей и чиновников. Эпические поэмы-олонхо содержали отдалённые отзвуки прошлого якутского народа. Якут-сказитель был знатоком истории своего народа.

Собиратель исторического фольклора якутов С.И. Боло оставил записи легенд и преданий о племенах, населявших Колымский округ, а также старинных героях сказок и переселенцах-якутах из центральных районов по рекам Индигирке и Колыме — Өрөк-Чөрөк, Хаһыылар, Бордуулаах, рассказы о событиях межродовых войн. Он записал пять оригинальных северных олонхо, много сказок, песен, скороговорок, загадок и прочее. С.И. Боло также оставил записи о за-

селении якутами района Колымы и тексты, сюжеты, отрывки богатырского эпоса «Олонхо» [23].

Фольклор народов Колымы получил дальнейшее обогащение под влиянием русских сказок, песен и былин. Русские люди и народности Колымы жили в одинаковых условиях, имели общие интересы и страдали от одного и того же — гнёта царского самодержавия. При таких условиях прогрессивное влияние культуры русского народа на народы края и якутов было не односторонним, а взаимным. Юкагиры, якуты и другие народы в свою очередь оказали духовное влияние на русских колымчан. Как считал Богораз, язык русских колымчан был с окающим наречием, по словарному составу совпадающий с областным наречием Архангельской и Олонецкой губерний.

В Нижнеколымске было распространено своеобразное произношение, до такой степени изменяющее речь, что приезжие понимали их с большим трудом. Среди среднеколымских русских было заметно некоторое влияние якутского языка.

Богораз считал, что колымчане очень музыкальны и певучи. В каждом посёлке во время вечорки составлялся оркестр из 3—4 человек: играли на балалайке и самодельной скрипке из берёзовых дощечек с волосяными струнами. Среди русских колымчан были сотни песен самого разнообразного содержания [24]; отрывки богатырских былин, современных опер, песни старинного происхождения. Вечорку заключали хороводные песни, свадебные, казачьи, разбойничьи, семейные и другие.

С.И. Боло сделал 27 записей песен, частушек, сказок русских старожилов-колымчан [25].

3. ВЕРОВАНИЕ

Верования были связаны с попытками объяснить различные явления природы. Помимо реальных знаний отсталые в культурном отношении невежественные люди не могли объяснить природных явлений, постигавших их бедствий и болезней, вечного гнёта нужды. Бессилие и страх были их жизненными спутниками. Отсюда — широкое распространение веры в духов. Духи были добрые и злые, они постоянно враждовали между собой. Люди верили, что добрые духи помогают им добывать промысловых животных, сохранять и умножать олени стада. Злые же причиняли вред: отгоняли зверя и рыбу, вызывали падеж оленей, вселялись в человека, принося болезни и

смерть. Возникали различные обряды, обычаи, суеверия, связанные с хозяйственной деятельностью, многие из них сопровождались жертвоприношениями.

У чукчей были праздники: осенью — убой неполно-шёрстных оленей, весной — праздник рогов, зимой — пожертвование звёзд (Альтаир считалась прародительницей чукотского племени). Праздники сопровождались различными обрядами, приношениями в жертву оленей, собак, а также символических фигурок из жира, тёртого мяса, похлёбки из крови; были и другие обряды — кормление огня, поминки покойных, пиршество после крупной добычи на охоте и т. д. [26].

Юкагиры выше всего почитали солнце и обращались к нему со словами: «Солнце-мать! Твоим теплом нас согрей, питание твоим теплом нам дай! Откуда бы то ни было приходящее зло, в другую сторону направь!». От огня верхнеколымские юкагиры просили: «Огонь-бабушка, худое если будет, в другую сторону отведи, хорошее если будет, сюда затвори». Юкагиры считали, что их судьба зависима от воды и при ледоходе в Верхнеколымске «дарили детям хозяина реки» подарки и просили: «Вода-мать, нам еды давай. На своей поверхности нас хорошо води. Эти для твоих ребят игрушки возьми...» [27].

Юкагиры считали огонь важнейшей силой природы. Таёжные юкагиры огонь представляли в образе «бабушки», а тундровые — в образе «дедушки», их «кормили», бросая в огонь кусочки еды, щепотку табаку или чая. Медведя считали наполовину человеческого происхождения, поэтому таёжные называли медведя «старик», «страшный», а тундровые юкагиры — «босоногий старик». О волке коркдонские юкагиры говорили: «Волк все равно что собака», а алазейские, боясь его, называли волка «страшный». Снимать шкуру убитого лося разрешалось только мужчинам, а женщинам запрещалось даже смотреть на него. Из рыб больше почитали осетра. Юкагиры верили в магию имён и поэтому во всеуслышанье называли взрослого человека иносказательно. Уважительно относились к своим покойным родственникам, совершали у могил жертвоприношения, вешали на стоявшие поблизости деревья больших деревянных идолов для устрашения злых духов [28].

Якуты очень боялись медведя, почитали и величали его «князем зверей». Считали, что медведь умён как человек, все знает и понимает и, если не говорит, то только потому, что не хочет. Считали, что

человек, убивший медведя, мог лечить болезни, говорили, что «если причина болезни незначительна, а сердце выгоняющего болезнь мужественно, то болезнь уходит». Чтобы воспрепятствовать злым духам проникнуть в избу, бросали у дверей дома тлеющую головёшку; проводили через огонь приобретённый скот, когда первый раз вводили его в хотон; наводили страх на невидимые черные силы, выгоняли чертей, от которых болели и мучились люди, ночью делали невообразимый гвалт и звон [29].

У всех народностей Севера процветало шаманство как форма религии. Шамана считали избранником духов и посредником в сношениях с потусторонним миром. Ему приписывали сверхъестественную силу и искали у него защиту и помощь от всех бед; шаманы были влиятельны и направляли всю жизнь людей. Зловещим ритуалом юкагирского шаманства было приношение в жертву духам людей и животных, обычно жертвой становилась девушка, а из животных — собака. Шаманы имелись почти в каждой семье, они камлали (шаманили) без бубнов. Атрибуты шаманства: бубен, шапка с бахромой из ремешков, спускающихся до груди, были заимствованы у эвенов. У юкагиров существовала и магия: чтобы вызвать бурю, шаманы трясли медвежью шкуру, или убитому глухарю расправляли крылья и хвост, раскрывали глаза, клюв и сажали его на дерево [30].

Шаманы были хранителями самых архаичных традиций родов и племён. Эксплуатируя своих сородичей, они выражали интересы богачей — родовой или племенной верхушки. Величина «гонорара», уплачиваемая за шаманство, была различной, в XIX в. доходила до 25 руб. и более. Кроме того, шаман в некоторых местностях Колымского улуса забирал часть жертвенного мяса [31]. Женщины-шаманки обладали большим влиянием, чем шаманы-мужчины.

Суевериям аборигенов Колымы были подвержены и русские старожилы. Воззрения русского колымчанина носили совершенно юкагирский характер. Так, например, он с почтением относился к медведю, называя его «дедушкой», «стариком», южному ветру — шалонику, самому жестокому зимнему ветру. Он был убеждён, что медведь — знахарь, слышит, что говорят о нем шёпотом, угадывает мысли. Старожилы верили, что в каждом озере и каждой реке есть свой водяной, он изображался босым человеком с длинными волосами и плотной белой кожей, что существуют водяницы — водяные бабы. Каждое урочище и каждый лес имели своего лешего, лесного хозяина. В представлениях колымчанина существовали также духи русско-

го происхождения: суседко — домашний дух, которого представляли в виде маленького старичка с длинной бородой, седого, живущего в кути за печкой или камином; пушанка (чудинка) — водилась в пустых домах. В Нижнеколымске у русских существовало своё шаманство, унаследованное от юкагирских предшественников. В Среднеколымске шамана не было, но они с полным доверием относились к якутскому шаманству [32].

Перемена в культурной жизни народностей Колымы произошла с введением христианской религии со второй половины XVII в. С XVIII в. проводилась массовая христианизация юкагиров, эвенов, эвенков, чукчей, якутов. Бог объявлялся единым, всемогущим и всезнающим. Новокрещённые должны были прославлять власть одного царя. Христианская вера внушала народу, что вся земная власть от бога, подкрепляя необходимость повиновения властям своим учением о загробной жизни — всем верующим при повиновении — прекрасный рай после смерти, в противном же случае — ад.

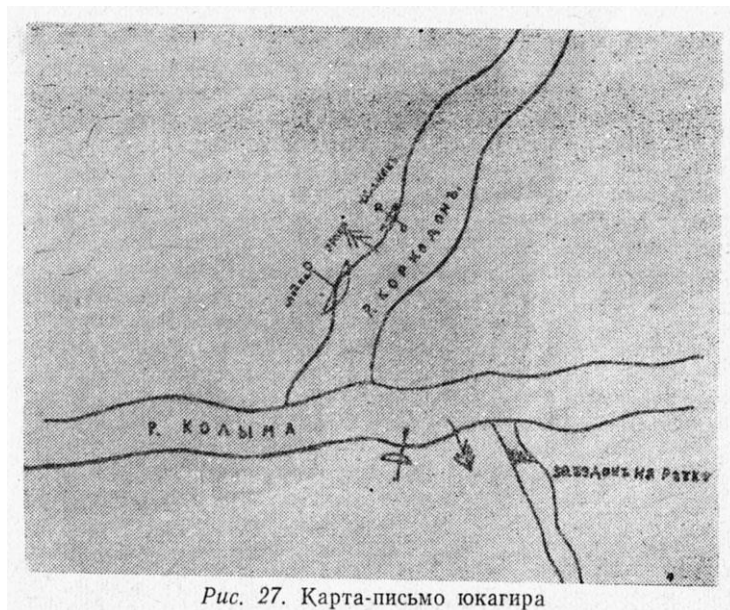

Рис. 27. Карта-письмо юкагира

С началом массового крещения стали строиться церкви и часовни. Ещё в начале XVIII в. на Колыме существовала святая церковь со священником Антиминем, присланным из Тобольска в 1704 г. После смерти он был похоронен на месте святого престола в построенной Среднеколымском Покровской церкви. В Нижнеколымске же церковь была построена и введена в действие лишь в 1786 г. [33].

С увеличением строительства и улучшением архитектурного оформления церквей и часовен шире проводилась пропаганда христианской религии и крещение населения. В 1828 г. в округе было две церкви и две часовни, а в 1862 г. — три церкви и 10 часовен. В Среднеколымске была Покровская церковь — протоиерей Николай Акемподистович Винокуров, благочинный колымских церквей, имел скуфью и бронзовый крест на Владимирской ленте в память о войне 1853-1856 гг.; в Верхнеколымске по реке Ясачной — Петропавловская церковь, священник Степан Ксенофонович Попов; в

Нижнеколымске — Спасская церковь, священник Иоанн Александрович Трифанов имел бронзовый крест на Владимирской ленте в память о войне 1853-1856 гг. [34]. В 1910-х гг. в огромном Колымском крае действовало 11 церквей и 32 часовни. Они находились в лучших местах наслегов, получали лучшие земли, имели свой приход. Кроме попа, в церкви служили два причта, а в часовнях — один,

О Нижнеколымской Спасской церкви, работавший до Трифанова священник-миссионер Андрей Аргентов писал: «Утварью и благополучием храм божий не беден, там есть три сосуда с принадлежностями (потирь, дискось и проч.) из чистого серебра с густою позолотою и такое же полновесное кадило... При церкви по штату назначен один

Рис. 28. Священнослужители Колымского округа. Первый ряд по середине — Л. А. Синявин

священник с двумя причетниками... Около церкви ограда перильчатая с решетчатыми ставорными воротами...». В 1843 г. число прихожан Нижнеколымской церкви было до 1860 человек, в том числе до 650 русских — казаков, мещан, крестьян и 1200 других народностей [35].

Построенные и прекрасно оформленные церкви и часовни наглядно воспитывали население и убеждали в реальности существования бога. Постепенно увеличивалось число верующих христиан. Однако распространение христианства в Колымском крае растянулось на годы — чукчи упорно сопротивлялись принятию новой христианской веры; якуты и эвенки продолжали придерживаться первобытных шаманистических верований.

В конце XIX в. В.Л. Серошевский писал, что религия русских была непонятна большинству якутов. Насчёт богов один якут говорил: «Богов много, но самых главных четыре: Никола — на юге, два Спаса — на западе и востоке, а мать Божья — на севере» [36]. В результате крещения почти у всех народностей появились фамилии и имена русских — поручителей нов окрещённых.

Крещение малых народностей имело и прогрессивное значение. Христианство, как религия, сложившаяся на сравнительно высокой ступени культурного развития, представляла нечто высшее по срав-

нению с грубым шаманством. Она способствовала отмиранию или смягчению архаичных варварских обычаев (кровной родовой мести, многожёнства, браков малолетних и прочее). Усвоение основ христианского вероучения подрывало грубые языческие представления, связанные с шаманством. Незначительное число детей малых народностей получало образование в миссионерских школах. Христианство сближало малые народности с русским народом, что способствовало дальнейшему развитию культуры.

Прогрессивное влияние на духовное развитие населения Колымского края оказали политссылные. Они стремились к знакомству с местными жителями, изучали их жизнь, воспитывали, помогали им в интеллектуальном развитии. Такого всеобъемлющего воздействия не могли оказать ни духовенство, ни купечество, ни чиновники. Г.В. Цыперович писал: «Казалось бы, что постоянное проживание в Колымске должно было заставить нас как можно ближе сойтись с местными жителями и отдать свои знания и энергию этим загнанным, невежественным обитателям заполярной страны» [37]. Несмотря на запрещения и постоянный «гласный надзор полиции», политссылные проводили культурно-просветительную работу среди населения, так как даже сами руководители администрации не имели достаточного образования и обычной смекалки для решения простых вопросов. Цыперович привёл два факта из среднеколымской действительности: однажды жители Среднеколымска узнали, что из казённого амбара украли шкатулку с 20 тыс. руб. Полиции не удалось найти вора. Тогда администрация пригласила лучшего шамана, чтобы тот спросил у духов, кто украл деньги и где они спрятаны. Шаман увильнул от ответа, сказав, что «на деньгах есть водяные знаки, а я над водяным духом не властен». Другой пример: из якутского областного управления поступил запрос, в каком состоянии находится в Колымском крае растительное и животное царство. Поручили ответить колымскому командиру казачьей команды. Тот, думая, что спрашивают о настоящих царствах, ответил; «По невежеству местных жителей означенные царства найдены не были» [38].

В умственном и культурном отношении отставали не только местные жители, но и потомки первых русских пришельцев. Из церковно-приходской школы выпускали, после нескольких лет обучения, не умеющих хорошо читать и писать учеников. Мало было книгочитателей среди колымских обывателей, только незначительная часть населения из купцов и чиновников изредка брала книги в биб-

лиотеке. Постоянными читателями художественной литературы были молодые казаки и девушки. Политссыльные отвечали на многие интересующие местных жителей вопросы, расширяя их кругозор, любознательность, рассказывали о достижениях отечественной науки и искусства. Неграмотному забитому населению было трудно осознавать то новое, о чём говорили политссыльные. Цыперович писал, что «местные жители с величайшим трудом усваивали те крохи знаний, которые мы старались им передать. Один якут с недоверием отнёсся к рассказу о железной дороге, воздушном шаре. Большую службу для нас сыграл маленький полуразбитый граммофон. Когда из его трубы перед изумлёнными якутами и местными жителями прозвучали первые звуки, они не могли прийти в себя от изумления и восторга. Особенно были поражены якуты» [39].

Политссыльные проводили различные мероприятия культурного назначения: праздновали Новый год; в 1889 г, отметили столетний юбилей Великой французской революции с вывешиванием красного флага; выпускали сатирические листовки на злободневные темы. Было выпущено несколько журналов «Колыма». Показывали спектакли: «Просители» Салтыкова-Щедрина, сцены из драмы «Уриель Акоста», монолог из «Записок сумасшедшего» И.В. Гоголя. В.Г. Богораз читал свои стихотворения. Организовывали общий хор, пели солисты. Ставили пьесы А. Чехова, М. Горького и других писателей. Такие вечера хорошо воспринимались населением, воспитывали колымчан [40].

Так, несмотря на чинимые препятствия и гонения, в Колымский край проникла передовая русская культура. В результате проводимой большой работы местные жители стали дружественно относиться к политссыльным, приобщаться к их идеям. Благодаря политико-воспитательной работе, Колымский округ был подготовлен для восприятия идей свержения самодержавия.

4. ПРОСВЕЩЕНИЕ

В Колымском крае народное образование развивалось крайне медленно и началось позже, чем в других окраинах России. Передовые люди, побывавшие в Колымском крае, были подлинными сторонниками организации народного просвещения. Среди них можно назвать барона Ф.П. Врангеля, 19 февраля 1822 г. он написал письмо священнику А. Трифанову, где говорилось, что, живя в отдалённом от

центра суровом крае, среди людей различных сословий, убедился в их крайней отсталости знаний и невежестве. «Ваше стремление и местного начальства в исправлении нравов и воспитания их не достигнет успеха, покуда не озарится народ светом учения», просил губернское начальство открыть здесь школу. Однако просьба Врангеля осталась без внимания [41].

Несмотря на стремление Врангеля и других передовых людей того времени открыть школу в Колымском округе, она была открыта только через несколько лет — 14 апреля 1830 г. — первая казачья школа, куда принимали не только детей казаков, но и прочего «свободного состояния», с условием вносить определённую плату за обучение в ней [42]. И первым учителем первой в Колымском крае казачьей школы был урядник Алексей Чартков.

Нижнеколымская казачья школа работала 9 месяцев в году, учащиеся получали знания в объёме начальных классов. Было разрешение «на увольнение детей от учебных занятий в школе на три месячное в году».

В это время учащиеся находились на попечении родителей, занимались рыбодобычей и т.д.

Казачья школа административно подчинялась Якутскому казацкому полку, получала финансирование на учебники, учебные принадлежности и пособия. Из отчёта на 1 января 1832 г. видно, что в школе обучалось 35 мальчиков в возрасте от 8 до 17 лет. Из них с 8 до 9 лет — 10, с 10 до 13 — 16, с 14 до 17 — 9 учащихся. По итогам первого учебного года 16 октября 1831 г. якутский областной начальник объявил благодарность учителю колымской казачьей школы уряднику Чарткову за успешное обучение учеников [43], такую же благодарность он получил в 1834 г. и ему был присвоен чин пятидесятника.

По данным 1832 г. школе требовались учебные книги: Российская грамматика — 30, Священная история — 30, Пространные катехизисы — 30, 10 фунтов мела и 5 карандашей; получили Краткий катехизис — 20, Арифметику первую и вторую части — 4, Пособие по чиstopисанию — 1 [44].

Об открытии в Среднеколымске казачьей школы было много представлений высшей власти, но вопрос не решался. В 1851 г. по распоряжению местного начальства нижнеколымская казачья школа была переведена в Среднеколымск [45].

Помещения для школы в Среднеколымске не было, и купец П. Бережнов временно отдал под школу свой дом, о чем писал колымскому исправнику Ф.В. Хмелевскому: «Имею честь уведомить, что для помещения казачьей школы уступить свой дом согласен без всякой за него платы в годичное время..., чтобы могли принимать на учёбу и другого сословия людей жителей города Колымска». В июне 1852 г. Хмелевский предписал «немедленно заняться обучением как казачьих, так равно прочих сословий детей...» [46].

Учителями среднеколымской казачьей школы работали: пятидесятник А. Чартков, урядник К. Цыпандин, а впоследствии урядник И. Решетников.

В 1872 г. школа была реорганизована в училище Министерства народного образования. Училище ещё долгие годы не имело специального здания, не было обеспечено программами, учебниками, оборудованием и подготовленными учителями. В 1875 г. на средства местного населения было построено здание училища, на его содержание собирались пожертвования [47]. В 1874-1875 гг. в училище обучались 43 ученика, а в 1875-1876 гг. — 45 [48]. В 1880 г. при училище был открыт пансион для обучения якутских детей, но старосты и старшины наслегов выбирали на учёбу детей из числа бедных, а богатые не отдавали своих детей в училище [49].

Колымский исправник в отчёте за 1884 г. писал: «Народное образование в Колымском округе находится в младенчестве и идёт очень неудовлетворительно; существует одна только начальная народная школа на весь округ в Среднеколымске, и содержится на средство мещанского, крестьянского, якутского и юкагирского обществ и казаков среднеколымской команды... Причины застоя... школы нет опытного преподавателя, местное духовенство положительно не принимает никакого участия в деле народного образования» [50]. Единственная на весь Колымский округ школа долгое время находилась в «младенчестве» и работала неудовлетворительно. Школа не имела необходимых учебных материалов. В 1883 г. поступили учебники прогрессивных русских педагогов, но в мизерном количестве: К. Ушинского «Родное слово» — 4, Тихомирова «Грамматика» — 1, В. Водовозова «Для первоначального чтения» — 5 экземпляров, две книги И. Крылова «Басни» и несколько других книг [51].

В этом же году купец А. Ягловский пожертвовал 60 руб. на выпуск книг для библиотеки школы [52].

В 1886 г. окружной исправник просил якутского губернатора о высылке учебных пособий и необходимых материалов для среднеколымского начального училища. Только в феврале 1888 г. был получен ответ, что учебные пособия и материалы для Среднеколымской школы, затребованные в 1886 г., «не могли быть высланы; не могут быть высланы и теперь, потому что затребованных учителем пособий в книжном магазине якутской прогимназии не было и нет. Такие пособия училище должно выписывать непосредственно из книжных магазинов, находящихся или в Томске — Макушина и Михайлова, или в Петербурге — Глазунова» [53].

В обзоре Якутской области за 1887 г. было отмечено «к причинам неудовлетворительного народного образования надо отнести также и плохое экономическое положение якутов, всегда стеснённых средствами и часто недостаточно обеспечивающих школы в материальном отношении. Например, инородцы Колымского округа с большим трудом уплачивают свои 200 руб. учителю Среднеколымске и школы, единственной на целый округ, а на другие нужды школа просит правительственную субсидию. Наконец, развитие учебного дела задержалось ещё недостатком учителей, вполне преданных своему делу...» [54]. Таким образом, в результате необеспеченности учебно-материальной базой школа не могла улучшить учебно-воспитательную работу.

20 февраля 1887 г. по настоянию жителей в Нижнеколымске было открыто церковно-приходское училище. Священник Нижнеколымской Спасской церкви А. Трифанов писал Нижнеколымскому мещанскому обществу, что существование училища без всяких средств не прочно. Нужны средства, а помочь в этом может общество.

В июле 1887 г. мещанское общество и жители Нижнеколымска просили окружного исправника освободить их от сбора денег на содержание народного начального училища в Среднеколымске с целью использования собранных денег на содержание местного церковно-приходского училища [55]. Окружной исправник не согласился с просьбой и высказался за то, чтобы местное училище содержали на средства добровольного пожертвования сами нижнеколымчане [56].

Правительство расширяло при церквях сеть церковно-приходских школ. В конце 1880-х гг. в Среднеколымске была открыта церковно-приходская школа, где школьников учили читать, писать, считать. При этом особое внимание уделялось воспитанию, закону божьему — проповеди послушания властям и церкви.

В 1890 г. политссылный И. Шкловский писал: «В городе есть две школы, церковная, под ведомством священника, и городская, которую управляет дьякон. В одной 8 учащихся, в другой 11. Первая школа аристократическая, в ней учатся дети «богатых» людей. Во второй — голь перекатная и якутята, которых улус обязан доставлять на выучку». Дальше он писал, что дети казаков за время обучения с 9 до 16 лет не могли складывать букв и находили, что «корни науки очень горьки». Ещё труднее доставалось обучение мальчикам улусных якутов, которые не понимали по-русски ни слова. Проучившись 7—8 лет, они возвращались в улус, не научившись читать и говорить по-русски [57].

В 1891 г. в Среднеколымске одноклассное училище слилось с церковно-приходской школой под руководством православной церкви. В конце 1890-х годов была открыта школа в одном из якутских наслегов Колымского улуса. Однако, за время работы школ по-прежнему было мало грамотных. По данным первой всеобщей переписи населения 1897 г. по народному образованию в Колымском округе грамотность (только якутов) составляла среди мужчин 1,2%, женщин 0,1% и обоего пола 0,6% [58].

Политссылные неоднократно поднимали вопрос об обучении детей независимо от национальности, вероисповедания, пола. С. И. Мицкевич в 1900 г. в «Очерках из Колымской жизни» писал, что дело образования в округе поставлено плохо. Три церковно-приходских школы числились по существу на бумаге. В Нижнеколымске не было учителя и священника, в Верхнеколымске — священника, а учитель малограмотный, а в Среднеколымске учил священник и псаломщик. Ни один чукча не обучен русской грамоте. Девочек в школу не принимали. Пансиона для детей инородцев не было, и ни один из мальчиков не получал образования.

В 1901 г. в статье «О положении медицинского дела в Колымском округе» он указывал, что из-за неграмотности населения невозможно найти в округе человека, который мог бы вести фельдшерское дело. В 1902 г. в статье «Вымирающий край» он снова отмечал удручающее отставание школьного дела в округе [59, 60, 61]. В 1901 г. имелись две школы грамоты и одна двухклассная школа, где учились 69 мальчиков и 11 девочек. Школы содержались на средства епархиального училищного Совета, приходского попечительства и общества [62].

Согласно законодательству, политссылным строго запрещалось проводить педагогическую работу. Несмотря на это они, по возможности, давали уроки грамоты взрослым и детям, помогали разобраться в окружающей действительности, понять политико-экономическую суть современности. Среди них были: М. Поляков, И. Шкловский, М. Егоров, Т. Акимова, Л. Ергина, В. Тан-Богораз и другие. По свидетельству бывших казачек, политссылные Г. Гуковский, Х. Циммерман, Г. Цыперович и другие занимались репетиторством с детьми местных жителей, вели частные уроки по квартирам [63].

В. Богораз писал: «У нас помаленьку завелись заработки, у кого литература, у кого частные уроки (были такие на Колыме)» [64]. Другой политссылный М. Поляков писал: «Все годы ссылки я провёл довольно разнообразно: учился, учительствовал, несколько лет вёл метеорологические исследования» [65].

В результате настойчивости политссылных колымский исправник в начале 1904 г. добился от якутского губернатора частичной отмены запрещения педагогической деятельности политссылных. При этом были указаны ограничения: давать уроки детям не старше 13 лет; приёмы педагогической деятельности ссыльных тщательно контролировать властями; уроки давать должны те ссыльные, которые заслужили это своим хорошим поведением; относительно каждого урока исправник должен был идти с ходатайством в канцелярию губернатора [66].

На неудовлетворительную учебно-воспитательную работу церковно-приходских школ обращала внимание общественность. В июне 1904 г. нижнеколымский заседатель 1-го участка Колымского округа писал о необходимости открытия школы Министерства народного просвещения, так как церковно-приходская школа крайне неудовлетворительна, ибо пробыв в ней два-три года, ученики не умеют читать и не в состоянии написать хотя бы простое письмо.

Исправник счёл возможным открыть двухклассные училища в Среднеколымске и Нижнеколымске [67]. Но церковно-приходская школа продолжала существовать и только в 1913 г. была преобразована в начальное училище. В Нижнеколымске же работала одноклассная начальная школа.

По инициативе прогрессивных кругов в наслегах открывались школы грамоты и постепенно в округе увеличивалось число учащихся. В 1909 г. было 5 школ, из них в городе одна двухклассная с 34, одна женская с 11, одноклассная школа в Нижнеколымске с 4 и две

школы грамоты в наслегах Колымского улуса с 6 учащимися. Заведовал городской школой священник Средне-колымского собора В. Винокуров, учителем временно был допущен С. Мартьянов. Исполняющим обязанности уездного наблюдателя школ был протоиерей В. Никифоров [68].

В 1911 г. в округе было 8 школ с 77 учащимися. Из них в городе двухклассная с 33 учащимися, 2 учителями, 1 священником и одноклассная женская с 9 учащимися, 1 учительницей и 1 дьяконом; нижнеколымская одноклассная с 9 учащимися, 1 учителем и 1 священником; енжинская с 5 учениками, 1 учителем и 1 дьяконом; эмяхская с 7 учениками и 1 учителем; усун-кельская с 7 учениками и 1 учителем; родчевская с 4 учениками и 1 учителем; сень-кельская с 3 учениками: 1 чукча, 1 эвенок и 1 якут.

В среднеколымской и нижнеколымской школах работали учителями: Н. Попов, А. Явловский, дьякон К. Попов, имевший домашнее образование, Я. Токарев, И. Попов, Н. Бережнов; в наслежных — Г. Колесов, Г. Дьячков, И. Третьяков, В. Свинобоев, дьякон Н. Винокуров и священник Л. Синявин [69].

В 1912 г. работали 9 школ с 92 учащимися, из них в двухклассной городской было 29 учеников, одноклассной — 9, нижнеколымской — 5, походской — 20: 14 русских, 3 юкагира, 2 эвенка и 1 якут (эта школа была открыта Л. Синявиным), родчевской — 5, усун-кельской в Верхнеколымске — 7, эмяхской в Верхнеколымске — 7, оттууркельской — 6, енжинской — 4 учащихся [70].

Учебно-материальная база школ оставалась более, чем слабой: в некоторых школах не было выпуска учеников. В городской и нижнеколымской школах значительно укрепился состав учителей. Это подтверждают и данные 1914 г. Всего в округе было 8 школ, с общим охватом 108 учащихся. Учились в городской двухклассной школе 50, одноклассной 15, в нижнеколымской 11 учеников. В школах грамоты было: в усун-кельской — 8, родчевской — 6, енжинской — 5, крестовской — 8, походской — 5 учащихся.

В отчётной ведомости на вопрос: «Если в школе в 1914 г. не было выпуска, то чем это объясняется?», учитель верхнеколымской усун-кельской школы ответил: «Тем, что гоняясь за добычей разного рода зверей и рыбы, дети нашей школы как подрастут, так оставляют школу».

В городской школе работали учителями: В. Антипин, С. Нехорошев, М. Сивцев, окончившие 4 класса Якутской духовной семинарии, а в

одноклассной женской школе работала А. Антипина, окончившая полный курс Якутского епархиального училища. В нижнеколымской школе были учителями священники В. Орлов и Н. Булкин [71].

5. ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Суровые климатические условия, отсталость экономического, политического и духовного развития, эпидемические и другие массовые болезни были причинами смертности и постепенного сокращения численности населения в Колымском крае.

В результате частых эпидемий оспы (1657, 1659—1660, 1669, 1691—1692 гг.) наблюдалась особо большая смертность среди родов и племён малых народностей. Так, если юкагиров в середине XVII в. было примерно 4,7 тыс., то в конце века осталось всего 2,6 тыс. человек [72].

В XVIII—XIX вв. периодически происходили эпидемии оспы, кори и других болезней. Было много больных сифилисом, проказой, трахомой, ревматизмом, нервно-психическими и другими заболеваниями. Оспа 1872—1873 гг. скосила половину населения Колымского округа, эпидемии оспы продолжались и в 1884—1885 гг. и в 1888—1889 гг.

Массовая смертность, неспособность вести борьбу против болезней вызывали страх у населения. Первопричиной всякой болезни якуты считали злого духа, изгнать которого мог только шаман. Вместе с тем, они обращались к некоторым приёмам народной медицины, широко практиковалось применение огня для снятия боли. Они думали, что огонь и шум — радикальное средство для изгнания болезни из тела человека.

В. Серошевский писал: «Я помню, какой невообразимый гвалт и звон железом поднял раз ночью в Колымском округе хозяин той юрты, где я жил, выгоняя и запугивая чертей, сильно мучивших его жену; она страдала пороком сердца и удушьем...». Относительно применения огня писал: «Я видел в Колымском округе характерную сцену — у парня разболелся и стал нарывать случайно ушибленный палец. Он, как и все окружающие, пришёл, однако, к заключению, что в палец поселился ерь; желая его оттуда выгнать, больной взял горячий уголь, и стал раздувать его около больного места; когда обожженное тело стало пузыриться, а затем с легким треском лопнуло, то любо-

пытные, столпившиеся кругом, отпрянули с криком испуга, а больной, самодовольно улыбаясь, сказал: «Видели, как выскочил» [73].

Нижнеколымский священник А. Аргентов писал, что оспа наводит на «туземцев» панический страх. Самые известные шаманы «в робость приходят от оспы и к поражённому ею страдальцу не осмеливаются приступить...» [74]. Лечить больных шаманы не могли, да и не умели.

Для борьбы с болезнями северяне пользовались приёмами народной медицины, заимствованной друг у друга в результате постоянных контактов. Народный опыт выработал рациональные средства лечения разных болезней: вскрытие нарывов и скобление век при трахоме, кровопускание при головной боли и высокой температуре; были определены лекарственные свойства трав и корней, из которых приготавливали настои для лечения целого ряда болезней. Немалых успехов достигли юкагиры в медицине. Они знали анатомию человека, умели отличать артерии от вен, понимали роль сердца как органа, обеспечивающего движение крови по сосудам. Почки они именовали «помощниками желудка», а печень ведала моторной активностью организма. Искали причину смерти больного, анатомируя покойника. Зная анатомию, юкагиры лечили некоторые заболевания путём надавливания пальцами на лоб между бровями, на груди и позвоночнике. Как и эвенки, они умели останавливать кровь, справлялись с простудными заболеваниями. Тундровые юкагиры были способны поставить на ноги человека, умирающего от голода, умели лечить воспаление глаз, век и другие болезни [75]. Народная медицина оказывала основную помощь местному населению.

Охрана здоровья населения Колымского края во времена царизма представляла мрачную картину. Массовые эпидемии считались обычным явлением. Государственного медицинского обслуживания в XVII—XVIII вв. не было. Приезжающие медицинские работники по возможности старались спасти местное население от массовой смертности. И только в 1817 г. администрация Якутской области назначила в Колымский округ первого врача — Томашевского. По приезду в округ он зарегистрировал массу заболеваний и сплошную антисанитарию, особо много было заразных заболеваний, в том числе и проказа. Для лечения прокажённых Томашевский построил небольшой лепрозорий в урочище Буталах, в 60 верстах от Среднеколымска [76].

В 1817 г. в Колымский округ, где свирепствовала проказа, выехал из Якутска главный медик Якутской области семидесятилетний доктор Реслейн. Добирался он на лыжах, оленях и собачьей упряжке. В Среднеколымск его доставили на носилках, так как он в дороге отморозил ноги. Находясь в тяжёлом состоянии, Реслейн своими советами оказывал медицинскую помощь больным и обучал младший медицинский персонал. Реслейн сам себе ампутировал пальцы на ногах, а через полгода умер мучительной смертью. Жители города с большими почестями похоронили Реслейна [77].

В 1820-1824 гг. медицинскую помощь аборигенам оказывал доктор А.Ф. Кибер из экспедиции Врангеля, в 1821 г. он описал проказу. Первый врачебный участок в Колымском округе появился только в 1830 г. и первым участковым врачом его стал Яковлев [78, 79]. Врачебный участок много лет не имел больницы. О строительстве больницы имелось только «предположение» у иркутского губернского начальства [80], оно было решено через несколько лет — построена небольшая юрта-больница, которая не могла обеспечить массовый приём больных округа, тяжёлые болезни продолжали уносить жизни северян.

В 1847 г. из Якутска в Колымский округ был командирован медицинский инспектор Неаполимовский для борьбы с венерическими болезнями и проказой. Он принял все возможные меры по лечению больных, но безрезультатно. По отчёту сифилитической больницы с 1865—1876 гг. на лечении находилось только около двухсот больных [81]. Больница не имела соответствующих условий для их лечения.

Окружной исправник Иващенко с 1 января 1873 г. открыл попечительство по призрению больных под его личным председательством. Членами были: помощник исправника Егоров, благочинный колымских церквей Пляскин, среднеколымский общественный староста 2 гильдии купец Н. Бережнов; кандидатами: мещанин Г. Винокуров, отставной урядник хорунжий А. Сивцев и колымский улусный голова Н. Винокуров.

С членов попечительства были собраны добровольные взносы деньгами, одеждой и продуктами. В первое время больные лечебницы были снабжены бельём, по возможности улучшилось питание, но из-за малочисленности членов попечительства и недостаточности материальных средств попечительство просуществовало всего два года. В сифилитической больнице постоянно находились от 10 до 20 больных, из них на государственные средства содержалось 7 человек,

а остальные — на собранные средства с Колымского улуса. Ограниченность средств не позволяла хотя бы немного улучшить условия содержания больных. Больные питались преимущественно рыбой, изредка оленьим мясом, без добавления других продуктов, получали соль и кирпичный чай [82].

В 1880-х годах медицинское обслуживание населения находилось в запущенном состоянии: не было врача, работал один фельдшер и одна акушерка. Были сделаны прививки против оспы только 66 детям. В 1884—1885 гг. в больнице лечилось 30 больных, из них выздоровело лишь 18 человек. В 1885 г. оспой заболело 910 человек и все они умерли [83]. По данным окружного исправника, особенно пострадали чукотские стойбища «жертвами этой эпидемии сделалось очень много чукоch... число умерших от них определить в точности нет возможности». Эпидемия проникла и в Нижнеколымск [84]. Плохое медицинское обслуживание вынудило руководство Среднеколымском округа в 1886 г. открыть окружное попечительство по призрению больных [85].

Об отсутствии врача и о направлении нового руководство Якутской области писало в департамент медицины Министерства внутренних дел. В 1887 г. был назначен врачом Л.И. Искерский, но он по состоянию здоровья выехать не смог [86]. А в 1889 г. окружным врачом был назначен А. Шафир, но он работал недолго — начались конфликты с администрацией округа. Просьбы врача по улучшению пищи, одежды и белья больных, о принятии мер к тем людям, которые самовольно приходят и проводят дни и ночи в больнице, занимаясь картёжничеством и раскуриванием с больными, а также о незаконном отпуске лекарств на сторону оставались без внимания. 9 января 1891 г. Шафир вновь обратился в полицейское управление для принятия мер к устранению беспорядков. Вместо этого окружной исправник, как писал Шафир, «прислал двух человек казаков и совершили января 26 дня с. г. насилие — душили меня...». Дальше врач писал: «Причина таковых поступков членов одного управления заключалась в том, что при враче неудобно и невозможно выставлять в ежегодных списках огульные цифровые данные о заболеваемости и смертности в Колымском округе, в особенности в городе» [87]. С 1891 г. в течение восьми лет округ находился без врача.

В 1898 г. медицинский инспектор Вонгородский предложил политссылному врачу С.И. Мицкевичу поехать участковым врачом в Среднеколымск, надеясь получить разрешение на это министра

внутренних дел. С.И. Мицкевич согласился, В.И. Ленин одобрил его согласие, написав в письме к сестре А.И. Елизаровой-Ульяновой, что «Сергей Иванович писал мне, что берет с удовольствием место врача в Среднеколымске. Я думаю, что он прав. Лучше же быть за делом: без этого в ссылке пропадёшь. А на 2½ тысячи прожить-то, наверно, можно там сносно» [88].

Только через год С.И. Мицкевичу разрешили занять место участкового врача «по вольному найму», т.е. без всяких преимуществ государственной службы. С.И. Мицкевич с женой приехал в Среднеколымск 15 мая 1899 г. От фельдшера Верховодова он узнал, что многие больные сифилисом избегают медицинской помощи; на просьбу принудительно поместить в больницу больных для лечения, исправник ответил отказом: закон не представляет такого права.

С.И. Мицкевич быстро завоевал доверие колымчан, внимательно и добро относился к больным и уже в первый год работы к нему за помощью обратились 92 больных сифилисом из города и округа. После принятия многих медицинских мероприятий заболеваемость сифилисом медленно пошла на убыль. Очагами заболеваний этой болезнью оказались: Среднеколымск, Верхнеколымск и Нижнеколымск.

От страшной болезни — проказы — страдало около 40 человек, почти исключительно якуты. Была распространена трахома, доводившая больных до слепоты. Много было глистных заболеваний из-за употребления в пищу сырой рыбы, каждой зимой был грипп, а иногда возникали эпидемии оспы и прочие болезни. Из-за отсутствия прививок против оспы при её эпидемиях была почти массовая смертность. В Нижнеколымске во время эпидемии оспы в 1884—1885 гг. умерло около половины населения, а берега Анюя и Омолонна, заселённые русскими, юкагирами, эвенками, совсем обезлюдели [89].

Для коренного улучшения медицинского обслуживания населения Мицкевичу необходимо было иметь медицинские кадры, укрепить материальную базу, закупить медицинское оборудование. Среди политссыльных оказалась фельдшер-акушерка Т. Борейша, окончившая четырёхгодичные фельдшерские курсы в Петербурге; она оказалась квалифицированной работницей и заменяла Мицкевича во время его поездок по округу. Другой помощницей стала политссыльная фельдшерица Т. Акимова. С разрешения якутского губернатора Мицкевич обучил фельдшерскому делу бывшего политссыльного Н. Зенникова.

Мицкевич впервые открыл фельдшерские пункты на пять коек в Нижнеколымске и Верхнеколымске, увеличил число коек в среднеколымской больнице [90, 91]. В округе были широко проведены прививки против оспы.

После поездки по округу С.И. Мицкевич отправил в газету «Русские ведомости» большую статью «Прокажённые на крайнем северо-востоке Сибири», где подробно описал потрясюще-жуткое положение несчастных. Якуты хорошо распознавали проказу и среди больных он не встретил ни единой ошибки. Прокажённому выносили «смертный приговор», его вычёркивали из списков живых: помещали в какой-нибудь заброшенный дом, подальше от ближайшего жилья, доставляли пищу, рубили дрова и оставляли вблизи его дома. Когда больной слабел, отваливались руки или ноги, и он не мог передвигаться, никто не приходил истопить ему комелька, сварить пищу, накормить. Только стены юрты были немymi свидетелями страданий и смерти несчастного отверженного. Мицкевич просил общественность страны помочь больным [92].

Публикация дала результат — пожертвования в общей сумме составили около 3 тысяч рублей, на них были приобретены для прокажённых одежда, мука, ассигновали средства на строительство колонии прокажённых. Руководство Якутской области отпустило средства на строительство приюта для прокажённых и достройку больницы. Были получены медикаменты, медицинские инструменты.

В 1901 г. в округе возникла тяжёлая эпидемия кори, осложнённая воспалением лёгких. Вследствие плохого улова рыбы в 1900 г. в городе ощущался недостаток продовольствия. Чукчи Большой тундры зимой пригнали на продажу около 150 оленей и население продержалось, благодаря этому, до конца марта [93]. Из 540 человек общего числа жителей 430 человек заболело корью. Болезнь протекала необычайно тяжело, от осложнений после кори умерло 38 человек, большинство женщин.

По уходу за больными были мобилизованы все члены колонии политссыльных и добровольцы из числа ранее болевших корью. Были собраны и выданы нуждающимся деньги, куплено мясо и рыба. От эпидемии кори округ потерял около 7% населения.

После окончания срока ссылки в 1902 г., С. И. Мицкевич решил остаться ещё на один год, чтобы ускорить строительство здания больницы и приюта для прокажённых. Он писал: «Если бы я уехал теперь, то в отсутствии врача в Колымске дело это опять бы за-

глохло, возможно, на много лет. За три с лишним года, которые я прожил в Колымске, я так полюбил этот край и его население, так близко к сердцу принимал его нужды и невзгоды, что мне было тяжело бросить недоконченными эти два дела, о которых я так много хлопотал».

В 1902 г. больница была достроена, но не было печей из-за отсутствия печника. Было найдено место для колонии прокажённых, но ассигнованные деньги не были получены к строительному сезону [94]. Весной 1903 г. С.И. Мицкевич выехал из Среднеколымска, достройку больницы и колонии прокажённых в 1904 г. закончил политссыльный врач Е.П. Попов,

После отъезда С.И. Мицкевича руководство Якутской области и Колымского округа стало сокращать финансирование больницы и фельдшерских пунктов. Уполномоченный внутренних дел С.А. Бутурлин обратил внимание на то, что врачи были лишены возможности работать. В 1905 г. врач Попов всё ещё не получил ассигнований и лекарств и содержал больницу за свой счёт. На фельдшерские пункты в Верхне- и Нижнеколымске не было ни ассигнований, ни ответов врачебной инспекции области на запросы врача, а фельдшерица верхнеколымского пункта Т.М. Акимова с пятилетним своим сыном жила «без куска», всё своё содержание второй год тратя на содержание больных в лечебном пункте, своё бельё и бельё сына передала на перевязки больным. Бутурлин указал, что осенью 1905 г. кончается срок ссылки врача Е. П. Попова и фельдшериц и «население остаётся беспомощным» [95].

Так и случилось — акушерка Т. А. Борейша выехала по окончании срока ссылки мужа; в ноябре заканчивался срок ссылки Акимовой и по амнистии 1905 г. освобождался врач Попов. Оставался только один фельдшер Зенников. Несколько лет население округа оставалось без врача. Чтобы оказывать медицинскую помощь населению, фельдшер Т. Акимова ходатайствовала перед якутским врачебным инспектором об оставлении её в Среднеколымске ещё на два года [96].

В последующие годы врачом работал политссыльный Вейсман, до 1912 г. — В.Рено, а с 1913 г. по 1918 г. — Н. Юдин [97, 98].

Врачи боролись за увеличение финансовой поддержки больниц, обслуживанию больных в больнице и колонии прокажённых. В. Рено в июне 1911 г. на заседании распорядительного комитета Колымской колонии прокажённых ставил вопрос о дополнительном выде-

лении денег на содержание колонии, приобретение белья, верхней одежды, обуви и инвентаря для уборки помещения больных и т. д. [99]. Врач Н. Юдин много сделал для дальнейшего улучшения лечебного дела в округе и оснащении больницы. Фельдшерами в округе работали окончившие Якутскую фельдшерскую школу якуты Н.В. Пинегин и Е.Т. Фёдоров.

В 1915 г. Н. Пинегин был назначен фельдшером колонии прокажённых. Он постоянно заботился о судьбе прокажённых, ходатайствуя за улучшение их условий жизни. Неоднократно обращался к колымскому исправнику с просьбой об увеличении средств на приобретение одежды и снабжение продуктами, писал уполномоченному Якутского областного земства о принятии мер по обеспечению больных проказой [100], но, как правило, везде получал отказы.

6. ИССЛЕДОВАНИЕ И ИЗУЧЕНИЕ КОЛЫМСКОГО КРАЯ ПРИ УЧАСТИИ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ

Познание Колымского края началось с момента вхождения его в состав Российского государства. Первыми его исследователями были простые русские люди, первооткрыватели Колымы: землепроходцы, мореходы, путешественники, промышленные и служилые люди. В большинстве своём они были выходцами из крестьян Центральной России и сибирские казаки: Иван Ерастов, Дмитрий Зырян, Постник Иванов, Михаил Стадухин, Семён Дежнёв и другие. В своих «челобитных» письмах они оставили описание открытых и исследованных территорий, их жителей. В составленной карте Сибири 1667 г. «по высмотру» тобольского воеводы П. Годунова уже были подробные описания путей из Якутска до Колымских зимовий [101].

С момента основания Российской Академии наук начинается научное изучение громадной территории Российского государства. При Петре I была поставлена задача полного географического описания страны. Она коснулась и Колымского края. Для выполнения этих

крупных научных мероприятий были созданы и работали многие научные экспедиции. Великая Северная экспедиция (1733—1734 гг.) детально обследовала побережья Сибири. Пятый отряд этой экспедиции под руководством Д. Я. Лаптева с 1736 по 1741 г. изучал территорию от реки Яны до мыса Святого Носа. Участник экспедиции Киндяков сделал подробное гидрографическое исследование и описание побережья Колымы.

В 1775 г. для обследования и описания Чукотского побережья от Колымы до Берингова пролива, а также изучения северных морей, была снаряжена географическая и астрономическая морская экспедиция под командованием Биллингса. Научно-исследовательскую работу в ней возглавил талантливый молодой офицер Гавриил Андреевич Сарычев. На пути следования экспедиции верными проводниками по безлюдью служили якуты, эвенки, юкагиры. В августе 1786 г. на сотне лучших лошадей с 20 казаками и грузом Г. А. Сарычев отправился из Охотска через Охотско-Колымское нагорье и хребет в Верхнеколымский острог. Вслед за ними выехал Биллингс и сопровождающие его казаки. Вспоминая своё путешествие по этому трудному пути, Г. А. Сарычев, восхищаясь искусством эвенков ориентироваться в условиях абсолютного бездорожья, писал: «...продолжали путь по известной только одним тунгусам дороге, через горы, леса и тундры» [102], впервые описав путь из Оймякона в Верхнеколымск.

По пути следования экспедиции путешественников гостеприимно встречали местные жители. Вспоминая тёплое отношение местного населения, Сарычев писал: «...ночлеги имели мы по большей части у князьков в юртах и принимаемы мы были везде ласково. Можно сказать, что гостеприимство у якутов есть первая добродетель; не успеешь приехать к селению, как они уже встречают, помогают сойти с лошади и ведут в юрту, ...стараятся услужить сколько возможно. Сверх того потчуют всем, что только есть лучшего» [103].

В Верхнеколымске экспедиция построила два гребных судна «Паллас» и «Ясашна» для плавания по Ледовитому океану путём Семёна Дежнёва и Федота Алексеева. Членами экспедиции были: известный исследователь и историк капитан Т. Шмалев, казацкий сотник И. Кобелев и чукотский учёный-самоучка Н.И. Дауркин.

Рис. 29. Адмирал
Ф. П. Врангель

22 июля 1797 г. Сарычев впервые произвёл археологические раскопки стойбища древних жителей низовьев Колымы, произвёл съёмку и картирование рек бассейна Колымы и сделал описание морского побережья к востоку от устья реки. Сарычев также совершил путешествие на лошадях по реке Алазее, на размытом берегу которой обнаружил и осмотрел останки мамонта, и с неё на реку Индигирку [104].

В 1820-1824 гг. под руководством Г. А. Сарычева была предпринята экспедиция Ф.П. Врангеля (Колымский отряд), с целью изучения и описания берега от устья Колы-

мы до Северного Мыса с тем, чтобы «внести ясность в вопросе, существует ли к северу от Колымы и Чукотского побережья земля». Участниками её были мичман Ф. Матюшкин, штурман П. Кузьмин, врач А. Кибер. Большую помощь в работе экспедиции оказывали местные жители. Врангель писал: «...были приглашены на совещание зажиточные жители Нижнеколымска и старшины якутских, юкагирских и чуванских селений, находящихся на реках Омолоне и Анюе... Анюйские юкагиры, имевшие в прошлом году изобильный олений промысел, обязались доставить нужное количество оленьих кож на походное передвижное жилище, и большое количество оленьих рёбер для корма собак. Омолонские юкагиры должны были снабдить нас берёзовым лесом на байдару и ...полозьями на походные нарты. Жители острога и других селений, по берегам Колымы лежащих, богатые одной рыбою, дополнили потребное для экспедиции количество мёрзлой рыбы, а сколько не доставало сухого корма, т.е. юколы и юхолы, привозили из Средне- и Верхнеколымска на расстояние 800 вёрст, ибо летний промысел рыбный был там изобильнее, нежели при устье реки». Врангель далее писал: «Между тем готовясь к предстоящим поездкам, собирали мы у жителей нужные нам сведения о предметах, относящихся к цели экспедиции» [105].

Экспедиция описала морское побережье от реки Индигирки до Колючинской губы, провела ледовые, геомагнитные и климатические исследования, собрала сведения о богатствах края и сделала многочисленные наблюдения. Зимой ехали на "собаках, летом — на лошадях и лодках. Во всех путешествиях Врангеля, Матюшкина по побережью и островам Ледовитого океана местные жители сопровождали их, служили проводниками и толмачами, переноса тяжести похода, холод и голод, жестокие снежные пурги и суровые ветры, наряду с участниками экспедиции.

Рис. 30. Контр-адмирал
Ф. Ф. Матюшкин

Во время четвертой поездки на Север в 1823 г., Врангель повстречался с чукчей Камакай, который, по описанию Врангеля, «...был, в своём роде, довольно образованный человек. Узнавши цель нашей поездки и уверившись, по-видимому, что мы не имеем намерений, опасных свободе народа его, а, напротив, желаем только точнее узнать положение и свойства берегов, чтобы открыть, каким путём могут русские доставлять чукчам и табак и другие товары, он описал нам подробно не только

границы земли своей от Большой Баранихи до Северного Мыса, но даже нарисовал углём на доске положение Шелагского Мыса, называя его Эрри» [106]. Чукчи сообщили Врангелю и об острове, расположенном к северу от Чукотского побережья, который был виден только летом. Врангель определил его расположение в Северном Ледовитом океане и нанёс, на карту, впоследствии этот остров был назван его именем.

Ф. Врангель и Ф. Матюшкин, помимо основной задачи, проявили большой интерес к местному населению и оставили первое научное описание населения края: юкагиров, чукчей, чуванцев, эвенов и якутов.

По заданию Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества в 1868-1870 гг. в Верхоянском и Колымском округах работала экспедиция под руководством бывшего исправника Колымского округа Гергарда Людвиговича Майделя. В составе экспедиции был астроном К. Нейман, топограф П. Афанасьев, переводчик — юкагир Егор Лыгчин, хорошо знавший чукотский язык. Экспедиция собрала обширные сведения о населении и природе края, составила подробный отчет.

В опубликованной в 1894 г. книге Г.Л. Майделя. «Путешествие по северо-восточной части Якутской области. 1888—1870 гг.» были приведены данные топографических, барометрических съёмок и метеорологических наблюдений от Верхоянска до Среднеколымска, от устья Колымы до Верхнеколымска, вниз по Омолону и ряду маршрутов по рекам Анюям и востоку края. В разделе книги «Положение дел в Колымском округе» автор дал подробное описание округа, жизни малых народностей, якутов, русских и их экономическое положение.

В 1891 г. Академия наук снарядила и направила экспедицию сроком на три года по геологическому исследованию районов рек Яны, Индигирки, Колымы. Руководителем экспедиции был назначен опытный геолог, палеонтолог, географ и исследователь Сибири бывший политссылный Иван Дементьевич Черский. В феврале 1891 г. он выехал из Петербурга вместе с женой, племянником и 11-летним сыном. По его просьбе проводником экспедиции назначили казака из Якутска С. Расторгуева, опытного, много раз ездившего между Леной и Колымой. Экспедиция выехала из Якутска 14 июня 1891 г. Переправившись через реку Алдан, подошла к устью Хандыги. Поднимаясь к истокам реки, экспедиция углубилась в предгорья Верхоянского хребта. 17 июля были на высоте 2000 м. И.Д. Черский пер-

вым открыл эти горы. Экспедиция вступила в бассейн Индигирки. Поменяв лошадей в Оймяконе, экспедиция отправилась через крутые горные хребты, в том числе Тас-Кыстабыт, достигла высоты 2000 м. За перевалом вышли к реке Нере, далее осилили высокую горную цепь Улахан-Чистай и Момский хребет, за которым был пологий спуск к реке Колыме [107],

Рис. 31. И. Д. Черский

26 августа 1891 г., после 76-дневного путешествия по неисследованным, неизученным местам, пройдя около 2 тыс. вёрст, участники экспедиции приехали в Верхнеколымск; плыть вниз по Колыме было уже поздно и решили зимовать здесь. Несмотря на трудность пути и плохое здоровье, И. Д. Черский за короткое время успел много сделать, отправляя подробные письма в Академию наук: предварительный отчёт, комплексное географическое описание пути от Якутска до Верхнеколымска, первую маршрутную геологическую карту, карту верхнего течения рек Индигирки и Колымы, а также Индигиро-Алданского водораздела, открыл Зырянское месторождение каменного угля, на основе наблюдений пришёл к выводу о возможности развития земледелия в верховьях Колымы, Индигирки и Яны.

В письме к орнитологу Ф.Д. Плеске он писал: «Птицы набралось всего, впрочем, только 116. На будущий год желаем устроить это количество... со временем из Верхнеколымска же вышлю и все записанные мною наблюдения и сведения о фауне. Млекопитающих, по числу индивидуумов (штук 70, считая с черепами), набралось изрядно, но видов мало... Рыб собрано 15 видов в количестве не менее 50 неделимых, из них только 5 лососинового семейства. Всех рыб я насчитываю здесь не менее 22 видов...» [108]. Многосторонний учёный и исследователь, И.Д. Черский занимался изучением этнографии и фольклора жителей. В своей тетради вёл записи по семи разделам: песни, сказки якутские и русские, предания исторического содержания, музыкальные инструменты; народонаселение, племена; язык; жилище, домашняя утварь; одежда, пища, занятия, промыслы, орудия, способы передвижения, скот; нравственность, познания, мировоззрение, религия и т.

Рис. 32. М. П. Черская

п.; роды, воспитание младенцев, болезни, способы лечения [109].

Помимо научной деятельности, И.Д. Черский находил время для обучения сына, составив расписание занятий и строго его придерживаясь. Но здоровье его ухудшалось и, чувствуя приближение смерти, он написал: «...в случае моей смерти, где бы она меня ни застигла, экспедиция под управлением моей жены, Мавры Павловны Черской, должна все-таки ныне летом непременно доплыть до Нижнеколымска, занимаясь, главным образом, зоологическими и ботаническими сборами и разрешением тех из геологических вопросов, которые доступны моей жене.... После всего изложенного выше; смею надеяться, что местные власти, за все время действия экспедиции, благоволят способствовать её целям точно так же, как это делалось ими при моей жизни» [110]. 31 мая 1892 г. экспедиция И. Д. Черского отправилась вниз по реке Колыме на двух карбасах. Прибыв в Среднеколымск, в устье реки Анкудинки, она остановилась. Наблюдатель метеорологической станции рассказывал о состоянии Черского: «Иван Дементьевич скажет слово и минут 5-10 ждёт прекращения горловых, спазмов, чтобы сказать следующее слово, а тут опять те же спазмы надолго прерывают его речь» [111]. 13 июня экспедиция поплыла дальше. А 20 июня Иван Дементьевич уже не в силах был писать дневник и передал его жене. Из дневника Мавры Павловны:

Рис. 33. Мавра Павловна и Саша (Александр Иванович) Черские

«Июня 20... с сегодняшнего дня муж передал дневник мне, так как сам не в состоянии был вписывать наблюдения», «июня 23 мужу хуже, силы его совсем слабеют...», «июня 24 боюсь, доживёт ли муж до завтра. Боже мой, что будет дальше...», «июнь 25 всю ночь мой муж не мог уснуть, его мучили сильные спазмы. ...Пристали в 3 часа 30 мин. к речке Прорве. Муж умирает. Он скончался в 10 часов 10 минут вечера» [112].

Из принесённого течением реки бревна было сделано подобие гроба. Могилу с большим трудом выкопали в мёрзлом грунте с помощью топора и похоронили И. Д. Черского на берегу реки Колымы,

против устья реки Омолона. Из-за отсутствия материала жена договори́лась с местными жителями, что крестовый столб и ограду поставят позже. Попрощавшись с Иваном Дементьевичем, 1 июля экспедиция продолжила работу и 20 августа вернулась в Среднеколымск. В экспедиции из Среднеколымска до Нижнеколымска и обратно работали лоцманами и рабочими 18 колымчан: Н. Антипин, Ф. Прокопьев, М. Дьяконов, О. Слепцов, С. Попов, П. Волков, И. Бережнов и другие [113].

Благодаря бескорыстной помощи местных жителей, И.Д. Черский дал правильное научное объяснение строению поверхности районов Яны, Индигирки, Колымы. В 1893 г. Мавра Павловна при представлении отчёта просила Академию наук ходатайствовать о награждении казака С. Расторгуева и четырёх колымчан, участвовавших в экспедиции по Колыме. :

Александр Черский сын, пользуясь стипендией Академии наук, получил среднее и высшее образование. Работал на Дальнем Востоке естествоиспытателем-зоологом. Жизнь его оборвалась в 1921 г. у Камчатки, он утонул по пути с Командорских островов. Его имя носит на Камчатке звероводческий совхоз. Мавра Павловна скончалась в 1940 г. в Ростове-на-Дону [114].

Впоследствии горная система в Якутской АССР, Магаданской области и хребет в Забайкалье были названы именем И. Д. Черского. Посёлок Нижние Кресты переименован в посёлок Черский — центр Нижнеколымского района ЯАССР. Имя М.П. Черской носит гора на северном склоне Догдо-Чемалгинского хребта.

В 1894-1896 гг. работала Сибиряковская историко-этнографическая экспедиция по исследованию и изучению быта инородцев Якутской области. Участниками этой экспедиции были политические ссыльные В.Г. Богораз и В.И. Иохельсон.

В 1909 г. работала экспедиция Министерства промышленности и торговли по топографическому и гидрологическому обследованию восточно-сибирского побережья Северного Ледовитого океана и выяснению условий плавания судов от устья Лены до Берингова моря. Экспедиция делилась на две партии — западную и восточную, Восточная партия экспедиции работала от реки Колымы до Берингова пролива под руководством И.П. Толмачёва [115].

Согласно распоряжению якутского губернатора, колымский исправник к приезду экспедиции приготовил 200 ездовых эвенских оленей, часть из которых была для верховой езды; эвенкийские сани,

седла; необходимые продукты и другие вещи. Были подобраны хорошо знающие местность проводники и переводчики: юкагир Г. Сергеев, эвены И. Дьячков и Н. Дьячков, эвенк Н. Курилов, чукча В. Ваургин, русские С. Дранин, Н. Шкулев, казак Е. Березкин и другие [116].

Экспедиция осуществила обширные гидрологические работы и геологические изыскания на побережье Ледовитого океана, придя к заключению, что плавание морских судов от Колымы до Берингова пролива возможно, а также некоторые геологические работы ниже Среднеколымска. Для доставки отряда Толмачева из Шелагского Мыса, в ноябре 1909 г. было отправлено 6 нарт, запряженных 85 лучшими ездовыми собаками [117].

В том же 1909 г. работала гидрографическая экспедиция известного полярника — офицера Адмиралтейства Георгия Яковлевича Седова [118]. Задачей экспедиции было обследование устья Колымы, подходов к ней и фарватера для входа морских судов, гидрологические, магнитные, метеорологические наблюдения и мензульная съёмка берега от Нижнеколымска до Крестовского и Медвежьего мыса.

Прибыв в Среднеколымск в середине мая с помощниками В. Жуковым и переводчиком из Якутска казаком Н. Дьячковым, Седов нанял рабочих и выехал с ними в устье Колымы. Осенью того же года экспедиция выполнила поставленные задачи. Был решён важный вопрос о возможности захода морских судов в устье Колымы. По берегам устья Колымы были поставлены створы, указывающие путь судам. В этой экспедиции хорошо поработали колымчане: И. Котельников, М. Котельников, С. Котельников, Н. Берёзкин, И. Берёзкин, И. Попов [119], награждённые правительством серебряными медалями «За усердие».

Высоко оценивая их работу, Г.Я. Седов писал: «Колымчане — добрые, хорошие люди, отличаются безукоризненной честностью и преданностью. Все они относились к нам с большим вниманием и любовью. С ними нам скоро удалось установить самые сердечные отношения...» [120].

Помимо указанных, в Колымском крае работали и другие научно-исследовательские экспедиции.

Глава 6

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

2(15) марта 1917 г. ссыльными социал-демократами в Якутске была получена телеграмма условного содержания о начале революции в Петрограде. В этот же день большевики, собравшись у Е. М. Ярославского, приняли решение созвать партийное собрание для выработки развёрнутого плана действий. На другой день 3(16) марта Е. М. Ярославский и Г. И. Петровский получили телеграмму о победе революции в Петрограде.

4(17) марта на народном собрании Якутска была низложена власть якутского губернатора и был создан Якутский комитет общественной безопасности (ЯКОБ) под председательством большевика Г.И. Петровского, и в этот же день Якутская городская дума, под нажимом группы вооружённых политссыльных во главе с Е. Ярославским, сложила свои полномочия, о чём и было объявлено народу. Ярославский писал, что якуты, узнав о революции, «радовались ярко и сильно тому, что происходило там, в далёкой столице» [1]. 5 марта был разрешён вопрос о захвате власти областного правления.

Большевики развернули огромную по своим масштабам работу для захвата власти во всей Якутии. Возглавил эту работу Комитет общественной безопасности во главе с Г. И. Петровским при ближайшем участии Е. М. Ярославского, Г. К. Орджоникидзе, К. И. Кирсановой и других. Весть о победе Февральской революции и свержении царизма быстро распространилась по территории Якутии, позже всех об этом узнало население северных округов.

В марте 1917 г. в Среднеколымск приехал бывший политссыльный И. Хаенко, направленный уполномоченным КОБ. для установления новой власти в северных округах. Политссыльные и рабочие-строители радиостанции с большой радостью приветствовали сообщение, что вековая борьба народов России за освобождение завершилась свержением царской монархии, созданием Временного правительства. На общем собрании населения округа было решено не подчиняться власти царской администрации, арестовать исправника Рындина, мирового судью, опечатать полицейское управление, избрать исполнительный комитет общественной безопасности, что и было сделано И. Васильевым, С. Зыковым, П. Бережновым, Ф. Барминым, Н. Юдиным, А. Василевским, В. Попенковым, С. Литвиновым и другими [2].

28 марта (10 апреля) население Среднеколымска на общем собрании города узнало, что в Петрограде 27 февраля 1917 г. восставшие рабочие и солдаты свергли власть царского самодержавия и образовалось Временное правительство; в Якутске свергнута власть царского наместника вице-губернатора; создан Якутский комитет общественной безопасности под руководством областного комиссара Г.И. Петровского; отстранены от занимаемых должностей реакционные царские чиновники; в округах упразднены полицейские управления и изгнаны все чины полиции; вместо полицейских управлений назначены окружные комиссары.

На собрании был избран новый временный орган власти - Колымский окружной исполнительный комитет общественной безопасности (КИ КОБ) [3] из различных слоёв населения города: мещан, казаков, духовенства, служащих, рабочих и бывших полицейских чиновников. Представителями рабочих были С. Литвинов и Ф. Дедков. С 3(16) апреля 1917 г. председателем КОБ стал ссыльный левый эсер Н. Г. Юдин, впоследствии ставший коммунистом,

18 июня 1917 г. комиссаром по Колымскому округу был утверждён казачий сотник Г. Кондаков, начальником милиции назначен А. Ягловский. КИ КОБ решал все административно-хозяйственные вопросы округа. Было принято постановление КОБ об установлении 8-часового рабочего дня и о повышении зарплаты чернорабочему за 8-часовой рабочий день [4].

При КИ КОБ была создана продовольственная комиссия, впоследствии превратившаяся в самостоятельный окружной продовольственный комитет под председательством В. В. Гуляева [5]. Под руководством КИ КОБ решались самые трудные продовольственные вопросы в округе, особенно в Нижнеколымске и у юкагиров Верхнеколымска. Продкомитет в августе 1917 г. установил цены на доставленные из Владивостока товары и продукты, и установил нормы потребления продуктов населением [6] на мясо, рыбу, молочные продукты, а также цены на дрова с доставкой. Специально обсуждался вопрос о выдаче населению керосина и спичек [7]. Члены комитета закупали по наслегам Колымского улуса мясо для продажи населению округа [8].

В ноябре 1917 г. было постановление продкомитета о ценах на купеческие товары: чай кирпичный — 2 руб. 80 коп.; табак чёрный — 90 коп. за фунт; спички — 50 коп. за пачку; сахар-песок — 60 коп. за фунт [9].

Из Якутска были выписаны рыболовные снасти, боеприпасы для охотников. В Верхнеколымске был создан комитет по оказанию помощи голодающим юкагирам и эвенкам под председательством священника А. Ковынина. Были отправлены деньги на оказание помощи юкагирам Ушканского рода и эвенкам 2-го Делянского рода [10].

В декабре было принято решение продкомитета о выдаче в долг муки из магазина села Родчево самым бедным семьям юкагиров и эвенков и было составлено ходатайство перед Якутской областной продовольственной управой о выделении безвозвратного кредита в сумме 5000 руб. для покупки оленей верхнеколымским юкагирам и эвенкам.

Нижеколымский продкомитет произвёл нормирование цен на товары первой необходимости. Однако купец Астратов отказался торговать по новым ценам, его поддержали другие торговцы. На общем собрании нижеколымчане осудили бессилие и бездеятельность продкомитета и потребовали выбора нового состава. Купцы и местные торговцы не подчинились требованиям провести учёт принадлежащих им товаров. Новый продкомитет и КОБ Нижеколымска, видя их сопротивление, сложили свои полномочия. Попытка создать новый состав КОБ и продкомитета не увенчалась успехом. И в последующие годы продкомитет бездействовал, ничем не помогая голодающим. С 1918 г. перестали поступать грузы морским путём.

В новой обстановке в Среднеколымске образовались профессиональные союзы: «Союз рабочих всех профессий», организованный политссылным С.Ф. Литвиновым, секретарём этого союза в 1917-1918 гг. был фельдшер Е. Фёдоров, «Союз матросов» и был создан первый Колымский торгово-промышленный кооператив [11].

«Союз рабочих всех профессий» в основном состоял из рабочих, несколько лет строивших в городе радиотелеграфную станцию. По призыву этого профсоюза, 3 октября была начата забастовка строителей станции. Поводом для неё послужил отказ администрации удовлетворить требования рабочей артели об увеличении заработной платы и повышении окладов профессиональным рабочим. Администрация объявила, что с 15 октября все рабочие, подписавшие заявление, будут уволены и потребовала в трёхдневный срок освободить казённые квартиры. Забастовщики, возглавляемые С. Литвиновым и И. Васильевым, приняли решение отправить в Якутск по одному представителю от администрации и рабочих для урегулирования спорных вопросов. Рабочие прекратили забастовку и вышли на

работу с требованием выплатить зарплату за нерабочие дни. В марте 1918 г. П.Н. Бережнов из Якутска сообщил, что требования рабочих артели были удовлетворены [12]. Это было первой победой рабочих радиотелеграфной станции.

Февральская буржуазно-демократическая революция в далёком, заполярном Колымском округе явилась первым уроком дальнейшей борьбы трудящихся по перерастанию буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Жизнь народностей Колымского края — юкагиров, эвенов, эвенков и чукчей — на протяжении многих веков развивалась в изоляции от цивилизованных стран мира. Эти древние народы развили здесь оленеводство, охоту, рыболовство, тем самым сыграв особую роль в хозяйственно-культурном освоении этого сурового края.

Первая часть истории Колымского края охватывает 275 лет — с 1642 по 1917 г.

В XVII в. в их жизни произошло событие огромного значения — они вошли в состав Российского государства» Это событие стало поворотным пунктом в их истории — они связали отныне свою судьбу с судьбами многих народов многонациональной России. Став подданными могучего феодального государства, они стали платить ясачные повинности. Их нещадно эксплуатировали купцы, чиновники, священники и тойоны. Распространение классового гнёта царизма привело к ухудшению и без того плохого положения народов. Причин было много: хищническое уничтожение запасов ценного пушного зверя, резкое сокращение охоты на диких оленей и лосей, уменьшение рыболовства, громадные потери оленей в результате частых эпизоотии, бескормицы, набега волков и миграции диких оленей.

Жестоко страдали якуты. К числу натуральных повинностей им вменялось в обязанность содержание уголовных преступников, принёсших в край пороки и разорение местного населения. В результате массовых эпизоотии и забоя скота из-за голода у них сократилось их главное подспорье — скот.

Русское население Колымы тоже несло тяготы феодальных повинностей государству и находилось под притеснением администрации округа — чиновников и купцов.

С другой стороны, вхождение Колымского края в состав Русского государства имело прогрессивное значение. Якуты, юкагиры, эвены, эвенки и чукчи вышли из состояния вековой изолированности и замкнутости вошли в общий поток исторического развития России, навсегда связав свои судьбы с судьбой великого русского народа. Общение народностей края с русскими привело к изменениям в их материальной культуре: благодаря торговле приобретали более совершенные орудия производства; с распространением огнестрельного оружия совершенствовалась охота; внедрялись новые орудия промысла рыбы, более совершенные трудовые навыки.

Одновременно происходило взаимовлияние культур русского и коренных народов: русские приобрели навыки охоты, оленеводства, обработки пушнины, пользования собачьим и оленьим транспортом; якуты заимствовали опыт оленеводства; эвены научились ведению скотоводства. Построенные русскими зимовья, остроги и другие населённые пункты оказали значительное влияние на быт народов — появилась новая одежда, продукты питания.

Большое значение для культурного сближения народностей с русскими имело принятие в XVIII в. христианства. На культурное и общественно-политическое развитие трудящихся большое влияние оказали политссыльные. Организованная ими библиотека в Средне-колымске развивала кругозор населения, в особенности у молодёжи. Вопреки запрещениям, политссыльные занимались распространением просвещения среди населения, обучая детей и взрослых грамоте.

Находясь в составе России, в крае возникали зачатки здравоохранения, хотя потребности населения удовлетворялись слабо; работа за спасение жизни людей с эпидемиями и массовыми заболеваниями велась. Большинство врачей были политссыльными. Особенно большую работу по улучшению медицинской помощи населению оказал политссыльный революционер, соратник В. И. Ленина, врач С. И. Мицкевич.

Представители русской науки, образования, политссыльные внесли крупный вклад в изучение края и его народностей: В.Г. Богораз, В.И. Йохельсон, И.В. Шкловский, К.Ф. Рожковский, В.А. Данилов и другие. Многие явления жизни населения стали объектом литературной деятельности и на этой основе появились повести, очерки и рассказы о быте, жизни населения и их экономическом положении.

Колымский край в начале XX в. вошёл в водоворот освободительной борьбы русского рабочего класса, всех угнетённых народов

страны против царизма. Под влиянием Февральской революции и в этой отдалённой окраине появилась возможность приобщения к новым преобразованиям социальной жизни. Однако подлинные перемены произошли здесь только в результате социалистической революции.

НОВАЯ ДРАМА В ЯКУТСКЕ

(газета «Искра» № 2, 1901 г., февраль)

О калашниковской истории ещё мало кто знает в России. И не мудрено: она разыгралась на далёком сибирском севере, в той проклятой якутской глуши, куда заносит людей не их собственная добрая воля, а неистовство и самодурство царского произвола. Вести оттуда идут целыми длинными и долгими месяцами, — и человек успеет истлеть в могиле, прежде чем мы узнаем о его смерти.

И над Иваном Калашниковым уже давно сибирские метели нанесли курган снега, а мы только теперь, только через полгода, получили сообщение об его ужасной кончине...

Иван Калашников — бывший матрос Добровольного флота. Не с самого рождения он стал дышать морозным воздухом Якутии. Раньше, до 1894 г., он жил в одесском тепле. Это был человек, по отзыву его товарищей, в высшей степени даровитый; с природным умом в нем соединялось широкое развитие; мало того, это был человек, всей душой чувствовавший горечь существования русского рабочего люда, тяготу жизни в горячо любимой им России. Это был природный борец за благо и счастье трудящихся классов.

Капиталисты гнетут работников, цари всеми силами поддерживают капиталистов, — значит с теми и с другими трудящиеся классы должны вести непрестанную борьбу. А для этого они, эти классы, должны быть сознательны и организованы. Это ясно понимал Иван Калашников и отдал всю свою твёрдую волю, кипучую энергию, все свои знания и всю свою жизнь на дело развития самосознания рабочих и на организацию их. Работал он, главным образом, среди своих товарищей — матросов. Развивая самосознание рабочих — книжкой и словом, организуя их — кружками и стачками, он совершал преступление против российских царских законов. Наши законодатели с короной на голове и образками короны на пуговицах и эполетах, они лично знают, что нужно всеми силами мешать распространению сознания рабочих. Тюрьмой, Сибирью, каторгой, если надо и смертью — нечего церемониться!

Калашников, именно, принадлежал к таким «лиходеям», которым ненавистно порабощение рабочего люда. А поэтому он и был сослан на 10 лет в самые отдалённые места Восточной Сибири (Нижнеколымск) вместе с другими (Нахамкисом, Цыперовичем и проч.) за то,

что они создали в Одессе первую серьёзную социал-демократическую организацию рабочих.

Вы представьте себе только, что значит ссылка в Якутскую область. *Это* все равно, что закопать живого в могилу. Оторвать умного, сознательного человека от людей, тех самых людей, благу и счастью которых он намерен отдать всю свою жизнь, — и бросить его на безлюдье... Отрезать от жизни того, кто полон жажды этой самой жизни, и швырнуть в снежную пустыню... Человека, с глубоким интересом наблюдавшего за нарастанием в жизни правды и справедливости, заслат в тридесятое царство наблюдать, как хлопья снега образуют одна за другою громадные снежные горы...

Человека, который весь горит желанием протапывать новые дороги в жизни, закинуть в непроходимую тайгу, закопать в лёд и снег. Так закопать, чтобы он жил, не живя и не умирая, стонал без всякой надежды, чтобы стон его донёсся до России, проклинал царский произвол, зная, что проклятье также замёрзнет на морозном воздухе Якутии, как замерзают в нем птицы.

Ужасная жизнь! Как должен истерзаться, измучиться человек, обречённый на такое существование! Есть ли в этом человеке, заброшенном в снежную пустыню, хоть одно неизболевшее место?

Он весь — муки и страдания, он весь — боль и раны, напряжённые и ноющие нервы. Человек все время находится в таком возбуждённом состоянии, что на оскорбление, от какой бы мрази и пакости оно ни шло, он должен ответить гораздо резче, чем человек с неистрепанными нервами.

Некая мразь и пакость нанесла Калашникову оскорбление, и он заплатил за неё своею жизнью.

28 июня 1900 г. через Нижнеколымск шёл паузок с почтой. Калашников подъехал к нему на лодке и спросил казаков, нет ли ему письма. В ответ на это земский заседатель Иванов, бывший на паузке, сказал какую-то грубость: царский слуга, надо полагать, был в плохом настроении духа и счёл для себя возможным сорвать своё недовольство на ссыльном.

Иванов — человек, у которого никогда не было за душой ничего, кроме мерзости и пошлости, никогда не молившийся иному богу, кроме бога наживы, вдруг ни с того ни с сего оскорбляет человека, свою жизнь положившего за други своя! Калашников не стерпел и, не обращая внимания на то, что кругом Иванова были казаки, бросился с лодки на паузок; зачем он бросился, он, вероятно, и сам бы не мог

сказать себе: может быть, плюнуть в лицо царскому лакею, может быть, и убить его даже — можно ли рассуждать в такую минуту! По распоряжению Иванова, Калашников был связан, и на него со всех сторон посыпались удары чем попало и куда попало, а сам Иванов принялся топтать ногами связанного «врага». Когда «враг» был доведён до полного нечувствия и избит до полусмерти, его сбросили назад в лодку, и течение реки каким-то чудом доставило его на берег. Через два дня Калашников застрелился. Все это время он ходил сумрачный, ничего не ел и не пил, что было доказано судебным вскрытием трупа, и, наконец не выдержал, не снёс побоев какого-то Иванова, который и на человека похож только потому, что у него есть руки, чтоб хапать и драть, и рот, чтобы жевать нахапанное...

Ссылные товарищи потребовали следствия. Иванов был вытребован исправником и явился в Среднеколымск 20 августа. 14 сентября его встретил на улице товарищ Калашникова Ергин, окончивший Петербургский университет. Он шёл на охоту (в это время был лёт гусей) и нёс ружьё, заряженное картечью. Увидев Иванова, он спросил его, что у него произошло с Калашниковым; земский заседатель и на этот раз отвечал с дерзостью, и Ергин, всей душой изболевшийся за участь товарища, весь проникнутый чувством мести, сознательно или бессознательно — где уж тут выяснить — щёлкнул курком и убил Иванова. Дело происходило в городе около полиции; на выстрел сбежались царские наёмники и отдавая им себя под арест, Ергин сказал: «Я убил заседателя».

Ергин, по словам знавших его в Петербурге, — человек очень добродушный; трудно бы и предположить даже, что он может кого-либо убить.

Сама жизнь, якутская, проклятая жизнь, заставляет людей прибегать к кровавой расправе, не позволяя им раздумывать, выгодна ли мена недолюдка Иванова на подлинных людей в лучшем смысле этого слова.

Это уже не первая история в Якутске. Их было уже несколько, если не в таком роде, то очень схожих. Да и вообще в России... Чего-чего только не было на нашей несчастной родине. Чего только не приходилось переживать таким, как Калашников, за то, что душу свою, все силы свои, разум, чувство, волю они несут на служение рабочему делу. За это их постигает царская расправа!

И после этого находятся ещё такие доброжелатели рабочих, которые говорят, что не надо бороться с царским произволом!

Кровь убитых и замученных товарищей призывает к борьбе с царским насилием, без слов говорит, что без этой борьбы вся Россия превратилась в кладбище, что лучшие наши силы, наши Калашниковы, изгибнут в далёких снегах в то самое время, когда они так нужны рабочему делу...

Организуйтесь, товарищи, проникайтесь сознанием и всеми силами, всеми средствами боритесь против царя! С вами не только все живые борцы за свободу и счастье трудящихся классов, но и тени борцов, замученных царским произволом.

Вышеприведённое сообщение о потрясающей драме в Якутске дополняем ещё следующими данными:

Несколько дней спустя после избиения Калашникова с ним встретились Ергин и Янович, отправлявшиеся на охоту. Калашников был страшно расстроен и о происшедшем не упомянул ни слова. При нем была берданка; он говорил, что идёт на охоту. Немного погодя невдалеке раздался выстрел. Янович бросился по направлению к выстрелу и нашёл Калашникова уже умирающим и при нём записку, в которой он обвиняет Иванова в своей смерти...

Негодяй Иванов, этот «цивилизованный» якут, говорят, был раньше секретарём полиции в Верхоянске.

Вот краткие биографические сведения об этих новых жертвах русского правительства.

Александр Александрович Ергин — арестован в СПб летом 1896 г. по делу «Лахтинской» типографии и «Группы Народовольцев». Приговорён к двум годам «Крестов» (с зачётом предварительного заключения) и 8 годам ссылки в Восточную Сибирь. Сослан в Колымск, худшее место на земном шаре.

Любовь Владимировна Ергина (урожденная Лазарева), жена его, по тому же делу сослана была в Колымск на 6 лет.

Иван Михайлович Калашников — вольный штурман. Арестован в Одессе в январе 1894 г. (по делу Нахамкиса, Цыперовича и др.). Поступивши матросом на пароход, вёл живую пропаганду среди матросов и кочегаров. Арест и ссылка прервали его горячую революционную деятельность. До привлечения своего к одесской рабочей организации, склонявшийся к анархическим взглядам, он сделался к 1893 г. убеждённым социал-демократом и много поработал в матросском мире, где пользовался большой популярностью. Сослан (после полуторагодичного одиночного заключения) в июле 1895 г. в Колымск, где и погиб так неожиданно.

Мир праху твоему, товарищ! Одесские матросы, помните ли вы вашего пылкого Ваню?

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ТЮРЬМА И ССЫЛКА

(газета «Пролетарий» № 8, 1905 г., 17(4) июля, Женева)

Якутск. В первых числах марта пять товарищей: Бойков, Верховуров, Держановский, Басс и Сидорович отправились в полицейское управление с оружием в руках и потребовали от исправника писем, только что полученных из Якутска почтой, без предварительного просмотра.

Вынуждены были товарищи прибегнуть к такой мере по следующим обстоятельствам. Сейчас же после «Романовской истории» вся переписка ссыльных была отдана Иркутским генерал-губернатором Кутайсовым под контроль местного начальства, которому вменялось в обязанность отбирать «интересные» письма и отправлять их в департамент полиции. Колымский исправник, поставленный лицом к лицу с возбуждённой колонией, решил повести дело так, чтобы и циркуляр Кутайсова был исполнен, и колония не имела повода к протесту. Вскоре, однако, обнаружилось, что письма приходят без предварительных бумаг. Таким образом, контроль над исправником сделался фактически невозможным. Желая положить конец такому ненормальному положению вещей, товарищи решили отобрать письма силой. Полиция была напугана появлением демонстрантов до потери сознания. Сам исправник в этот момент был до того жалок, что у товарищей не хватило духу довести протест до конца.

Вскоре они были арестованы и под строгим конвоем отправлены в Якутск на суд. Их обвиняют по 263 статье (старого уложения). Результаты протеста уже налицо! Корреспонденция оставшихся в Колымской ссылке (7 человек), в протесте не участвовавших, освобождена от просмотра, а самим ссыльным разрешено выехать из Колымска в Якутск. Этим самым упраздняется одно из самых тяжёлых мест ссылки, где столько человек томились в течение последних 20 лет с лишним. Из пяти демонстрантов двоим (Сидоровичу и Бассу) срок кончался в октябре...

Высокоуважаемый и нами, инородцами, чтимый Сергей Иванович! Сородовичи Колымского улуса возложили на нас, выборных представителей Улуса, приятную обязанность сказать Вам, уважаемый Сергей Иванович, незадолго до скорого, может быть, Вашего отъезда из Колымского края, несколько простых, но от сердца идущих пожеланий Вам, врачу-человеку, так хорошо послужившему и в деле врачевания наших физических недугов, и в деле человеческого отношения к интересам нашего полуголодного существования: все живо помним Вашу энергичную борьбу и с эпидемией кори в 1901 г., осложнённой голоданием большей части больных; мы не забудем Ваших настойчивых усилий — излечить и накормить больного-голодного. Постановка дела помощи медицинской и организация кормления бедняков в г. Колымске, в пору эпидемии поглотила у Вас весьма много времени, так что деятельность Ваша в этой области не могла быть широко применена среди нас, в местах наших жилищ, разбросанных почти на 3000 вёрст расстояний. Для этого у Вас не было сил, не было времени, не было достойных помощников, но и тут Вы, Сергей Иванович, делали все, что может и. должен делать честный, неутомимый общественный деятель.

Нам памятно, достойно чтимый Сергей Иванович, Ваше участие, Ваша забота о сородовичах наших, поражённых страшной болезнью — проказой; Вы возбудили к этим несчастным людям общественное внимание, выразившееся в добровольных пожертвованиях деньгами и вещами в пользу прокажённых, а тем самым облегчили тягости Улуса, нёсшего значительный расход на их содержание из своих общественных средств, упорядочение и улучшение лечения и питания для находящихся в лечебнице больных инородцев и сокращение расходов Улуса на содержание лечебницы с 600 руб. в год до 150 рублей. Великое дело святой любви и милости к бедному меньшему брату даёт нам право без лести и угодливости воздать Вам, уважаемый Сергей Иванович, настоящим письмом невещественную дань нашего глубокого уважения Вашему достойному, бескорыстному служению на славном посту врача-человека.

Да послужит Вам, чтимый, добрый Сергей Иванович, наша бесхитростная речь, наши лучшие сердечные пожелания залогом нашей чистой памяти о Вас, чутко откликнувшемся на все недочёты нашей убогой жизни. Не забывайте Колымских якутов, храните крепко-

накрепко драгоценное Ваше чувство добросердечия и любви к ближнему и, в меру Вашей силы и, раздумия, не забывайте продолжать делать добро для нас из того далёкого нашей обширной России, куда долг честного служения побудит Вас идти работать.

Честь имеем быть Вашими покорнейшими слугами выборные представители от сородовичей Колымского Улуса:

Староста 3-го Мятюжского наслега Фёдор Винокуров

Староста 2-го Мятюжского наслега Василий Тырылгин

Староста Кангаласского наслега Савва Гуляев

Староста 2-го Байдунского наслега Хрисанер Кудрин

Староста Эгинского наслега Дмитрий Жирков

Староста 4-го Мятюжского наслега Филипп Бандеров

Староста 1-го Кангаласского наслега Алексей Винокуров

Староста 1-го Байдунского наслега Спиридон Дьячков

Староста Борогонского наслега Митрофан Винокуров

Старшина 2-го Байдунского наслега Спиридон Кондаков

Колымский Улусный Голова Аполлон Слепцов.

(Из Среднеколымского музея)

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БСЭ — Большая Советская Энциклопедия

ОРЗПМ — Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов

ДАИ—Дополнения к актам историческим

ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив Ленинграда

ЦГА ЯАССР — Центральный государственный архив Якутской АССР

КПМГ—Колониальная политика Московского государства

СОИРГО — Сибирский отдел императорского Русского географического общества

ИРГО — Иркутское Русское географическое общество

ВСОИРГО — Восточно-Сибирский отдел императорского Русского географического общества

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции

ЯКОБ — Якутский комитет общественной безопасности

ПАЯО — Партийный архив якутского обкома

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энциклопедический словарь / Под. ред. проф. И. Е. Андреевского, т. XVa — СПб., 1895. — С. 778.
2. Обручев С. Колымо-Индигирский край (географический и геологический очерк). — Л., 1931. — С. 14-21.
3. Советский Союз (Российская федерация. Восточная Сибирь) / Под ред. С. В. Колесника. — М, 1969. — С. 439.
4. БСЭ, 3-е изд., т. I. — М, 1970. — С. 379.
5. Гвоздецкий Н. А., Михайлов Н. И. Физическая география СССР. — М., 1978. — С. 395-399.
6. Северная Якутия (Физико-географическая характеристика), т. 236 / Под ред. Я. Я. Геккеля и Е. С. Короткевича. — Л., 1960. — С. 236-247.
7. Гвоздецкий Н. А., Михайлов Н. И. Физическая география СССР. — М., 1978. — С. 374-376.
8. Советский Союз (Российская федерация. Восточная Сибирь) / Под ред. С. В. Колесника — М., 1969. — С. 411.

Глава 1. Открытие Колымы русскими землепроходцами

1. Ефимов А. В. Документы об открытиях русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII в. на северо-востоке Азии // Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов XVII в.: Сб. док. — М., 1951 — С. 14-15.
2. Иванов В. Н. Социально-экономические отношения у якутов XVII в — Якутск, 1966. — С. 38.
3. Ионова О. В. Присоединение Якутии к русскому государству // История Якутии — М., 1957. — Т. 2. — С. 31.
4. Оглоблин Н.Н. Семён Дежнёв (1638-1671). — СПб, 1890. — С. 7.
5. Открытие русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века (ОРЗПМ) / Сост. Н. С. Орлова. — М., 1951 — С. 134.
6. Там же, с. 135.
7. Белов М.И. Семён Дежнёв. — М., 1948. — С. 48.
8. Попов С. Путём, доселе неизвестным // Социалистическая Якутия.— 1982.— 6 янв.
9. Белов М.И. Семён Дежнёв. — М, 1948. — С. 49.
10. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века // История открытия и освоения Северного морского пути. — М., 1956. — Т. I. — С. 153, 155.

11. Дополнения к актам историческим (ДАИ). — Т. III. — СПб, 1848. — С. 99-100.
12. Оглоблин Н.Н., Семён Дежнёв (1638-1671). — СПб., 1890 — С. 43, 44.
13. Кадек М.Г. Семён Иванович Дежнёв // Люди русской науки.—М.-Л, 1948. — С. 526.
14. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века // История открытия и освоения Северного морского пути. — М, 1956. — Т. I. — С. 178.
15. ДАИ.— Т. III. — СПб, 1848. — С. 279-280.
16. Якутия в XVII веке / Под ред. С.В. Бахрушина и С.А. Токарева.— Якутск, 1953. — С. 54.
17. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах / Сост. М. И. Белов — Л.-М, 1952. — С. 62-63.
18. ОРЗПМ. — М, 1951. — С. 289, 291.
19. Русские мореходы в Ледовитом и Тихом океанах / Сост. М. И. Белов. — Л.-М., 1952 — С. 71-72.
20. ОРЗПМ — М, 1951. — С. 291.
21. ДАИ.— Т. III. — СПб, 1848 — С. 397-399.
22. Якутия в XVII в. / Под ред. С.В. Бахрушина и С.А. Токарева. — Якутск, 1953 — С. 307.
23. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. // История открытия и освоения Северного морского пути. — М, 1956. — Т. I. — С. 155.
24. Ионова О.В. Присоединение Якутии к Русскому государству // История Якутии. — М, 1957.— Т. 2.— С. 38.
25. Кадек М.Г. Семён Иванович Дежнёв // Люди русской науки —М.-Л, 1948. — С. 528.
26. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века // История открытия и освоения Северного морского пути. — М, 1956. — Т. 1. — С. 164-165.
27. Белов М.И. Там же, с. 177.
28. Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. — М, 1940 — С. 107-110.
29. Попов С. Путём доселе неизвестным //Социалистическая Якутия. — 1982. — 6 янв.
30. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М, 1960. — С. 379.

31. Кириллов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. — М, 1977 — С. 296, 297.
32. Оксенов А.В. Среднеколымск и его округ // Исторический вестник, год шестой. — СПб., 1885. — Т. XXI. — С. 116.
33. Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII-середине XIX в. — М, 1978. — С. 34-35.
34. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1820-1824). — М, 1948. — С. 126.
35. Кротов М. На Севере дальнем. — М, 1957. — С. 119.
36. Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII—середине XIX в. — М, 1978 — С. 37, 42, 43.
37. ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 66, л. 274-275.
38. Кириллов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. — М, 1977 — С. 297.
39. Сарычев Г.А. Путешествие по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и восточному океану. — М., 1952. — С. 72.
40. Сафронов Ф.Г. Русские на северо-востоке Азии в XVII—середине XIX в. — М, 1978. — С. 142.
41. ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 2, д. 109, л. 16-18
42. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 2655, л. 3, 5, 7, 9.
43. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 5396, л. 20, 21,
44. ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 11, д. 2956, л. 1.
45. Оксенов А.В. Среднеколымск и его округ // Исторический вестник, год шестой. — СПб., 1885, — Т. XXI. — С. 105, 106.
46. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII—середина XIX в.). — М., 1956. — С. 194.
47. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1820-1824). — М., 1948. — С. 151.
48. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века // История открытия и освоения Северного морского пути. — М., 1956. — Т. 1. — С. 156.
49. Там же, с. 322-323.
50. Трифанов А. Заметки о Нижнеколымске // Известия СОИРГО. — Иркутск, 1872. — Т. III, №3 — С. 161-163.
51. Оксенов А.В. Среднеколымск и его округ // Исторический вестник, год шестой. — СПб., 1885. — Т. XXI. — С. 107.
52. Мицкевич С.И. Записки врача-общественника (1888-1918). — М.: Медицина, 1969 — С. 102.

53. Кириллов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства — М., 1977. — С. 296.
54. Сарычев Г.А. Путешествие по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и восточному океану. — М., 1952. — С. 65-67.
55. Оксенов А.В. Среднеколымск и его округ // Исторический вестник, год шестой. — СПб., 1885. — Т. XXI — С. 107.
56. Алдан-Семенов А. Черский. — М., 1962. — С. 56, 57.
57. Мицкевич С.И. Записки врача-общественника (1888-1918), — М.: Медицина, 1969 — С. 93.

Глава 2. Население Колымы и его социально-правовое положение

1. Ленин В.И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Полн. собр. соч. — Т. 36. — С. 296.
2. Общественный строй у народов Сибири XVII — начала XX вв. — М., 1970. — С. 38-47.
3. Зибарев В.А. Советское строительство у малых народностей Севера. — Томск, 1958. — С. 19.
4. Йохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону // Известия ИРГО. — СПб., 1898. — Т. XXXIV, вып. 3. — С. 256.
5. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960. — С. 379-423.
6. Йохельсон В.И. К вопросу об исчезнувших народностях Колымского округа. — Известия ВСОИРГО. — Иркутск, 1897. — Т. XXXVIII, №2. — С. 161.
7. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1820-1824). — М., 1948. — С. 136.
8. Йохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону // Известия ИРГО. — СПб., 1898. — Т. XXXIV, вып. 3. — С. 262.
9. Дьячков Г. Анадырский край // Записка общественного изучения Амурского края. — Владивосток, 1893. — Т. II. — С. 51.
10. Колониальная политика Московского государства в Якутии в XVII в. (КПМГ) / Под ред. Я.П. Алькора и Б.Д. Грекова — Л., 1939. — С. 64-65.
11. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? — М., 1979. — С. 17.
12. Сарычев Г.А. Путешествие по Северо-Восточной части Сибири, Ледовитому морю и восточному океану. — М., 1952. — С. 66.
13. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? — М., 1979. — С. 20.
14. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960. — С. 416.

15. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. // История открытия и освоения Северного морского пути. — М., 1956. — Т. 1. — С. 181.
16. Тан-Богораз В.Г. К вопросу марксистского метода к изучению этнографических явлений // Этнография. — 1930. — №1-2. — С. 28.
17. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1820-1824). — М., 1948. — С. 142
18. Йохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону // Известия ИРГО. — СПб., 1898. — Т. XXXIV, вып. 3. — С. 265-266.
- 19 Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в.— М, 1960. — С. 417.
20. Йохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону // Известия ИРГО.— СПб., 1898. — Т. XXXIV, вып. 3. — С. 263, 269.
21. Там же, с. 282-283.
22. Мицкевич С.И. Здписки врача-общественника (1888-1918) —М.: Медицина, 1969 — С. 115-119.
23. Там же, с. 123-124.
24. ЦГИАЛ, ф.. 1290, оп. .11, Д. 2772, л, 94, 96-97.
25. Богораз В.Г. Русские на реке Колыме // Жизнь — 1899. — Т. VI. — С. 104.
26. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? — М., 1979. — С. 30.
27. Юкагиры (историко-этнографический очерк) / Под ред. А.П. Окладникова. — Н-ск: Наука, 1975. — С. 18, 19.
28. Степанов Н.Н. Малые народы Якутии // История Якутской АССР. — М., 1957. — Т. 2. — С. 332-333.
29. Юкагиры (историко-этнографический очерк) / Под ред. А П. Окладникова. — Новосибирск: Наука, 1975. — С. 58.
30. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? — М., 1979. — С. 82-83.
31. Бутурлин С.А. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского краев. — СПб., 1907. — С. 21.
32. Соколов М.П. Якутия по переписи 1917 г. — Иркутск, 1925. — Вып. 1 и 2. — С. XXI-XXII.
33. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? — М., 1979. — С. 33.
34. Степанов Н.Н. Малые народности Якутии // История Якутской АССР. — М., 1957. — Т. 2. — С. 97.
35. КПМГ. — Л., 1939 — С. 60.
- 36 Стрелов Е.Д. Акты архивов Якутской области (с 1650 до 1800 г.). — Якутск, 1916. — Т. 1 — С. 236-238.

37. Гурвич И.С. Малые народности Якутии со второй половины XVIII до 60-х годов XIX в. // История Якутской АССР. — М., 1957. — Т.2. — С. 206-212.
38. ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 9, д. 1053, л. 445-449.
39. Кибер А.Ф. Замечания о некоторых предметах естественной истории учиненной в Нижнеколымске и окрестностях оного в 1821 г. // Сибирский вестник — СПб., 1823. — Ч. 2 — С. 128, 129.
40. Тан-Богораз В.Г. К вопросу марксистского метода к изучению этнографических явлений // Этнография. — М.-Л., 1930. — №1-2. — С. 28.
41. ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. И, д. 2772, л. 96-105.
42. Кибер А.Ф. Замечания о некоторых предметах естественной истории, учиненной в Нижнеколымске и окрестностях оного в 1821 г. // Сибирский вестник. — СПб., 1823. — Ч. 2. — С. 49-50.
43. Майдель Г.Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 гг. — СПб., 1894. — С. 65,
44. Нейман К.К. Несколько слов о торговле и промышленности северных округов Якутской области // Известия СОИРГО. — Иркутск, 1872. — Т. III, № 1-2. — С. 44.
45. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII—сер. XIX вв.). — М., 1956. — С. 263.
46. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1820-1824). М, 1948. С. 157.
47. Молодых И.Ф. Пути связи и снабжения Колымо-Индигирского края. — Иркутск, 1931.— С. 71-72.
48. Мицкевич С.И. Записки врача-общественника (1888-1918). —М.: Медицина, 1969 — С. 107.
49. Бутурлин С. А. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского краев. — СПб., 1907. — С. 169-178.
50. Там же, с. 47.
51. ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 215, л. 68.
52. Соколов М.П. Якутия по переписи 1917 г. — Иркутск, 1925 —Вып. 1 и 2. — С. XXI-XXII.
53. ОРЗПМ. — М., 1951 — С. 143.
54. КПМГ. — Л., 1939. — С. 64.
55. ДАИ. — Т. X. — СПб., 1857-1872. — С. 357.
56. Степанов Н.Н. Малые народности Якутии // История Якутской АССР. — М., 1957. — Т. 2. — С. 108-110.

57. Гуревич И.С. Малые народности Якутии со второй половины XVIII до 60-х годов XIX в. // История Якутской АССР. — М., 1957. — Т. 2. — С. 222.
58. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII—середина XIX в.). — М., 1956. — С. 182.
59. Богораз В.Г. Краткий отчет об обследовании чукоч Колымского края / Известия ВСОИРГО. — Иркутск, 1899. — Т. XXX. — С. 5.
60. Там же, с. 37-49.
61. Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И.Е. Андреевского — СПб., 1903. — Т. XXXIX. — С. 30.
62. Богораз В.Г. Краткий отчет об обследовании чукоч Колымского края // Известия ВСО ИРГО. — Иркутск, 1899. — Т. XXX. — С. 40.
63. Майдель Г.Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 гг. — СПб., 1894. — С. 97.
64. Поляков А. По нетронутым тропам. — М., 1983. — С. 79-81.
65. Майдель Г.Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 гг. — СПб., 1894. — С. 61, 98-99.
66. Нейман К.К. Несколько слов о торговле и промышленности северных округов Якутской области // Известия СО ИРГО. — Иркутск, 1872 — Т. III, №1-2. — С. 44.
67. Богораз В.Г. Краткий отчет об обследовании чукоч Колымского края // Известия ВСО ИРГО. — Иркутск, 1899. — Т. XXX. — С. 20, 40.
68. ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 11, д. 2772, л. 107, 109.
69. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 34956, л. 1,2.
70. Там же, ф. 12, оп. 1, д. 11794, л. 41-44.
71. Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского — СПб., 1903. — Т. XXXIX — С. 29.
72. Молодых И.Ф. Пути связи и снабжения Колымо-Индигирского края, — Иркутск, 1931. — С. 49.
73. Кротов М.А. К истории чукоч // Сб. тр. / Якут. исслед. общ. «Саха Кескиле». — 1927. — Вып. 1. — С. 53, 54.
74. Там же, с. 56.
75. Соколов М.П. Якутия по переписи 1917 г. — Иркутск, 1925. — Вып. 1 и 2. — С. XXI-XXII.
76. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. // История открытия и освоения Северного морского пути. — М., 1956. — Т. 1. — С. 156.
77. Там же, с. 171-173.

78. Богораз В.Г. Русские на реке Колыме // Жизнь. — 1899. — Т. VI. — С. 104-105.
79. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII—середина XIX в.) — М., 1956. — С. 259.
80. Памятная книжка Якутской области. — СПб., 1863. — С. 34-35.
81. Казачье население Якутской области // Статистико-экономический очерк, составленный канцелярией Якутского областного статистического комитета. — СПб., 1909. — С. 75-85.
82. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII—середина XIX в.). — М., 1956. — С. 208.
83. Софронов Ф.Г. Русские крестьяне в Якутии (XVII—начало XX вв.) — Якутск, 1961. — С. 105-106.
84. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 667, л. 11.
85. Там же, ф. 12, оп. 1, д. 668, л. 21.
86. Там же, ф. 12, оп. 1, д. 671, л. 9.
87. Богораз В.Г. Русские на реке Колыме // Жизнь, — 1899. — Т. VI. — С. 109, 141.
88. Соколов М.П. Якутия по переписи 1917 г. — Иркутск, 1925. — Вып. 1 и 2. — С. XXXIII.
89. Кротов В.А. Земледелие в бассейне Колымы. — М. — Иркутск, 1932 — С. 26-50.
90. Майдель Г.Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 гг. — СПб., 1894 — С.79.
91. Трифанов А. Заметки о Нижнеколымске // Известия СО ИГРО. — Иркутск, 1872. — Т. III, № 3 — С. 165.
92. Богораз В.Г. Русские на реке Колыме // Жизнь. — 1899. — Т. VI. — С. 118-119.
93. Там же, с. 103-106.
94. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и род иноземцев. — СПб., 1912. — С. 800-808.
95. ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 677, л. К
96. Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. — М., 1940 — С. 16.
97. Парникова А.С. Расселение якутов в XVIII—XIX вв. //Из истории Якутии XVII—XIX вв. Якутск, 1965 — С. 81.
98. Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. — М., 1940, — С. 20-23.
99. КПМГ. — Л., 1939. — С. 113.
100. Парникова А.С. Расселение якутов в XVIII—XIX вв. // Из истории Якутии XVII—XIX вв. — Якутск, 1965 — С. 77, 81-82.

101. Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и восточному океану. — М., 1952. С.65-66.
102. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1820-1824). — М., 1948. — С. 116, 137.
103. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII—сер. XIX в.). М., 1956. С. 149-150.
104. ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 215, л. 65.
105. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1820—1824). — М., 1948. — С. 212-213.
106. Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского, т. XV. — СПб., 1895. — С. 779.
107. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы ХуШ— середина XIX в.), — М., 1956. — С. 129, 350.
108. Майдель Г.Л. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 гг. — СПб., 1894. — С. 69-70.
109. Йохельсон В.И. Предварительный отчет об исследованиях инородцев Колымского и Верхоянского округов // Известия ВСО ИРГО. — Иркутск, 1898. — Т. XXIX, №1. — С. 14-15.
110. Под Северным полярным кругом // Очерки Колымского края Якутской области. — М., 1895, — С. 27-29.
111. Оксенов А.В. Среднеколымск и его округ // Исторический вестник, год шестой — СПб., 1885. — Т. XXI. — С. 108.
112. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 5652, л. 1, 3, 7.
113. Шкловский И. Очерки крайнего северо-востока // Записки ВСО ИРГО. Иркутск, 1892. Т. 2, вып. 2. — С. 89-92.
114. ЦГИАЛ, ф. 1291, оп. 84, д. 18, л. 3, 4.
115. Там же, ф. 1291, оп. 84, д. 66, л. 274-275.
116. Мицкевич С.И. Записки врача-общественника (1888-1918).—М.: Медицина, 1969. — С. 105-107.
117. ЦГА ЯАССР, ф. 17, оп. 1, д. 2175, л. 10.
118. Соколов М.П. Якутия по переписи 1917 г. — Иркутск, 1925. — Вып. 1 и 2. — С. XXI.
119. Бутурлин С.А. Отчет уполномоченного Министерства » внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского краев. — СПб., 1907. — С. 144-151.

Глава 3. Экономическое положение Колымского округа

1. Шкловский И. Очерки крайнего северо-востока // Записки ВСО ИРГО. — Иркутск, 1892 — Т. 2, вып. 2. — С. 42.

2. Аргентов А. Нижнеколымский край // Известия ИРГО. — Т. XV. — 1879. — С. 424.
3. Бутурлин С.А. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского краев. — СПб., 1907. — С. 17.
4. Нейман К.К. Несколько слов о торговле и промышленности северных округов Якутской области // Известия СО ИРГО. — Иркутск, 1872. — Т. III, № 1-2 — С 39.
5. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 5900, л. 4, 5, 6.
6. Обзор Якутской области за 1887 г. — Якутск 1888. — С 11
7. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 34956, л. 1.
8. Обзор Якутской области за 1885 г. — Якутск, 1887. — С. 25.
9. Обзор Якутской области за 1887 г. — Якутск, 1888. — С. 14.
10. Обзор Якутской области за 1889 г. — Якутск, 1890. — С. 18, 11. Обзор Якутской области за 1894 г. — Якутск, 1895. — С. 26.
12. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 13863, л. 1, 3, 4, 19.
13. Там же, д. 15013, л. 3.
14. Там же, д. 16308, л. 14, 15.
15. Обзор Якутской области за 1896 г. — Якутск, 1897. — С. 20.
16. Шкловский И. Очерки крайнего северо-востока // Записки ВСО ИРГО. — Иркутск, 1892. — Т. 2, вып. 2. — С. 43-45.
17. Бутурлин С.А. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского краев. — СПб., 1907. — С. 97, 144.
18. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1820-1824). — М., 1948. — С. 144.
19. Шкловский И. Очерки крайнего северо-востока // Записки ВСО ИРГО. — Иркутск, 1892. — Т. 2, вып. 2. — С. 62.
20. ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 215, л. 47.
21. Йохельсон В.И. По рекам Ясачной и Коркодону // Известия ИРГО. — СПб., 1898. — Т. XXXIV, вып. 3. — С. 269, 282.
22. ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 215, л. 65.
23. Там же, л. 55, 56, 59.
24. Йохельсон В.И. Зверопромышленность и торговля мехами: Очерк //Тр. Якут, экспед. — СПб., 1898. — Т. X. ч. 3. — С. 138-141.
25. Там же, с. 11-25.
26. Кротов М.А. На Севере дальнем. — М., 1957. — С. 43.

27. Кибер А.Ф. Замечания о некоторых предметах естественной истории, учиненной в Нижнеколымске и окрестностях оного в 1821 г. // Сибир. вест., ч. 2 — СПб., 1823 — С. 131-133.
28. Иохельсон В.И. Зверопромышленность и торговля мехами: Очерк // Тр. Якут. экспед. СПб., 1898. Т. X, ч. 3. С. 41.
29. Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и восточному океану. — М., 1952. — С. 66.
30. Серошевский В.Л. Якуты. — СПб., 1896. — С. 140.
31. Иохельсон В.И. Зверопромышленность и торговля мехами: Очерк // Тр. Якут, экспед — СПб., 1898 — Т. X, ч. 3. — С. 76, 96.
32. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. // История открытия и освоения Северного морского пути. — М., 1956, — Т. 1, — С. 156.
33. Иохельсон В.И. Зверопромышленность и торговля мехами: Очерк // Тр. Якут, экспед. — СПб., 1898 — Т. X, ч. 3. — С. 34, 71.
34. Там же, с. 48—57.
35. Там же, с. 75, 85-90, 98.
36. Там же, с. 104-105.
37. Кротов М.А. Родная Якутия. — Якутск, 1957 — С. 64.
38. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1820-1824). — М., 1948. — С. 142.
39. Аргентов А. Нижнеколымский край // Известия ИРГО. — Т. XV. — 1879. С. 435.
40. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1820-1824). — М., 1948. — С. 144.
41. Кибер А.Ф. Замечания о некоторых предметах естественной истории, учиненной в Нижнеколымске и окрестностях оного в 1821 г. // Сибир. вестн., ч. 2 — СПб., 1823 — С. 134-135.
42. Юкагиры (историко-этнографический очерк). — Новосибирск: Наука, 1975. — С. 40.
43. Там же, с. 58.
44. Иохельсон В.И. Зверопромышленность, и торговля мехами: Очерк // Тр. Якут, экспед. — СПб., 1898. — Т. X, ч. 3. — С. 41.
45. ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 215, л. 68.
46. Аргентов А. Нижнеколымский край // Известия ИРГО. — Т. XV. — 1879, — С. 448.
47. Майдель Л.Г. Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 гг. — СПб., 1894. — С. 97.

48. Богораз В.Г. Краткий отчет об обследовании чукоч Колымского края // Известия ВСОИРГО. — Иркутск, 1899 — Т. XXX. — С. 5, 6.
49. Нейман К.К. Несколько слов о торговле и промышленности северных округов Якутской области // Известия СОИРГО. — Иркутск, 1872 — Т. III, № 1-2. — С. 44.
50. Богораз В.Г. Краткий отчет об обследовании чукоч Колымского края // Известия ВСОИРГО. — Иркутск, 1899. — Т. XXX. — С. 43.
51. Юагиры (историко-этнографический очерк). — Новосибирск, Наука, 1975. — С. 58.
52. Кротов М.А. К истории чукоч // Сб. тр. / Якут, исслед. общ. «Саха Кескиле». — 1927. — Вып. 1. — С. 53.
53. Среднеколымский райархив, ф. 1, оп. 1, д. 1, л. 18.
54. ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 215, л. 68.
55. Ленин В.И. Капиталистический строй современного земледелия // Полн. собр. соч. — Т. 19. — С. 327.
56. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII—середина XIX в.). — М., 1956. — С. 129-130.
57. Среднеколымский райархив, оп. 1, д. 1, л. 22-25.
58. ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 215, л. 65.
59. Нейман К.К. Несколько слов о торговле и промышленности северных округов Якутской области // Известия СО ИРГО. — Иркутск, 1872. — Т. III, № 1-2. — С. 44.
60. Обзор Якутской области за 1888 г. — Якутск, 1889. — С. 59.
61. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 10427, л. 3, 8.
62. Мицкевич С.И. Записки врача-общественника (1888-1918) — М.: Медицина, 1969. — С. 105.
63. Соколов М.П. Якутия по переписи 1917 г. — Иркутск, 1925. — Вып. 1 и 2 — С. XXXIII.
64. ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 215, л. 63.
65. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII — сер. XIX в.) — М., 1956. — С. 208.
66. Кротов В.А. Земледелие в бассейне Колымы, — М.-Иркутск, 1932. — С. 26-29.
67. Там же, с. 43, 48.
68. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 2237, л. 11-13.
69. Кротов В.А. Земледелие в бассейне Колымы. — М.- Иркутск, 1932. — С. 55.
70. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 2237, л. 3, 4.

71. Кротов В.А. Земледелие в бассейне Колымы. — М.-Иркутск, 1932. — С. 41, 42, 46, 51, 52.
72. Цыперович Г.В. За полярным кругом (10 лет ссылки в Колымске). — М.- Пг., 1924. — . 152-153.
73. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 4264, л. 4.
74. Кротов В.А. Земледелие в бассейне Колымы, — М. — Иркутск, 1932. — С. 56.
75. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. // История открытия и освоения Северного морского пути. — М., 1956. — Т. 1. — С. 153-155.
76. Молодых И.Ф. Пути связи и снабжения Колымо-Индигирского края. — Иркутск, 1931. — С. 17.
77. Мостхов С.Е. Русские путешественники-исследователи Якутии. — Якутск, 1982, — С. 22.
78. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. // История открытия и освоения Северного морского пути. — М., 1956. — Т. 1. — С. 171-173.
79. Там же, с. 182.
80. Молодых И.Ф. Пути связи и снабжения Колымо-Индигирского края. — Иркутск, 1931. — С. 22, 23.
81. Там же, с. 31, 32, 38.
82. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1820-1824). — М, 1948. — С. 148, 432-434.
83. Тан-Богораз В.Г. К вопросу марксистского метода к изучению этнографических явлений // Этнография. — М. — Л., 1930. — №1-2. — С. 33.
84. Нейман К.К. Несколько слов о торговле и промышленности северных округов Якутской области // Известия СОИРГО. — Иркутск, 1872. — Т. III, № 1-2 — С. 42.
85. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 11794, л. 12, 34-40.
86. Молодых И.Ф. Пути связи и снабжения Колымо-Индигирского края. — Иркутск, 1931. — С. 79. 80.
87. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 11794, л. 1, 2.
88. Там же, л. 37.
89. ЦГИАЛ, ф. 1288, оп. 23, д. 62, л. 7.
90. Молодых И.Ф. Пути связи и снабжения Кольшо-Индигирского края. — Иркутск, 1931. — С. 85 — 91.
91. ЦГИАЛ, ф. 1288, оп. 23, д. 62, л. 10, 11, 13.
92. Там же, л. 14.

93. Молодых И.Ф. Пути связи и снабжения Колымо-Индигирского края. — Иркутск, 1931. — С. 81.
94. Николаев В.Н. Якутский край и его исследователи. — Якутск, 1913. — Вып. 1. — С. 68.
95. Востротин С.В. Северный морской путь // Азиатская Россия. — СПб., 1914. — Т. 2. — С. 583-585.
96. Николаев В.Н. Якутский край и его исследователи. — Якутск, 1913. — Вып. 1. — С. 65-66.
97. ЦГИАЛ, ф. 1278, оп. 7, д. 774, л. 5.
98. ЦГА ЯАССР, ф. 17, оп. 1, д. 3094, л. 2-3.
99. Мицкевич С.И. Записки врача-общественника (1888- 1918). — М.: Медицина, 1969 — С. 100-101.
100. ЦГИАЛ, ф. 1263, оп. 2, д. 5515, л. 74.
101. Там же, ф. 1152, оп. 3, д. 319, л. 8.
102. Там же, ф. 1284, оп. 185, д. 10, л. 10.
103. Вдовин И.С. Торговые связи населения северо-востока Сибири и Аляски (до начала XX в.) // Летопись Севера. — М., 1964. — Т. IV. — С. 117.
104. Белов М.И. Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX в. // История открытия и освоения Северного морского пути. — М., 1956. — Т. 1. — С. 156.
105. Там же, с 179-182.
106. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII—сер. XIX в.). — М., 1956. — С. 187.
107. Там же, с. 182.
108. Молодых И.Ф. Пути связи и снабжения Колымо-Индигирского края. — Иркутск, 1931. — С. 48-49.
109. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1820-1824). — М., 1948 — С. 157, 158, 174-186.
110. Майдель Г.Л., Путешествие по северо-восточной части Якутской области в 1868-1870 гг. — СПб., 1894. — С. 84-85.
111. Молодых И.Ф. Пути связи и снабжения Колымо-Индигирского края. — Иркутск, 1931. — С. 54, 61.
112. Бутурлин С.А. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского краев. — СПб., 1907. — С. 147.
113. Молодых И.Ф. Пути связи и снабжения Колымо-Индигирского края. —Иркутск, 1931. — С. 71.

114. Йохельсон В.И. Зверопромышленность и торговля мехами. Очерк // Тр. Якут, экспед — СПб., 1898. — Т. X, ч. 3 — С. 128.
115. Башарин Г.П. История аграрных отношений в Якутии (60-е годы XVIII—середина XIX в.). — М., 1956 — С. 185.
116. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 7082, л. 27-30.
117. ЦГИАЛ, ф. 575, оп. 1, д. 2222, л. 10, 11.
118. Там же, л. 20-22.
119. Бутурлин С.А. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского краев. — СПб., 1907. — С. 47, 48.
120. Молодых И.Ф. Пути связи и снабжения Колымо-Индигирского края. — Иркутск, 1931. — С. 106.
121. Миловзоров П. Путешествие по Лене и Колыме // Известия. — 1935. — 12 янв.
122. Славин С.В. Американская экспансия на северо-востоке России в начале XX в. // Летопись Севера. — 1949. — № 1. — С. 137.
123. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1820-1824). — М., 1948 — С. 38.
124. Женных Л., Лаптев Н. Из истории подрывной деятельности империалистических государств на территории Якутии // По Ленинскому пути. — 1961 — № 10 — С. 36.
125. Славин С.В. Американская экспансия на северо-востоке России в начале XX в. // Летопись Севера. — 1949. — № 1. — С. 137.
126. Чемезов В. Провал экономической диверсии на северо-востоке Якутии в 1921-1925 гг. // По Ленинскому пути. — 1958. — № 8. — С. 40.
127. ЦГИАЛ, ф. 1284, оп. 185, д. 10, л. 8, 9, 10.
128. Женных Л., Лаптев Н. Из истории подрывной деятельности империалистических государств на территории Якутии // По Ленинскому пути. — 1961 — № 10. — С. 37.
129. История Якутской АССР / Под ред. С.А. Токарева и др. — М., 1957. — Т. 2. — С. 323.

Глава 4. Колымская ссылка

1. Ярославский Е. Февральская революция Якутии // 100 лет Якутской ссылки. — М.: Изд-во ВО политкаторжан, 1934. — С. 280
2. Лурье Г. Якутская ссылка до 70-х гг. XIX в. // 100 лет Якутской ссылки. — М.: Изд-во ВО политкаторжан, 1934. — С. 81.
3. Сельский И. Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц (1645-1742 гг.) // Русское слово. — 1861. — №8. — С. 11,12,14,16.

4. Оксенов А.В. Среднеколымск и его округ // Исторический вестник, год шестой. — СПб., 1885. — Т. XXI. — С. 121-123, 126.
5. Сельский И. Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц (1645-1742 гг.) // Русское слово. — 1861 — № 8. — С. 17, 18.
6. Лурье Г. Якутская ссылка до 70-х гг. XIX в. // 100 лет Якутской ссылки. — М.: Изд-во ВО политкаторжан, 1934. — С. 83, 84.
7. Богораз В.Г. Русские на реке Колыме // Жизнь. — СПб., 1899. — Т. IV. — С. 105.
8. Мицкевич С. И. Записки врача-общественника (1888-1918) — М.: Медицина, 1969. — С. 92-93.
9. Ленин В.И. Доклад о революции 1905 г. // Полн. собр. соч. — Т. 30. — С. 315.
10. Попов Г.А. Декабристы в Колымске // Сб. тр. / Якут., общ-во по изуч. ЯАССР. — 1936. — Вып. 1. — С. 57-60.
11. Там же, с. 55, 60.
12. Сафронов Ф.Г. Декабристы в Якутской ссылке. — Якутск, 1975. — С. 17-22.
13. Ленин В.И. Из прошлого рабочей печати в России // Поли. собр. соч. — Т. 25. — С. 93-94.
14. Кротов М.А. Якутская ссылка 70-80-х гг. — М., 1925. — С. 11.
15. Там же, с. 39.
16. Брагинский М. Старая политическая ссылка 70-80-х гг. XIX в. // 100 лет Якутской ссылки. — М.: Изд-во ВО политкаторжан, 1934. — С. 121, 122.
17. Кротов М.А. Якутская ссылка 70-80 гг. — М., 1925. — С. 165.
18. Там же, с. 62, 63.
19. Там же, с. 73-79.
20. Там же, с. 77, 80-82.
21. Там же, с. 86.
22. Там же, с. 38.
23. Поляков М. На краю света (Колымская ссылка). — М., 1929. — С. 6.
24. Кротов М. Якутская ссылка 70-80-х гг. — М., 1925. — С. 165-242.
25. Поляков М. На краю света (Колымская ссылка). — М., 1929 — С. 62.
26. Осипович Н. Один из своих // Каторга и ссылка. — 1924. — №2(9). — С. 66-67.
27. Тан. Коронация в Колымске. — Ростов-на-Д. — 1907. — С. 3-5.
28. Поляков М. На краю света (Колымская ссылка). — М., 1929. — С. 47-52.
29. Тан. Коронация в Колымске. — Ростов-на-Д., 1907. — С. 4.

30. Поляков М. На краю света (Колымская ссылка). — М., 1929. — С. 71-73.
31. Тан. Коронация в Колымске. — Ростов-на-Д. — 1907. — С. 5.
32. Кротов М. Якутская ссылка 70-80-х гг. — М., 1925. — С. 101.
33. Там же, с. 119.
34. Ленин В.И. Доклад о революции 1905 г. // Полн. собр. соч. — Т. 30. — С. 315.
35. Брагинский М. Старая политическая ссылка 70-80-х гг. XIX в. // 100 лет Якутской ссылки, — М, Изд-во ВО политкаторжан, 1934. — С. 168-173.
36. Кротов М. Якутская ссылка 70-80-х гг. — М., 1925. — С. 129.
37. Ленин В.И. Военная программа пролетарской революции // Поли. собр. соч. — Т. 25. — С. 132.
38. Ленин В.И. Памяти А.И. Герцена // Поли. собр. соч.— Т. 21.— С. 261.
39. Кротов М. Якутская ссылка 70-80-х гг. — М., 1925. С. 228, 229.
40. Там же, с. 180.
41. Цыперович Г. За полярным кругом (10 лет ссылки в Колымске). — М.-Пг., 1924. — С. 238.
42. Там же, с. 237-242.
43. Мещерский А. Первые марксисты в Сибирской ссылке. — Иркутск, 1966. — С. 21.
44. Там же, с. 54.
45. Мицкевич С.И. Записки врача-общественника.— М.: Медицина, 1969 — С. 7-9.
46. Цыперович Г. За полярным кругом (10 лет ссылки в Колымске). — М.-Пг., 1924. — С. 47, 48.
47. Там же, с. 73.
48. Мещерский А. Первые марксисты в Сибирской ссылке.—Иркутск, 1966.— С. 38, 39.
49. Ергина Л. Год в Среднеколымске (дело Ергина) // В Якутской неволе. — М., 1927. — С. 114.
50. Цыперович Г. За полярным кругом (10 лет ссылки в Колымске). — М.-Пг., 1924. — С. 148.
51. Там же, с. 103.
52. Поляков М. На краю света (Колымская ссылка). — М., 1929. — С. 70, 84, 85.
53. Цыперович Г. За полярным кругом (10 лет ссылки в Колымске). — М.-Пг., 1924. — С. 32-34.

54. Ергина Л. Год в Среднеколымске (дело Ергина) // В Якутской неволе — М., 1927. — С. 111.
55. Поляков М. На краю света (Колымская ссылка). — М., 1929. — С. 64.
56. Цыперович Г. За полярным кругом (10 лет ссылки в Колымске). — М.-Пг., 1924. — С. 86.
57. Там же, с. 173-174.
58. Там же, с. 86.
59. ЦГА ЯАССР, ф. 17, оп. 1, д. 2557, л. 1.
60. Виленский-Сибиряков В. Якутская ссылка 1906-1917 гг. // 100 лет Якутской ссылки. — М.: Изд-во ВО политкаторжан, 1934. — С. 255-256.
61. Поляков М. На краю света (Колымская ссылка). — М., 1929.—С. 85.
62. Цыперович Г. За полярным кругом (10 лет ссылки в Колымске). — М.-Пг., 1924. — С. 138.
63. Мицкевич С. И. Записки врача-общественника (1888- 1918). —М.: Медицина, 1969 — С. 92.
64. Цыперович Г. За полярным кругом (10 лет ссылки в Колымске). — М.-Пг., 1924. — С. 139.
65. Ергина Л. Год в Среднеколымске (дело Ергина) // В Якутской неволе — М., 1927, — С. 116.
66. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 11137, л. 2, 15, 37.
67. Ергина Л. Год в Среднеколымске (дело Ергина) // В Якутской неволе. — М., 1927. — С. 118-119.
68. Там же, с. 120-123.
69. ЦГА ЯАССР, ф. 17, оп. 3, д. 10, л. 5, 6, 11.
70. Ергина Л. Год в Среднеколымске (дело Ергина) //В Якутской неволе. — М., 1927. — С. 125-127.
71. Там же, с. 127-134.
72. Там же, с. 135.
73. Цыперович Г. За полярным кругом (10 лет ссылки в Колымске). — М.-Пг., 1924. — С. 125.
74. ЦГА ЯАССР, ф. 17, оп. 1, д. 2238, л. 1, 3, 4.
75. Лурье Г. Якутская ссылка до 70-х гг. XIX в. // 100 лет Якутской ссылки. — М.: Изд-во ВО политкаторжан, 1934. — С. 188-189.
76. Цыперович Г. За полярным кругом (10 лет ссылки в Колымске). — М.-Пг., 1924 — С. 237-242.
77. Лурье Г. Якутская ссылка до 70-х гг. XIX в. // 100 лет Якутской ссылки. — М.: Изд-во ВО политкаторжан, 1934. — С. 198-199.

78. ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 107, д. 3674, л. 1, 2.
79. Там же, л. 8, 10.
80. Ленин В.И. Первая победа революции // Полн. собр. соч. — Т. 12. — С. 28.
81. ЦГИАЛ, ф. 1405, оп. 107, д. 3674, л. 14.
82. ЦГА ЯАССР, ф. 17, оп. 1, д. 2265, л. 1-5, 9, 15, 19, 23, 27.
83. Там же, л. 34, 43, 46.
84. Там же, л. 76, 84, 88-90.
85. Ленин В.И. Падение Порт-Артура // Полн. собр. соч. — Т. 9 — С. 158.
86. ЦГА ЯАССР, ф. 17, оп. 3, д. 8, л. 4, 5.
87. Там же, д. 5, л. 5.
88. Там же, д. 6, л. 18, 20, 22, 23.
89. Там же, д. 9, л. 2, 7.
90. Там же, д. 5, л. И, 12.
91. Там же, д. 4, л. 19, 20, 23, 39-41.
92. Там же, д. 7, л. 2, 13, 32.
93. Там же, ф. 15, оп. 23, д. 46, л. 1, 2.
94. Там же, ф. 17, оп. 3, д. 11, л. 4.
95. Шелехова Р. В. Борьба за Советскую власть на севере Якутии — Якутск, 1972. — С. 56, 73.
96. ЦГА ЯАССР, ф. 17, оп. 1, д. 3374, л. 1-4.
97. Там же, д. 3375, л. 11, 12.
98. Там же, д. 3192, л. 7, 9, 10.
99. Там же, оп. 3, д. 6, л. 81, 84, 89, 90.
100. Богораз В.Г. Собрание сочинений. — Т. 1-10. СПб., 1900-1911.
101. Богораз В.Г. Собрание сочинений. — Т. 1-4. М.-Л., 1928-1929.
102. Богораз В.Г. Колымские рассказы. — М.-Л., 1936.
103. Богораз В.Г. Русские на реке Колыме // Жизнь. — СПб., 1899. — Т. 41. — С. 104-124.
104. Николаев В.Н. Якутский край и его исследователи. — Якутск, 1913. — Вып. 1. — С. 35-36.
105. Цыперович Г. За полярным кругом (10 лет ссылки в Колымске). — М.-Пг., 1924. — С. 205.
106. Николаев В.Н. Политическая ссылка в изучении Якутского края // В Якутской неволе. — М., 1927. — С. 184-190, 195.
107. Серошевский В. Л. Якуты. — СПб., 1896. — Т. 1. — С. 235.
108. Серошевский В.Л. На краю лесов. — Л., 1928.
109. Серошевский В.Л. Воспоминания о сибирской ссылке. — М., 1926.

110. Ергина Л. Год в Среднеколымске (дело Ергина) // В Якутской неволе. — М., 1927. — С. 112-113.
111. Шкловский И. Очерки крайнего северо-востока // Записки ВСО ИРГО. — Иркутск, 1892 — Т. 2, вып. 2. — С. 42-110.
112. Кротов М.А. Якутская ссылка 70-80-х гг. — М., 1925. — С. 179.
113. Цыперович Г. За полярным кругом (10 лет ссылки в Колымске). — М.-Пг., 1924. — С. 198.
114. Николаев В.Н. Политическая ссылка в изучении Якутского края // В Якутской неволе. — М., 1927. — С. 197.
115. Там же, с. 192.
116. Бутурлин С. А. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского краев. — СПб., 1907. — С. 169-180.
117. Ленин В.И. Выписки из писем В. И. Ленина к родным // Поли, собр. соч. — Т. 55. — С. 385.
118. Там же, с. 196.
119. Мицкевич С.И. Записки врача-общественника (1888-1918). — М.: Медицина, 1969. — С. 114, 220.
120. ЦГАОР, ф. 3977, оп. 1, д. 677, л. 1, 2, 4, 6.
121. Мицкевич С.И. Записки врача-общественника (1888-1918). — М.: Медицина, 1969 — С. 140.
122. Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 55. — С. 579-580.

Глава 5. Культура

1. Сергеев М. А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. — М.-Л., 1955. — С. 12-14.
2. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1820-1824). М., 1948. С. 225.
3. Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и восточному океану — М., 1952.— С. 82.
4. Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? — М., 1979. — С. 87.
5. Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. — М.-Л., 1955. — С. 69-71.
6. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? — М., 1979. — С. 88.
7. Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. — М.-Л., 1955. — С. 73-74, 80-81.
8. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? — М., 1979. — С. 90-92.
9. Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. — М.-Л., 1955. — С. 83-87.

10. Под Северным полярным кругом // Очерки Колымского края Якутской области. — М., 1895. — С. 27-29.
11. Ленин В.И. О кооперации // Поли. собр. соч. — Т. 45 — С. 377.
12. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? — М., 1979. — С. 98, 100.
13. Йохельсон В.И. По реке Ясачной и Коркодону // Известия ИРГО. — СПб., 1898. — Т. XXXIV, вып. 3. — С. 289.
14. Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. — М.-Л., 1955. — С. 199.
15. Адлер Б.Ф. Карты первобытных народов // Тр. геогр. отд. / Изв. импер. общ. любит. естеств., антроп. и этногр. — 1910. — Т. CXIX. — С. 84, 145.
16. Йохельсон В.И. Предварительный отчет об исследовании инородцев Колымского и Верхоянского округов // Известия ВСОИРГО. — Иркутск, 1898 — Т. XXIX, № 1 — С. 15.
17. Шаргородский С.М. Об юкагирских письменах // Земледелие. — 1895. — № 2-3. — С. 141.
18. Сергеев М.А. Некапиталистический путь развития малых народов Севера. — М.-Л., 1955 — С. 198.
19. Йохельсон В.И. Предварительный отчет об исследовании инородцев Колымского и Верхоянского округов // Известия ВСОИРГО. — Иркутск, 1898. — Т. XXIX, № 1. — С. 27-29.
20. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? — М., 1979. — С. 32-35.
21. Юкагиры (историко-географический очерк). — Новосибирск: Наука, 1975 — С. 111-115.
22. Там же, с. 125.
23. Эргис Г.У. Сесен Иванович Боло — собиратель географического фольклора якутов (1905-1948) // Тр. инст. яз., литер, и ист. — 1959. — Вып. 1(6). — С. 33-37.
24. Богораз В.Г. Русские на реке Колыме // Жизнь. — 1899. — Т. VI. — С. 124-125.
25. Эргис Г.У. Сесен Иванович Боло — собиратель географического фольклора якутов (1905-1948) // Тр. инст. яз., литер, и ист. — 1959. — Вып. 1(6). — С. 38.
26. Богораз В.Г. Краткий обзор об обследовании чукоч Колымского края // Известия ВСОИРГО. — Иркутск, 1899 — Т. XXV — С. 23.
27. Йохельсон В.И. Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. — СПб., 1900. — Ч. 1 — С. 121-124.
28. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? — М., 1979. — С. 108-113.

29. Серошевский В.Л. Якуты. — СПб., 1896 — С. 139, 606, 637-638.
30. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? — М., 1979. — С. 115-117.
31. Серошевский В.Л. Якуты — СПб., 1896. — С. 625.
32. Богораз В.Г. Русские на реке Колыме // Жизнь. — 1899. — Т. VI. — С. 122-124.
33. Аргентов А. Путевые заметки священника миссионера в приполярной местности // Записки СОИРГО. — СПб., 1858. — С. 11.
34. Памятная книжка Якутской обл. за 1863 г. — СПб., 1864, С. 29.
35. Аргентов А. Путевые заметки священника миссионера в приполярной местности // Записки СОИРГО. — СПб., 1858.— С. 6-7.
36. Серошевский В.Л. Якуты — СПб., 1896 — С. 653.
37. Цыперович Г.В. За полярным кругом (10 лет ссылки в Колымске). — М.-Пг., 1924. — С. 178.
38. Цыперович Г.В. За полярным кругом (10 лет ссылки в Колымске). — М.-Пг., 1924.
39. Там же, с. 177-178.
40. Поляков М. На краю света (Колымская ссылка). — М., 1929. — С. 78-81.
41. ЦГА ЯАССР, ф. 16, оп. 1, д. 1067, л. 16, 17.
42. Там же, ф. 16-и, оп. 1, д. 203, л. 71.
43. Там же, л. 3, 6, 8, 9-11, 17, 19.
44. Там же, л. 48, 52, 53.
45. Там же, ф. 16, оп. 1, д. 1067, л. 59.
46. Там же, л. 62.
47. Там же, ф. 12-и, оп. 1, д. 2228, л. 9.
48. Там же, ф. 17-и, оп. 1, д. 354, л. 16, 100.
49. Там же, ф. 12-и, оп. 1, д. 2228, л. 20.
50. Там же, ф. 12, оп. 1, д. 34956, л. 7.
51. Там же, ф. 18-и, оп. 1, д. 143, л. 5.
52. Там же, ф. 18, оп. 1, д. 143, л. 1.
53. Там же, ф. 12, оп. 1, д. 4331, л. 5.
54. Обзор Якутской области за 1887 г. — Якутск, 1888. — С. 62.
55. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 5413, л. 3-7.
56. Там же, л. 1, 2.
57. Шкловский И. Очерки крайнего северо-востока // Записки ВСО ИРГО. Иркутск, 1892. Т. 2, вып. 2. — С. 79, 110.
58. Серебренников И.И. Материалы к вопросу грамотности инородцев // Известия ВСО ИРГО. Иркутск, 1909. С. 7.
59. Восточное обозрение, 1900, № 148.

60. Восточное обозрение, Л 901, № 52.
61. Русское богатство, 1902, № 7.
62. ЦГА ЯАССР, ф. 17, оп. 1, д. 2175, л. 91.
63. Березкина О.М., Горохов С.Н. Культурно-просветительная и научно-исследовательская деятельность политссыльных на Колыме в конце XIX — начале XX в. // Из истории политической ссылки в Якутии. — Якутск, 1977. — С. 49.
64. Богораз В.Г. Колымская Иудея // Европейская летопись. — М., 1924. — С. 194.
65. Поляков М. Воспоминания о Колымской ссылке // Каторга и ссылка. — 1928. — №10. — С. 120.
66. Цыперович Г.В. За полярным кругом (10 лет ссылки в Колымске). М.-Пг., 1924. — С. 100.
67. ЦГА ЯАССР, ф. 17, оп. 1, д. 2209, л. 6, 9.
68. ЦГИАЛ, ф. 803, оп. 16, д. 2208.
69. Там же, д. 2210.
70. Там же, д. 2211.
71. Там же, д. 2213.
72. Долгих Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. — М., 1960. — С. 440.
73. Серошевский В.Л. Якуты. — СПб., 1896. — С. 637.
74. Аргентов А. Нижнеколымский край // Известия ИРГО. — 1879. — Т. XV. — С. 446.
75. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? — М., 1979. — С. 102.
76. Семенов В.С. Русские врачи в Якутии // Ведущая роль русского народа в развитии народов Якутии. — Якутск, 1955. — С. 184.
77. Сельский И. Ссылка в Восточную Сибирь замечательных лиц (1645-1742) // Русское слово. 1861. № 8. — С.71.
78. Туголуков В. А. Кто вы, юкагиры? — М., 1979. — С. 39.
79. Семенов В.С. Русские врачи в Якутии // Ведущая роль русского народа в развитии народов Якутии. — Якутск, 1955, — С. 184.
80. ЦГИАЛ, ф. 1287, оп. 12, д. 1357, л. 3, 4.
81. Там же, ф. 468, оп. 9, д. 919, л. 54-133.
82. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 4211, л. 1, 2.
83. Обзор Якутской области 1885 г. — Якутск, 1887. — С. 63.
84. ЦГА ЯАССР, ф. 12, оп. 1, д. 34956, л. 6.
85. Там же, д. 4211, л. 3, 4.
86. Там же, д. 6325, л. 18.
87. Там же, д. 9454, л. 1,3, 96-99.

88. Ленин В.И. А.И. Ульяновой-Елизаровой 15 июля 1898 г. // Полн. собр. соч. — Т. 55. — С. 94.
89. Мицкевич С.И. Записки врача-общественника (1888- 1918). —М.: Медицина, 1969. — С. 88-90, 94-96.
90. ЦГА ЯАССР, ф. 17, оп. 1, д. 1833, л. 1.
91. Мицкевич С.И. Записки врача-общественника (1888-1918) —М.: Медицина, 1969 — С. 101, 102.
92. Там же, с. 107-112.
93. ЦГА ЯАССР, ф. 17, оп. 1, д. 2175, л. 89.
94. Мицкевич С.И. Записки врача-общественника (1888-1918) —М.: Медицина, 1969 — С. 136, 137.
95. Бутурлин С.А. Отчет уполномоченного Министерства внутренних дел по снабжению продовольствием в 1905 г. Колымского и Охотского краев. — СПб., 1907. — С. 20, 21.
96. ЦГА ЯАССР, ф. 17, оп. 1, д. 2265, л. 51, 85.
97. Там же, д. 3111, л. 1.
98. Петров П.А., Ягья Н.С. Здравоохранение в Якутии. — Якутск: Кн. изд-во, 1972 — С. 14.
99. ЦГА ЯАССР, ф. 17, оп. 1, д. 3111, л. 1.
100. Там же, ф. 394, оп. 1, д. 36, л. 9, 10.
101. Бахрушин В.С. Избранные работы по истории Сибири XVI —XVII вв // История народов Сибири в XV—XVII вв.— М., 1945. — Ч. 2. — С. 237.
102. Сарыче в Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и восточному океану. — М., 1952. — С. 49.
103. Там же, с. 41.
104. Там же, с. 106.
105. Врангель Ф.П. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1820-1824). — М., 1948. — С. 154.
106. Там же, с. 2.
107. Ревзин Г.И. Подвиг жизни Ивана Черского. — М.-Л., 1952. — С. 68-82.
108. Черский И.Д. Неопубликованные письма и дневники. — Иркутск, 1956. — С. 232-234.
109. Там же, с. 296.
110. Там же, с. 346.
111. Там же, с. 289-299.
112. Там же, с. 289.

113. Мостахов С.Е. Сподвижники путешественников-исследователей Якутии. — Якутск, 1982. — С. 116.
114. Ревзин Г.И. Подвиг жизни Ивана Черского. — М.-Л., 1952. — С. 104—105.
115. ЦГА ЯАССР, ф. 17-и, оп. 1, д. 2781, л. 1, 2.
116. Там же, л. 50-51, 75.
117. Там же, л. 50.
118. ЦГА ЯАССР, ф. 17-и, оп. 1, д. 2781,
119. Там же, л. 52.
120. Седов Г.Я. Путешествие на Колыму и на Новую Сибирь в 1909-1910 гг. // Записки по гидрографии. — 1917. — Т. 41, вып. 2.

Глава 6. Февральская революция

1. Ярославский Е.М. Что было 9 лет назад в Якутске // По заветам Ильича. — Якутск, 1924. — С. 1.
2. Вестник ЯКОБ, 6 марта 1917 г.
3. Вестник ЯКОБ, 20 апреля 1917 г.
4. Шелехова Р.В. Борьба за советскую власть на Севере Якутии в 1917-1925 гг. — Якутск, 1972. — С. 57-58.
5. ЦГА ЯАССР, ф. 394, оп. 1, д. 5, л. 1.
6. Там же, д. 1, л. 37, 38, 39.
7. Там же, д. 13, л. 2, 3, 4.
8. Там же, д. 18, л. 1.
9. Там же, д. 13, л. 7.
10. Там же, д. 20, л. 1, д. 25, л. 1, 2.
11. Шелехова Р.В. Борьба за советскую власть на Севере Якутии в 1917-1925 гг. — Якутск, 1972. — С. 59, 61.
12. ЦГА ЯАССР, ф. 394, оп. 1, д. 12, л. 138.

Научно-популярное издание
Колесов Мефодий Ильич
ИСТОРИЯ КОЛЫМСКОГО КРАЯ

Часть I. Досоветский период (1642—1917 гг.).

Редактор Л. Н. Иодковская
Худож. редактор П. П. Соловьев
Художник Е. И. Третьякова
Техн. редактор М. Т. Егорова
Корректор Я. Д. Никитина

И Б № 2387

Сдано в набор 08.10.90. Подписано в печать
20.06.91. Формат 84х1081/32. Бумага кн.
журн. № 2. Гарнитура литературная. Печать
высокая. Усл. п. л. 12,6 Усл. кр.-отт. 12,81 Уч.-
изд. л. 13,63. Тираж 3000 экз. Заказ № 17.

Цена 14 р.

Якутское книжное издательство 677892,
Якутск, ул. Орджоникидзе, 31 Якутская рес-
публиканская типография, 677007, Якутск,
ул. Кирова, 9.

OCR: Андрей Дуглас, 2009